

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
http: www.veche.ru

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече—Казань»
тел. (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

ОТ АВТОРОВ.
ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ,
ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТЕЙ

Жители Каира никогда не видели властителя подобного этому. Через семь с четвертью веков со дня Хиджры — в 1347 году от Рождества Христова этот африканский правитель как паломник вошел в их город на своем пути в Мекку. Свита его блистала варварской пышностью. Впереди шествовали пятьсот рабов, каждый из которых нес церемониальный жезл из цельного золота весом в двадцать три килограмма. Затем верхом на прекрасном боевом коне ехал их господин Манса Муса, повелитель Мали, страны черных. За ним шли курчавые негры с другой стороны пустыни, проводники и погонщики верблюдов с закрытыми лицами, смуглые берберы Магриба — «Запада» — и пестрая толпа прихлебателей. Там были слуги, рабы и попутчики, которые готовили неизвестные яства, следовали меж собой чужеземным обычаям и говорили на странной смеси наречий, не поддававшейся пониманию. Но «гвоздем программы» был личный кошель Мансы Мусы, предназначенный для покрытия путевых расходов. Владея почти сотней верблюдов, сплошь груженных золотом, он представлял собой просто ходячую казну, располагавшую почти пятнадцатую тоннами необработанных золотых слитков.

Оставаясь верным своим традициям, Каир был поражен, но не ошеломлен. Городские купцы радостно окружили караван. Они продавали разинувшим рты странникам дешевые ткани кричащих расцветок в пять раз дороже обычной цены. Мелкие египетские чиновники просили и получали огромные взятки за обещанную помощь в

Манса Муса. Правитель на троне

пустынных делах. Особенно хорошо поживились работоторговцы. Иностранцы были охочи до рабынь и щедро платили за удовольствие. Рассказывали, что единственными жителями Каира, имевшими основания жаловаться, оказались ростовщики. Караван Мансы Мусы проявил столь сказочную щедрость, что мелкие ростовщики просто покинули рынок золота и не смогли оправиться еще двенадцать лет после этого посещения.

Сам африканский властитель изумил город не меньше, чем причудливая свита. Его внешность вызвала удивление. Каир ждал черного как смоль полудикого деспота с той стороны пустыни, где, по слухам, солнечные лучи испепеляли человеческий кожный покров до цвета черного янтаря. Вместо этого они обнаружили, что у него светлая кожа, согласно различным описаниям, красноватого или желтоватого оттенка. Он не проявлял никаких признаков унижительной первобытной дикости, ассоциировавшейся у каирцев с жителями Черной страны. Скорее, этот экзотический владыка питал большее почтение к Пророку и его учению, чем сами египтяне. Он был далек от преклонения перед арабской утонченностью, и стоило немалых трудов уговорить его высказать свои комплименты султану города. Можно, впрочем, добавить, что последнего больше заботило золото Мансы Мусы, нежели нарушения дипломатического этикета, и он даже несколько переусердствовал в своем стремлении ублажить гостя. Когда необычный караван отправился на восток, к Мек-

ке, о его дальнейшем продвижении, отличавшемся необычайной щедростью, докладывали примерно то же самое: говорили о выгоде торговли с ним, о царственном поведении Мансы Мусы, поддерживавшего ислам с почти ребяческой щедростью, а также о том, что по пути он не только потратил все пятнадцать тонн золота, но и продолжал жить с таким исключительным размахом, что был вынужден брать деньги в долг, который он безупречно погашал.

Рассказы о Мансе Мусе долетели через Средиземное море до слуха европейских картографов, стремившихся обозначить границы владений этого блистательного правителя на незаполненных местах своих атласов. Они нарисовали его в неизвестных областях внутренней Африки, — этого черного короля в изысканном наборе экзотических шахматных фигур, всемогущего властелина, сидящего на золотом троне или подушке, держащего в одной руке скипетр, а в другой — самородок чистого золота. Перед ним сделали надпись: «Сей черный владыка зовется Муса Мали, Владыка Негров Гвинеи. Столь богата его страна золотом, что он богатейший и благороднейший владыка тех земель».

Один такой атлас был составлен для короля Франции Карла V, а другой королева Мария Английская заказала в качестве подарка своему мужу, Филиппу II Испанскому. Он еще не был закончен, когда Мария умерла, и карта досталась ее сестре Елизавете, настроенной против Испании. Оскорбительный испанский герб, прежде нанесенный вместе с английским, был поспешно выскоблен, но изображение Мансы Мусы сохранилось, хотя с той поры, как он отправился в свой знаменитый хадж, прошло уже двести лет. Золотой властелин Черной Страны стал бессмерт-

ке, о его дальнейшем продвижении, отличавшемся необычайной щедростью, докладывали примерно то же самое: говорили о выгоде торговли с ним, о царственном поведении Мансы Мусы, поддерживавшего ислам с почти ребяческой щедростью, а также о том, что по пути он не только потратил все пятнадцать тонн золота, но и продолжал жить с таким исключительным размахом, что был вынужден брать деньги в долг, который он безупречно погашал.

Рассказы о Мансе Мусе долетели через Средиземное море до слуха европейских картографов, стремившихся обозначить границы владений этого блистательного правителя на незаполненных местах своих атласов. Они нарисовали его в неизвестных областях внутренней Африки, — этого черного короля в изысканном наборе экзотических шахматных фигур, всемогущего властелина, сидящего на золотом троне или подушке, держащего в одной руке скипетр, а в другой — самородок чистого золота. Перед ним сделали надпись: «Сей черный владыка зовется Муса Мали, Владыка Негров Гвинеи. Столь богата его страна золотом, что он богатейший и благороднейший владыка тех земель».

Один такой атлас был составлен для короля Франции Карла V, а другой королева Мария Английская заказала в качестве подарка своему мужу, Филиппу II Испанскому. Он еще не был закончен, когда Мария умерла, и карта досталась ее сестре Елизавете, настроенной против Испании. Оскорбительный испанский герб, прежде нанесенный вместе с английским, был поспешно выскоблен, но изображение Мансы Мусы сохранилось, хотя с той поры, как он отправился в свой знаменитый хадж, прошло уже двести лет. Золотой властелин Черной Страны стал бессмерт-

Такими представлялись европейцам жители Африки в средние века

ным символом неизвестной Африки, и его образ все еще прочно держался в умах, когда европейские исследователи обратили свои взоры на юг, к таинственному миру за Сахарой.

Но от далекой Африки любознательных европейцев отделяло устрашающее препятствие в виде великой пустыни. Ни одна особенность африканской географии не внесла такого большого вклада в сохранение вокруг континента ореола загадочности, как эта. Если посмотреть на континент как на гигантский череп, направивший взор в сторону Индии, то всю черепную коробку этого великана займет огромная пустыня, самая большая в мире, протянувшаяся на тысячи миль с запада на восток, от Нила к Атлантическому океану, большая по площади, чем вся материковая часть США. Во времена Мансы Мусы ее покрывали следы случайного каравана, подобно тонкой вене, пересекающей серое вещество мозга. И лишь малая капля знаний просачивалась по каждой из таких ниточек с тропического юга в умеренные северные широты...

Если физического препятствия было недостаточно, народная молва всегда была готова пополнить географический факт пугающими подробностями. Со времен Плиния Сахару представляли в виде огромной воющей пустоши, заполненной песком и пригодной только для диких зверей и нескольких странных племен, которые, согласно Геродоту, могли обогнать колесницу и говорили на языке, схожем с писком летучих мышей. Ученые мужи, арабы или же христиане, были осведомлены лучше, но в основном люди не имели даже смутного представления об истинном разнообразии пустынного пейзажа. На самом деле огромные пространства Сахары совсем не имели песчаного покрова. Существовали большие области голой скальной породы, покрытой лишь мелкими камнями необычной формы, казалось, созданными природой специально для того, чтобы калечить людей и животных. Песчаные зоны были непохожи одна на другую. Местами песок лежал ровно и однообразно, подобно океану в спокойный день, а где-то дыбился огромными гребнями, тянувшимися на сотни миль. Он мог струиться мягкими волнами или собираться в барханы — дюны — в виде полумесяца, начинавшие мед-

ленно двигаться, когда на них дул ветер, словно нащупывая путь.

В самом центре пустыни хребты древних гор проступали сквозь детритовую шкуру, образуя голые гористые глыбы, пристанище пещерных первобытных племен, и то тут, то там грунтовые воды, неожиданно поднявшись на поверхность, формировали изумительную голубую гладь поросшего тростником оазиса.

Только жители пустыни знали истинную сущность Сахары. У них было свое, очень точное слово для каждого явления и каждого ее свойства. Они выживали за счет этих знаний. Каждый год люди пустыни появлялись на заселенных окраинах Сахары, когда летняя жара иссушала их пастбища. Очень редко в дальние оазисы, где кочевники держали рабов, используемых в «черной работе» — земледелии, навещали городские жители. Но их неприязнь была взаимной и постоянной. И арабские, и европейские горожане относились к жителям Сахары немногим лучше, чем к свирепым хищникам. Племена пустыни кормились за счет караванов, проходивших по этой земле, злобно препирались друг с другом и уже сами по себе представляли отдельную африканскую опасность.

Христианские картографы, имевшие представления об этих чужестранцах, рисовали на своих схемах рядом с треном Мансы Мусы зловещую фигуру туарега с закрытым лицом верхом на верблюде.

Таким образом, еще до того, как первые европейские исследователи отправились в великую пустыню, Африка уже имела дурную славу. По прошествии времени понятие об опасности обогати-

Джеймс Брюс у истоков Голубого Нила

Мунго Парк после путешествий в глубинные районы Западной Африки

го, широкого течения Конго. В отличие от североамериканских рек, предоставлявших смелому путешественнику в каноэ открытый путь, большинство водных дорог Африки были не просто непроходимы, но по-настоящему опасны. Раз за разом исследователи терпели крушения посреди водоворотов и стремнин. Один из величайших путешественников, шотландец Мунго Парк, погиб в водопаде Бусса, когда предстал перед выбором — встретиться со злыми местными жителями или же со стремнинами Нигера.

В те дни, когда звери еще не были запуганы ружьями и пулями, животный мир Африки представлял для первооткрывателя, путешествовавшего по реке, не меньшую опасность. Самоуверенный викторианский меткий стрелок, сэр Сэмюэль Бейкер, ничто так не

лось новыми подробностями. Белые люди столкнулись с неизвестными, не менее свирепыми стражами африканских тайн. Сойдя на берег, преодолев перед этим предательские рифы, они встретили крутые берега рек, текущих из внутренней части страны: обрушиваясь вниз потоками, они впечатляли путешественников, но расстраивали все их планы. Водопады и пороги Конго столь сильно обуздали пыл искателей приключений, что спустя три столетия, после того как в конце пятнадцатого века было открыто ее огромное устье, на европейские карты было нанесено не более двухсот десяти километров ее нижнего течения. Пока американец Г.М. Стенли не приказал небольшой армии носильщиков протащить по суше десятиметровую баржу «Леди Элис», разобранную на пять частей, ни одно европейское судно не достигало среднего, широкого течения Конго.

любивший, как открытия и азарт охоты за крупной добычей, чуть не отправился в пасть к крокодилам благодаря разъяренным бегемотам, что всплыли прямо под его каноэ. Путешествовавшие по суше не меньше опасались встречи с агрессивными африканскими животными. Карьера Давида Ливингстона практически закончилась раньше времени после того, как его жестоко покалечил лев, и всю свою жизнь он панически боялся змей. В письме домой он написал о том, как в своей темной хижине он наступил на змею, почувствовал кольца, свернувшиеся вокруг его лодыжки, и выскочил, мокрый от пота и дрожащий от ужаса. Он также сообщал, что ему повезло больше, чем одному из его спутников: тот погиб, когда «носорог неожиданно набросился на него и пропорол живот».

В Африке не было места болезненным или хилым. Жара и испарения в зарослях приводили к тому, что расщеплялись деревянные оружейные ложи и трескались ободья колес. Путешествующий в повозке был вынужден вбивать клинья между деревянными колесами и их железными ободьями, расширявшимися и дребезжащими на страшной жаре. В густых, наполненных испарениями джунглях человек легко становился жертвой лихорадки. Имея лишь приблизительные знания о тропической медицине, он слабел от дизентерии, хирел от малярии, и в конце концов его приканчивала одна из бесчисленных африканских болезней, от которых у него не было ни лекарства, ни приобретенного иммуни-

Воины султана Борну, Западная Африка

Давид Ливингстон

тета. В морских балладах, сложенных матросами, побывавшими на берегу Западной Африки, известном своим вредным для здоровья климатом, с горечью говорилось о «заливе Бенин, куда девять вошли, но один лишь вернулся». Несмотря на то что дикие африканские звери устраивали куда более зрелищные казни, в конечном счете, именно болезни чаще всего угрожали жизни путешественника. За редкими исключениями, африканские первооткрыватели либо возвращались домой с серьезно подорванным здоровьем, либо, что еще хуже, умирали в тех местах, которые открывали...

Но зачем же тогда эти африканские исследователи рисковали жизнью на опасном континенте? На этот вопрос существует больше дюжины ответов. Мотивы путешественников были столь же различны, как и их характеры. Кто-то отправлялся за славой. Прочие, подобно Бейкеру, напускали на себя показную бесцеремонность, что, однако, не скрывало их профессионализма. Некоторые попадали в Африку случайно, влюблялись в нее и оставались там навсегда. Большинство же долго лелеяли свою страстную привязанность, читая книжки в безопасной учебной комнате или библиотеке, а потом, как Рене Кайе, великий французский путешественник, достигший Томбукту, отправлялись в Африку, дабы своими глазами увидеть то, во что уже были влюблены, — в случае Кайе после чтения «Робинзона Крузо». Попадались миссионеры, подобные Ливингстону, увлеченные ученые, как немец Генрих Барт, преодолевавший пески Сахары, чтобы добыть деталь-

ные сведения в области антропологии и лингвистики. Солдаты становились исследователями, потому что им так приказывали, неудачники отправлялись в Африку, чтобы оставить позади родину, которую они не любили или не понимали. Странно не то, какими разными были все эти люди, а то, сколько времени у них ушло на исследование Африки. В середине восемнадцатого столетия ученые европейские сообщества были крайне недовольны тем фактом, что они оказались больше осведомлены о ледяных просторах Арктической Канады, чем о землях, что лежали в ста шестидесяти километрах от фортов работорговцев на Золотом берегу. Об Амазонке, чье устье было открыто в 1500 году, достаточно подробные сведения были получены на 3 века раньше, чем белый человек достиг самого южного истока Нила, дельта которого славилась с древних времен. Для людей, гордившихся своим позитивистским подходом к географии, подобное невежество было равносильно интеллектуальному позору.

Вполне резонно, что, решившись разобраться с африканской проблемой, ученые первым делом обнаружили, что об этом континенте писали географы Древней Греции и Рима. Таким образом, спустя тысячу лет после того как Геродот занимался своими исследованиями, используя при этом информацию из вторых рук, майор Джеймс Реннелл, один из выдающихся африканистов своего времени,

Африканские представления о красоте казались европейцам дикостью

лично руководивший исследованием индийских территорий, о которых Геродот никогда и не слышал, больше полагался на сведения греческого историка, чем на то, что сообщали англичане, побывавшие в Африке.

Считалось, что греки и римляне должны были обладать обширными знаниями об Африке. Греческие купцы долго торговали в южных областях Красного моря, а во времена империи римские провинции в Африке были значительно важнее и в целом ближе к столице, чем далекие области вроде Британии. Римские войска маршировали туда и обратно по всей Северной Африке, а поселенцы основали более сотни новых городов на территории между Геркулесовыми столбами и Карфагеном.

Воин ачолы из района Верхнего Нила

Целое римское войско — «Третий легион» — было полностью набрано в Африке. Но, как это часто бывает, незваные гости затронули только край страны. Римляне правили лишь на прибрежной полосе. Границ их влияния можно было достичь за несколько дней путешествия к югу. В названиях римских городов была отражена пограничная атмосфера: Кастра-Нова («Новый лагерь»), Когорс-Бреукорум («Когорта бревков»). За их гарнизонами лежали неисследованные горы Атласа и дикие племена пустыни. Например, гарманты за плату снабжали поставщиков римских цирков пойманными зверями, которыми в то время была так богата Сахара. Их добычу — львов, леопардов, а вре-

менами и местных жителей — доставляли на кораблях прямо на бойни Рима и его провинциальных подражателей. Возьмем, к примеру, Траяна, который величественно распорядился об уничтожении 2246 зверей в боевых игрищах, длившихся всего один день. Естественно, многие жертвы, скорее всего, были доставлены из Северной Африки. Подобная резня, продолжавшаяся в течение шести столетий, превратила империю в кладбище животного мира Северной Африки. Ко времени падения Рима представители фауны, которыми когда-то так изобиловала Сахара, уже встали на путь вымирания...

Генри Мортон Стенли

В обмен на это кровопролитие Рим удивительно немного узнал об Африке. Некий энергичный военачальник совершил марш-бросок через пустыню и, очевидно, добрался до Судана, ибо докладывал, что вокруг было очень много носорогов. Еще один военный патруль двигался на юг вдоль Нила, пока их не остановила труднопроходимая масса плавучих растений. Подобные путешествия были редкими авантурными экспедициями, они не имели отношения к всеобъемлющим исследованиям и не были доведены до конца. Результаты их погребены под многотомными изысканиями официальных историков.

Схожая судьба постигла результаты более рискованного предприятия, предпринятого предшественниками римлян в Северной Африке, карфагенянами. Около 500 года до н.э. (точная дата неизвестна) градоначальники Карфагена отправили флотилию из

шестидесяти судов, чтобы те достигли Гибралтарского пролива и далее двигались вдоль берега. Экспедицией командовал один из двух верховных судей государства, и он исполнил наказ с большой решимостью, повернув обратно лишь тогда, когда у них закончились запасы пищи. О крайней южной точке, до которой они добрались, карфагеняне докладывали, что они проплывали мимо пыляющей горы — возможно, это было извержение вулкана — и слышали звуки барабанов, доносившиеся с одетых в леса холмов вдоль берега. Также они привезли с собой шкуры трех человекоподобных существ, которых они убили во время высадки на берег и которых их переводчики называли «гориллами». Шкуры эти отнесли в храм Танит Карфагенский в качестве жертвенного приношения, а на камне храма Хроноса была высечена благодарственная надпись. Но вскоре шкуры превратились в пыль, а римляне, разграбив город, стерли святилища с лица земли. Ученым последующих поколений оставалось лишь размышлять над неточной копией той надписи, и история гориллы превратилась в замечательный символ громадного перерыва в исследовании Африки. Несмотря на то что слово «горилла» было известно еще до Рождества Христова, точно определить, что это за животное, удалось лишь американскому миссионеру в Камеруне в 1847 году.

Арабы стали теми, кто разрушил классические представления об Африке. Поскольку они опустошили византийский остаток старой Римской империи во второй половине седьмого века н.э., их вторжение изменило ту часть Африки, что была ближе к Европе. Римские акведуки высохли, поля и города опустели. Величественные архитектурные сооружения уже не использовались, превращаясь в блоки арабского строительного материала, — это произошло с шестьюдесятью римскими колоннами, использованными для возведения новой мечети в Кайруане. Редко когда случалась столь всеобъемлющая перемена и наступал такой упадок. Устаревшие статуи и мрамор были оставлены разрушаться, подобно бюстам с отбитыми лицами и занесенным песком позвонкам опрокинутых колонных столбов, лежащих в беспорядочном величии в Лептис-Магне, в несколь-

ких шагах от Средиземного моря, через которое римские галеры когда-то связали Европу с Африкой.

Но арабы также произвели и созидательную революцию, первыми отправившись через весь континент в путешествия на верблюдах. Способный пересечь триста двадцать миль безводной пустыни, где римская повозка, движимая волами, не преодолела бы и четверти этого расстояния, верблюд был таким же практическим усовершенствованием в Сахаре, как парус на галерах в море. Эффект был во многом сходный. Путь через пустыню стал надежнее, развивалась торговля, открывались новые маршруты, и — возможно самое главное — люди, наиболее сведущие в новом виде транспорта, взяли в свои руки контроль над пустынными тропами. Но, несмотря на то что Сахара стала менее страшным физическим препятствием, европейский путешественник мог пересечь ее только с согласия подозрительных и зачастую фанатично настроенных погонщиков верблюдов.

В других частях Африки новоприбывший европеец оказывался в униженной зависимости от арабов. По всему восточному побережью континента, от Красного моря до Мозамбика, веками торговали и селились арабы — капитаны одномачтовых каботажных кораблей доу. Они именовали эту местность страной аз-Зиндж — от этого слова произошло название Занзибара, и когда Васко да Гама в поисках морского пути в Индию привел сюда эскадру, по предательски обманчивым прибрежным водам его вели не собственная сметливость и португальский лотовой на носу корабля, а хозяин арабского судна, хорошо знавший эту часть моря. Три века спустя, когда нашумевшая экспедиция Стенли «спасла» Дэвида Ливингстона из внутренней, «черной» части континента, они обнаружили, что о шотландском миссионере заботились состоятельные арабские торговцы, использовавшие факторию Уджиджи на озере Танганьика в качестве торговой базы.

Но все же во многом европейцы выглядели самыми медлительными в истории исследования Африки. Когда на заре пятнадцатого столетия они начали свои путешествия к западу от Сахары, то вряд

ли знали о континенте столько же, сколько далекие китайцы: те хотя бы видели жирафа, посланного в дар императору и изумительно изображенного китайским живописцем в императорском зоопарке. Еще один национальный рисовальщик знал об Африке достаточно, чтобы точно изобразить очертания ее восточного берега, где между пальмами он набросал также и узнаваемые по плоским крышам дома арабских торговцев. Тем не менее к началу эпохи европейских исследований в Африке еще почти никто не проходил в глубь континента, чтобы возвратиться со столь ценным подробным описанием стран и народов. После того как арабы пересекли Сахару, они остановились на поросшей лесами ее окраине. На востоке они предпочитали держаться ближе к побережью. Внешний мир лишь прикоснулся к границе опасного континента. Именно в центре Африки европейские исследователи сделали наибольший вклад в географию, когда продвигались пешком, гребли, ехали на носилках или же верхом, любясь причудливым пейзажем. Они открыли чудеса природы, такие как водопад Виктория на реке Замбези, разломы Великого Восточного Африканского Грабена (рифта) и озеро Чад, с одной стороны которого была чистая вода, а с другой сверкали соляные кристаллы. Еще было обнаружено невероятное разнообразие африканских народов. Говоря на более чем восьми сотнях языков, что немало обескураживало путешественников, местные народы включали в себя жителей развитых государств Нигера и бушменов Калахари, находившихся в каменном веке, а их религии варьировались от простого фетишизма до древней формы иудаизма. Некоторые племена отличались и вовсе невообразимыми обычаями: масаи покрывали свои волосы навозом и пили свежую кровь своего скота; суданские воины, облаченные в доспехи подобно беженцам крестовых войн Гулливеров мир Руанды, где рослые тутси достигли двух с лишним метров роста и правили своими рабами — полутораметровыми тва.

Европе было суждено дивиться рассказам своих путешественников о загадочных местах и удивительных приключениях. Часто цитируемое высказывание Плиния: «Африка всегда преподносит что-

нибудь новое», — никогда не приходилось настолько к месту, как в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях, когда каждое новое путешествие увеличивало привлекательность этого континента. Невозможно было удовлетворить невероятно возросший общественный интерес, когда путешественник за путешественником отправлялись туда, дабы открыть что-нибудь, пока не поздно. Это была самая популярная авантюра, и даже правительства государств буквально сходили с ума, выбрасывая огромные деньги на планы по исследованию и освоению неприступных и никчемных земель. Последний факт резко контрастировал с ситуацией тремя веками раньше, когда исследование Африки только начиналось и на континент смотрели как на досадную помеху на морском пути на Восток.

В те далекие дни была видна только окраина Африки, подобно солнечной короне, возникающей во время затмения. Португальские суда бороздили ее прибрежные воды, было основано несколько опорных береговых пунктов, и любой умелый картограф мог нарисовать точные очертания Африки. Однако изобретательному составителю карт оставался пустой центр, чтобы изображать грифонов и камелеопардов, негритянских царьков и чудесного феникса, сидящего в гнезде, свитом из веточек корицы. При подобных обстоятельствах не должно удивлять то, что на первые масштабные высадки в Африке южнее Сахары европейцев вдохновили две полупо- легендарные фигуры: пресвитер Иоанн, сказочный священник — царь восточных христиан, и Манса Муса, властитель Гвинеи...

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ

Наскальные изображения встречаются во многих местах Сахары — там, где есть скалы. Поэтому большинство из них сконцентрировано в районе горных массивов. К сожалению, это одни из наиболее отдаленных и труднодоступных регионов великой пустыни — несколько сотен километров от средиземноморского побережья и даже дальше. Самая знаменитая «картинная галерея» древности — Тассилин-Аджер — расположена на юге Алжира. Строительство автодорог и развитие авиатранспорта приблизили Тассилин-Аджер к цивилизации. Однако террористические акции в отношении иностранцев и действия радикальных исламских группировок в этой стране делают Алжир весьма небезопасным для туристов. А в отдаленные районы, плохо контролируемые полицией и армией, отправляться вообще не рекомендуется.

Поездки в районы расположения сахарских петроглифов начали устраивать турфирмы Ливии. Но пока что туристические контакты с этой находившейся в длительной изоляции страной редки.

Сахара до начала времен

Наскальная живопись Сахары — одно из самых удивительных творений в истории человечества. Оно — самое старое, древнее и разнообразное, но и самое прекрасное и живое. Это явление очаровывает, удивляет и в любом случае вызывает глубокие размышления о волнующем послании наших предков. Прежде чем отправить-

ся в те загадочные места, необходимо определить их границы. Понятие «наскальное» касается любого графического изображения, гравюры или живописи, с использованием в качестве основы поверхности скалы, независимо от ее качества и размеров.

Открытие

Наскальная живопись известна очень давно. Первым ее, без сомнения, открыл немецкий исследователь Генрих Барт, работавший в Сахаре между 1849 и 1855 годом. Кроме того, многие путешественники возвращались из своих странствий с многочисленными записями, собрание которых составило бы целые тома. И действительно, в местах, где есть скалы, достаточно гладкие для того чтобы не мешать скольжению кисти, есть шанс встретить и рисунок. То же самое касается и гравюр.

В начале двадцатого века геолог Фламан, долгое время путешествовавший на юге Орана, заметил гравюры на скалах. Это заинтересовало его, и он сделал с них многочисленные копии. К сожалению, этот исследователь умер до того, как в 1921 году был выпущен прекрасный альбом, увековечивший его труд.

Что же касается наскальной живописи, то существует очень много трудов на эту тему. Она покорила таких людей, как Лео Фробениус, аббат А. Брей и Анри Лот, которые посвятили ей всю свою жизнь. Лот не только опубликовал многочисленные неизвестные копии наскальных рисунков, но и содействовал их классификации.

До недавнего времени считалось, что живопись наивысшего качества существует только на гравюрах. Но мы в этом совсем не уверены. Заблуждение состоит в том, что гравюру гораздо труднее воспроизвести через рисунок или фотографию, раскрашивая оригинал цветными красками. После целого шквала критики таких приемов, которые и в самом деле заканчивались разрушением шедевра, фотографы, к счастью, стали тщательнее готовить свою аппаратуру и подбирать фотопленку для съемки явлений сахарской гравюры. К тому же теперь посетителям больше не разрешается «сма-

чивать» рисунки для того, чтобы они лучше получились на фотоснимке, иначе они просто окажутся смытыми. От этого варварского метода уже чуть не погибли лучшие образцы наскальной живописи на юге Африки, в частности уникальный ансамбль Белой Дамы в ущелье Цисаб в Намибии.

Все эти исследования в конечном счете привели к появлению огромного количества гравированных или рисованных изображений из Сахары, относящихся к разным эпохам и группам.

Трудности датировки

Но как же на самом деле определить авторов или хотя бы возраст наскальных изображений, которые на одном и том же камне могли возникнуть в разные тысячелетия?

В Европе разные ученые относят одни и те же рисунки к различным векам. Это объясняется применением всевозможных методов датировки, которые сами по себе не совсем точны.

Что же это за методы?

Первый касается оценки возраста объявшего наскальные рисунки археологического слоя, который в некоторых очень редких случаях покрывает его. Впрочем, этот археологический слой мог быть перекопан и его датировка радиоуглеродным методом, например, не принесет никаких точных сведений о возрасте изображения под ним. Кроме того, как с уверенностью можно связать археологическую находку и какое-либо изображение, находящиеся в одном и том же укрытии в нескольких метрах друг от друга? Это укрытие могла навестить какая-нибудь группа людей, оставивших на почве керамические осколки, а затем, спустя одно или два тысячелетия, сюда пришли другие люди, разрисовавшие скалу. Как считать?

Мы должны также остерегаться замечаний, основанных на состоянии патины, зная, что она очень варьирует в зависимости от расположения по отношению к ветрам, нахождения в тени или на солнце. Кроме того, мы должны учитывать химический состав скальной породы, который может быть ответствен за многие изменения.

Антилопы, быки и гиппопотамы часто изображены в архаическом стиле. Среди животных можно угадать и слона. Наскальная живопись Тин-Тазарифта, Сахара

В целом классификация, базирующаяся только на патине, была отвергнута как слишком ненадежная, хотя и позволяющая выдвинуть первые гипотезы.

Другой часто употребляемый метод — изучение напластований. Иногда на гравюре можно различить, является ли какая-нибудь черточка древнее другой, а если речь идет о живописи — была ли одна фигурка нарисована позднее другой.

Это, конечно, не определяет абсолютную датировку. «Более ранняя» или «более поздняя» — вот и весь вывод, который можно сделать. Метод деликатен, законы искусственного повреждения скал и окисления пигментов не изучены и иногда приводят к противоречивым заключениям.

Все вышесказанное — лишь прелюдия к определению причин, которые ввели в заблуждение некоторых древних историков, иногда наносивших большой вред более поздним работам. Тем не менее нам надо попытаться хронологически классифицировать наши наскальные изображения.

Древний историк, естественно, хотел отнести то или иное изображение к определенной цивилизации или эпохе. Это далеко не всегда возможно. Не решая проблему, но облегчая подход, ученые сделали попытки классифицировать все изображения в зависимости от стиля — «по школам». Это разделение ни к чему не обязывает в вопросе определения возраста. Однако иногда можно вполне резонно предположить, что эта «школа» старше какой-то другой. В таком случае хотя бы приблизительно используются термины «этаж», «уровень», «стадия» хронологической ценности.

Как привязать эти «школы» или эти «этажи» к культурным группам, обнаруженным во время археологических раскопок, или как их расположить в масштабе времени? Это и есть основная проблема, и борьба мнений между историками ведется до сих пор.

Основываясь на стилистике изображений, можем ли мы определить какие либо даты или группы?

Прежде всего отметим, что сахарские наскальные изображения гораздо моложе европейских, где наскальное искусство появи-

Стремление к гигантским размерам изображений — одна из особенностей архаического стиля. Большая фигура в маске в районе Сефара, Сахара

Изображение животного, напоминающего жирафа, выполнено в чисто натуралистическом стиле, что раскрывает новую сторону наскального искусства, район Тиссили

лось более 400 веков назад. Здесь первые натуралистические гравюры эпохи бубала имеют максимальный возраст от 60 до 70 веков, а первые рисунки относятся к периоду между 4000 и 5000 годом до н.э. Возраст неточный и, вероятно, временный: пока мы не сможем научно датировать патину рисунков, старение или повреждение гравюр на скалах.

Время от времени возникает гипотеза о возможности отнесения наиболее старых гравюр к эпохе позднего палеолита. При наших современных научных знаниях эта идея, кажется, не имеет под собой основания. Поздно пришедшие кроманьонцы или настоящие африканцы, вернувшиеся в Сахару, могли быть единственными авторами наскальных изображений. Кажется, все говорит о том, что авторы этих рисунков никогда не забывали искусство графики. В любом случае надо помнить, что прямые предшественники обитателей эпохи неолита не были здесь, как в Европе, чистыми кроманьонцами. И до неолита в Сахаре не существовало наскальных изображений.

Контакты с Египтом?

Но насколько интенсивные?

Существует и такая версия, что гравюры эпохи бубала настолько старые, что могли повлиять на культуру Древнего Египта. Но здесь нельзя забывать, что наскальные изображения не должны быть изолированы от свидетельств другой хозяйственно-культурной деятельности обитателей неолита, живших в Сахаре. А ведь они также известны развитием своей промышленности. Однако плоды этой деятельности весьма отличаются от того, что имело место в Египте в ту же эпоху...

Вопрос деликатный. Вспомним: какое-то время существовало мнение, по которому эти наскальные изображения, наоборот, относили к влиянию XVIII династии. Но почему в сравнительно более позднюю эпоху (середина второго тысячелетия до н.э.) графическая передача этих произведений не сопровождалась также пере-

носом других древнеегипетских свидетельств? До сих пор сторонники влияния Сахары на Египет основывали свои предположения на том факте, что наиболее известные гравюры, найденные в долине Нила, были или рисунками из Верхнего Египта, или клеймами гончаров, и обе серии документов относятся только к амратской эпохе (около 3500—4000 гг. до н.э.).

В любом случае, как нам представляется, можно говорить не о египетском влиянии на Сахару, а о древнеафриканском — на Египет.

Необходимо еще знать, какими путями это влияние оказывалось и возможно ли оно было вообще? При такой перспективе, даже приняв как верную дату начала сахарского неолита VII тысячелетие, нужно еще доказать это воздействие...

Нам нужно вспомнить, как происходило заселение Сахары кроманьонцами. Если первая волна мигрантов шла с Ближнего Востока по средиземноморскому побережью, то вторая представляется более поздним нашествием народов, вышедших с востока Судана и сформировавших то, что станет так называемым неолитом с суданскими традициями. С некоторыми оговорками это сегодня самая приемлемая гипотеза. Но знания в области антропологии доказывают нам, что ни одни ни другие не сохранили в неприкосновенности свои примитивные расовые типы: чуть раньше или позже они перемешались с автохтонами другой волны. Заметим, что все кроманьонцы должны были пересечь Нил, чтобы попасть в Северную Африку, то есть в Сахару...

Великие хронологические разделы

Удивительно, но не существовало никаких начальных периодов наскального графического искусства. Оно появляется внезапно, без всякой подготовки и буквально накрывает сахарские скалистые поверхности.

Тысячелетия, наполнявшие эпоху неолита и время появления металлов, сегодня делятся на следующие большие хронологические разделы:

1. Период антилопы бубала, или охотников с их натуралистическими гравюрами и большой «эфиопской» фауной. Он начинается с пятого или шестого тысячелетия до н.э., когда еще не было и следа одомашнивания животных, кроме собаки.

2. Период пастухов рогатого скота, покрывающий, без сомнений, весь неолитический период до второго или даже первого тысячелетия до н.э. Это великая «эпоха сцен», связанных с разведением скота, с самими животными и многочисленными персонажами, изображенными в натуралистическом стиле.

3. Период лошади с его типичными персонажами с геометрическими силуэтами: они относятся к концу второго и к первому тысячелетию до н.э.

4. Период верблюда — христианская эра.

В этой схеме мы не отметили время, традиционно называемое «периодом круглоголовых». Речь идет о всех довольно однотипных работах, характеризующихся очень схематичными и условными изображениями, но датировка их очень противоречива. Некоторые из них относятся к началу периода выпаса рогатого скота, а другие — к концу эпохи бубала.

Эзотерика и культ плодородия

Прежде чем приступить к изучению различных периодов и фаз, спросим самих себя, что, собственно, означает этот нарисованный и выгравированный мир? Нам до сих пор неясен тайный смысл этих посланий наивного искусства. Если приглядеться, наскальное сахарское искусство вовсе не является простой хронологией событий в цвете. Если это и временное их перечисление, то в ничтожной мере. Больше всего поражают естественность этого искусства, прекрасные натуралистические гравюры, кажущиеся более древними, чем сама живопись.

Поначалу всем хотелось видеть в сахарской графике выражение религиозности в ее первичной форме, как в Европе. Психологи утверждают, что сей выбор сюжетов отражал занятия авторов. Это

вполне возможно, хотя перенос наших современных понятий на представления людей, живших несколько тысяч лет назад, не совсем научен.

Очевидно, что в графических и живописных наскальных сценах отражены представления древних о мифах и о сверхъестественных силах. Тогда картины сразу становятся понятными. Не остается никаких сомнений в их характере, и нам понятны проблемы, заботившие авторов рисунков.

Речь идет о плодородии. Ритуальная жертва приносится не только для того чтобы охота, рыбалка или любое другое занятие, от которого зависит жизнь группы, были удачными: жертвоприношение адресуется источникам этой жизни. И в наше время уже не запрещено смотреть правде в глаза. Надо понять реальность сцен, позволяющих объяснить отношения, существующие между жизнью и плодородием посредством сексуальности. Примитивная сексуальность. Наши обитатели неолита констатируют исчезновение воды и животных, которыми они питаются нарушением воспроизводства. Тогда через секс обращаются к Высшему Существо. Именно его молят о вмешательстве. И вот становится очевидным, что эти яркие изображения являются самой высокой формой религиозной общности простых людей, населявших Сахару 5—6 тысяч лет назад.

Говоря о сахарском наскальном искусстве, часто употребляют термин «графизм». Это означает, что выгравированное или нарисованное послание является формой общения. Подчас это больше, чем просто сочетание условных значков, через которые мы выражаем свои мысли. Не надо забывать, как были созданы алфавиты. Любой рисунок, любая гравюра, любая живопись — это настоящее сообщение о том, что пытается передать нам автор. Даже в наши дни туареги, проходя через ущелья Тиратимина в районе Иммидира, часто оставляют отпечатки своих сандалий, являющихся их визитной карточкой.

Мы должны и можем расшифровать наскальные изображения. Пусть это будет субъективно. Потребуется много времени, чтобы

прийти к согласию по этому поводу, тем более если мы примем во внимание склонность некоторых археологов верить в чудеса, — это часто усложняет поиск.

Период бубала

Известно, что самые прекрасные произведения почти всегда являются самыми древними, и этому есть простая причина: художественное выражение тесно связано с экономическим базисом. С появлением первых людей неолита плодородные земли Сахары вполне могли обеспечить их существование. Со временем все резко изменится. Результатом станет ускоренная деградация — от способа самовыражения до полного исчезновения этой формы искусства.

Анри Лот, которому мы обязаны наилучшей попыткой хронологической классификации наскального искусства, предложил назвать все наиболее древние произведения «периодом бубала», или «охотников». Речь идет о прекрасных натуралистических гравюрах, изображающих обширную фауну, называемую «эфиопской» и включающую слонов, носорогов, гиппопотамов, жирафов и крупных быков. Этот список нужно дополнить целым «кортежем» мелких животных: крокодилом, страусом и так далее. Лот также приобщает сюда все рисунки, посвященные магическим ритуалам. Некоторые из картин на эту тему стали знаменитыми. Они в основном изображают человека, вырядившегося в зооморфную маску, иногда с надетым на голову головным убором — похожим на те, которые носили германские ландскнехты XV века. Нет сомнения, что этот человек — слугитель культа, так как он всегда изолирован от окружающей его группы. Эта группа может состоять и из животных. Известна одна очень красивая гравюра, где «колдун» тянет за собой без видимых усилий носорога. Животное лежит на спине. Оно было убито во время охоты этим человеком. Назидательный характер сцены бесспорен. Но она — не единственная, связанная с магическими ритуалами. Существуют, например сюжеты, изображаю-

щие женщин в специфических позах, что явно напоминает о понятии плодородия. В целом рисунки делятся на две группы — обряды охоты и ритуалы плодородия.

Эти большие и прекрасные натуралистические изображения периода бубала зачастую пренебрегались в пользу живописи последующих эпох, более зрелищных, но не таких прекрасных с художественной точки зрения.

Но к концу первой эпохи, кажется, произошло что-то значительное.

Период пастухов рогатого скота

Действительно, вторая группа гравюр и первые картины больше не изображают бубала. Он безвременно исчез, правда, носорог и слон остаются, но не гиппопотам, являющийся предметом интенсивной охоты: мы встретим его только в редких случаях.

В «эфиопской» фауне этого времени представлены многочисленные жирафы и страусы, но наше внимание привлекает новичок.

Его социальное значение огромно: речь идет о быке или, лучше сказать, о быкообразных, так как легко различимы несколько пород. До сих пор не выяснено, как образовались эти одомашненные виды. Можно сказать только одно — что доказано наскальными рисунками, — родиной таких быкообразных является долина Нила. Не надо забывать, что этот район оказался колыбелью многих миграций, что объясняет последовательное появление в этой зоне все новых и новых элементов.

Картины становятся более многочисленными, чем гравюры, без сомнения, потому что требуют меньше времени и им не нужны, как гравюре, гладкая поверхность и орудия в виде твердого камня...

Палитра имеет свои границы. Основная краска — охра. Голубизна получалась из окиси марганца, белая краска — из разных источников, главным образом глины. Однако получались удивительные вариации цветов, дошедших до нашего времени и поражающих знатоков, — желтого, зеленого, розового, красного, чисто бе-

лого, голубого, из которых рождались причудливые смеси. Рисунки сделаны с выделением мелких деталей, умело и точно.

Этот этаж называют еще «этажом пастухов», так как нет никаких сомнений: мы находимся в присутствии пастухов, охраняющих огромное стадо быкообразных, которые немногим отличаются своим видом от современных быков. Наши неолитические герои полней изображены в семейных и бытовых сценах, благодаря которым можно восстановить сам дух пастушеской жизни — такой, какой она была в то время.

Этаж, называемый «пастушью», позволяет понять, что из себя представляла неолитическая группа. Он ведет нас напрямик в доисторическое время. В изобилии быки в многоцветном обличье. Рядом с ними мужчины и женщины, собаки, сцены охоты и — реже — войны. Очевидно, что фрески того периода были сделаны

Предмет, которым размахивает человек, изображенный в натуральную величину, видимо, топор

Бегающий человек держит в руках предметы, не поддающиеся определению

прямо на месте людьми, участвовавшими в изображенных сценах, и сегодня очень волнительно открывать, до какой степени эти люди близки нам.

Человеческие типажи можно разделить на три группы. Первая — мужчина, странным образом похожий на современного. Другой наводит на мысли об эфиопах — грациозных, длинноногих и гибких. Третий — чистый африканец. Конечно, мы должны допускать в одной и той же расе большие морфологические вариации, но ведь существует некий средний тип, служащий нам в качестве эталона. Здесь такого нет.

Наоборот, создается впечатление, что речь идет о трех разных типах. В какой мере первые два из них различны? Ответить трудно. Современные фульбе, считающиеся их потомками, до сих пор хранят любопытные легенды и традиции, не позволяющие отнести их к чистым африканцам. Многие и сегодня сохраняют черты эфиопской расы, что не позволяет отнести их к истинно черным племенам. Можно предположить что, начиная с этой эпохи, пастухи быкообразных, живущие в пограничной зоне, имели контакты с населением юга и что некоторые фракции таких настоящих африканцев жили в симбиозе с этими людьми племени лугов.

Пастухи населяли суданские горы в более поздние времена по сравнению с художниками эфиопской сауны. Если приписать им одну и ту же прародину, то, значит, они были представителями одной расы, но жизненные условия должны были значительно измениться, и, к нашему стыду, мы до сих пор не можем определить, что из предметов быта кому принадлежало. Тем более что и теперь невозможно разграничить последовательные волны людей, пришедших в Сахару с востока: именно одна из таких волн принесла с собой в пустыню искусство разведения скота, что очень интересует историков.

Дает ли нам какую-то информацию об этой проблеме зоология? Самые древние гравюры изображают только одно неоспоримо одомашненное животное: собаку, вероятно африканскую борзую, — единственное изображенное животное, имеющее африкан-

ское происхождение. Известно также, что очень часто большой бык фигурирует среди остатков костей, найденных при раскопках мест, принадлежащих к более древнему времени, чем период пастухов. Если когда-нибудь появилась бы возможность найти и датировать участок, где находились бы остатки костей быков с длинными рогами или африканского быка и быка с короткими рогами рядом с тасилийскими фресками, то можно было бы наконец получить дату появления и этих фресок и начала одомашнивания быка. Но такая работа только начинается, и мы до сих пор не имеем данных, необходимых для детального зоологического изучения.

Что касается быков, то наскальные рисунки пастушьей эпохи воспроизводят их в изобилии. Мы находим их везде на огромных пространствах Северной Африки. Но такую распространенность можно объяснить наличием пастбищ в центральных сахарских массивах. Травяной покров — верное отражение климата, и этим объясняется факт, что Адзар был более заселен на севере, чем на юге. Но такая интерпретация оспаривается картинами, замеченными почти в сердце этих бесплодных и негостеприимных земель. Может быть, есть смысл искать причины возникновения рисунков где-то еще, например, — в строении гор, которым пастухи быкообразных отдавали предпочтение? Не все долины легкодоступны. Впрочем, наскальная гравюра и живопись требуют скал, и не любых, а тех, где художник способен найти вдохновение.

Один факт представляется очевидным: условия, необходимые для развития неолитических народностей, мало помалу деградируют между шестым и концом второго тысячелетия. Очевидно, ухудшение климата, вызванное уменьшением количества дождей, ощущается прежде всего в долинах, на самых низких высотах. Поэтому жизнь уходит в горы. Следовательно, можно заключить, что раз не существует значительных следов пребывания пастухов с быками вне гор, то они единственные могли дать животным траву, в которой те нуждались.

Заметим, что высота сыграла ту же роль в выживании в Сахаре до наших дней и некоторых пород лавра, оливок и винограда.

Представленные три человеческих типа носят разнообразную одежду, тем не менее они всегда вооружены одинаковыми короткими луками, имеющими один и тот же изгиб. Стрелы иногда удерживаются руками, иногда собраны в колчане. Но это не единственное оружие: мы видим появляющийся время от времени метательный предмет, который мог быть бумерангом. Существуют, наконец, топоры. Однако совсем нет доказательств, что наши пастухи были знакомы с дротиком, и сомнительно, что они использовали копья, хотя все же имеется несколько их изображений. В любом случае даже если бы было доказано, что пастухи действительно знали эти предметы вооружения, то последние имели бы минимальное влияние на эволюцию группы. К чести наших героев надо признать, что война занимает мало места в их живописи в сравнении со сценами охоты, в которых участвуют собаки. Это привлекательные охотники, знающие технику своего ремесла. Известно, что и до сегодняшнего дня пастухи фульбе не любят убивать своих животных, и нужны были глубокие перемены в их нравах, чтобы они начали отводить своих быков на бойню. До недавнего времени это были настоящие представители своего дела, питающиеся молоком, а не мясом. Животное убивают только в редких случаях, в соответствии с бессмертными ритуалами. Бессмертными? Не пришла ли эта традиция от далеких предков, значительная часть которых жила в Тассили?

Охотничья деятельность, еще очень живучая в нашей группе, была унаследована предшественниками эпохи бубала, для которой она была единственным источником получения мяса. Следовательно, пастухи, о которых идет речь, должны находиться в группе «пастухов-охотников». Возможно, что они были также «пастухами-охотниками-рыбаками». Эта последняя деятельность была весьма важна в течение всего периода сахарского неолита. Однако сцены ловли рыбы почему-то достаточно редки на фресках.

Помимо быков мы не находим здесь других домашних животных, кроме барана, козы и собаки. Собака — животное ценное, для

охотника, а вот два других, как кажется, не занимали особого положения в жизни пастухов крупного рогатого скота.

А как жили люди? Почти все они изображены обнаженными, хотя элементы одежды уже начали понемногу появляться. Это и набедренные повязки, сделанные из шкуры животного, и узкие штаны, и даже предполагалось использование одежды из тесных растительных волокон, но это только гипотеза. Женщины иногда носят просторные юбки в форме колокола, но если они используют набедренные повязки, их можно отличить от мужчин только по форме груди — настолько их одежда похожа. Изображенные персонажи довольно часто носят как украшения веревочку вокруг живота. Еще недавно именно так выделяли себя жители в некоторых районах Африки. Кое-кто носит настоящие пояса и кольца на руках. Но самое удивительное — это головные уборы. Здесь и широкие шапки, нечто вроде фригийской шапочки, и даже некое подобие беретов и шляпок с перьями, и все это независимо от разнообразных причесок, иногда подкрашенных. Сама голова может быть украшена простой сферой, без всяких деталей внутри, или тщательно выполненным профилем, или опять же сферой, но отделенной двумя черточками от туловища, напоминающего астронавта или водолаза: это знаменитые «круглоголовые, столь привлекавшие в свое время сторонников палеокосмонавтики».

Поскольку многие из этих сфер по-разному украшены, можно вообразить, что речь идет о масках, но носят их обычно женщины. Не исключено, что раскраска, пирсинг по-современному, должна была быть весьма распространена в ту эпоху, если судить по некоторым изображенным обнаженным персонажам. Чаще всего тело покрыто декоративными рисунками, состоящими из параллельных линий.

Если костюмы и орнаменты еще можно как-то трактовать, то образ жизни, изображенный на данных рисунках, не всегда легко угадать.

Аббат Брей, большой специалист в области наскальных изображений, попытался дать свои версии дешифровки. Но кто осме-

лится утверждать, что его интерпретации объективны?! Например, картина, изображающая треугольник с большими точками, окруженный тем, что можно квалифицировать как три «головы-кегли»? Рядом на коленях стоят два персонажа. Один из них держит топор. «Легенда», по мнению аббата, гласит: «Интимная сцена рядом со спящими детьми!» Когда в одной из круглых клеток изображены горшки и кувшины, а рядом женщина разбивает на своем жернове неизвестный продукт, то можно подумать о приготовлении пищи или о перемалывании зерен. Но редко удается пойти дальше.

Можно попытаться найти в изображенных картинах оставшиеся веками нетронутыми благодаря древним традициям африканских народов другие похожие действия. Такой способ был испробован сенегальцем Ампате Ба. Нужно признать, что в этом есть толк, так как предметы получают свое название, действия точно квалифицируются, существование некоторых поз перестает быть непонятным. Требуется глубже изучать этнографию племен и народов, например фульбе, которые, по-видимому, «ответственны» за эти рисунки. А пока приходится довольствоваться весьма смутными интерпретациями... Что, например, представляют собой предметы в форме полумесяца, которые мы наблюдаем в многочисленных домашних сценах?

Отметим также, насколько искусство пастухов динамично, оживленно. Жесты занимают большое место в графике: ко всему прибавляются утонченность черт, яркость красок, неподражаемый стиль...

Внутри «этажа» пастухов рогатого скота ученые попытались стилистически выделить несколько фаз. Но далеко в этом деле не продвинулись. Удалось только кое-что сделать в алжирской и ливийской зонах Тассили и в соседних районах (знаменитые городища Сефар, Джаббарен, Тадарт Акакус).

Так, выделена «средняя пастушеская фаза», восходящая к очень ранним периодам (около 5500 г. до н.э. в Акакусе). Она является современницей последних охотников. Это главным образом типы лучников со средиземноморским профилем, головы их покры-

ты неким подобием беретов. Явно присутствуют негроидные элементы и многочисленные стада быков. Силуэты наших пастухов удлинняются, тяготеют к геометризму эпохи лошади.

Больше всего споров до сих пор возникает по поводу так называемых «круглоголовых». Что это — независимая группа, предшествовавшая пастухам, или, быть может, современница последних охотников? Согласия в трактовке нет. Даже здесь существует своеобразное разделение мнений: «архаичные» нарисованы по одному контуру, или в одноцветных плоскостях, или же носят фигурные маски, другие рисунки «поновее» — это полихромная живопись, с изображением негроидных типов и очень редко — быков. Повторим, что такое разделение взглядов далеко от совершенства и не всеми поддерживается.

Итак, «круглоголовые». Мы видели, что в эпоху охотников граверы эфиопской фауны уже материализовали сверхъестественные силы в виде людей в масках, вероятнее всего «колдунов». Эти персонажи ассоциируются с двумя типами сцен: один — изображающий охоту, другой — плодородие. И те и другие задевают религиозную идею и культы.

Первые наскальные гравюры дают нам весьма неточное указание на время прихода в Сахару этой мифологии. Надо признать, что с веками она все больше обогащается. У каждой эпохи будут свои особенности, и это не единственная заслуга наскального искусства, оставившего нам столь беспокойный пантеон. Конечно, не всегда удобно относить какие-либо изображения к хронологически определенному «этажу»: они просто не вписываются в существующие временные рамки. Но «люди с круглой головой», наши замечательные «астронавты», кажутся современниками пастухов крупного рогатого скота. Часто художники, посвятившие время и талант этому странному вроде бы «малеванию», выбирали укрытие под скалой или пещеры, чтобы раскрасить стены. С тех давних пор здесь ничего не изменилось. Мощь наскальных изображений волнует всех зрителей, хотя и не содержит слишком много сцен магических ритуалов, ритуальных оргий, неизвестных жертвоприношений. Ни в

одном месте на земном шаре нет ничего подобного. Одновременно легкие по стилю и, если можно сказать, тяжелые по смыслу, они ассоциируют избранных людей с обожествленными животными, а их формы несут в себе тайную эзотерику. Создается впечатление, что молитвы и ритуалы людей становятся все более частыми, по мере того как жизненные силы покидают Сахару, и это читается на скалах: трагическая история плодородной страны, обреченной на то, чтобы стать самой красивой пустыней мира...

Наблюдательный человек будет поражен тем, что эти круглоголовые персонажи на наскальных изображениях очень футуристичны: это одновременно и Брак и Пикассо, научная фантастика и предел невозможного. Эти «великие боги» и эти процессии молящихся или их обожателей вводят нас в нереальный мир: Елисейские поля для упокоившихся героев, ставшие некой коллективной памятью? Фантазмагорические боги встречаются на своем Олимпе? Неизвестно. Единственное, что можно утверждать, — это то, что в те времена реки отступают, источники высыхают, уровень озер понижается, а люди, вспоминая о прошлом плодородии, задумываются об очень тревожном будущем. У нас нет ключа, чтобы понять эти горестные послания. Быть может, их смысл скрыт в глубине легенд пастухов-фульбе.

Колесницы в «летащем галопе»

Во многих местах Сахары сохранились странные изображения. Сомнений нет — на них мы видим колесницы. Колесницы, запряженные двумя или четырьмя лошадьми и чаще всего изображенные как бы в «летащем галопе». Животные показаны в движении, передние ноги выброшены вперед, задние — назад. Однако главное не в этом. Оно в способе изображения, так как нет никаких сомнений, что колесницы очень древние. Но как мы можем определить их возраст, если не сохранилось ни одного критерия, кроме состояния самого рисунка и силуэтов колесниц? Идет ли речь об историческом, доисторическом или προϊсторическом «этаже»?

Первое время сам наскальный характер изображений колесниц исследователи выставляли впереди их исторического значения. Это объясняет ошибку, состоящую в том, что их автоматически зачисляли в... доисторический период. И только позже задалась вопросом о причинах их существования в столь необычных местах.

Одна из наших задач в том, чтобы оправдать существование элементов, характеризующих развитую культуру, в тех местах, где никто не ожидал их найти. Впрочем, мы обладаем некоторыми сведениями о ряде интересных и загадочных событий в жизни обитателей северо-восточного побережья Африки начиная со второй половины второго тысячелетия до н.э., и колесницы занимают там значительное место. Таким образом, у нас есть кое-какой археологический и исторический материал по древней истории Северной Африки. В любом случае все мы вышли из доисторических времен в прямом смысле этих слов. И если житель того времени мог заинтересоваться колесницами, то скорее всего это происходило в силу особых обстоятельств.

Самый первый вопрос, который специалисты, к сожалению, не задают себе, — может ли сама Сахара быть родиной местных колесниц? Для того чтобы ответить на него, необходимо понять следующее: что такое колесница и каковы ее происхождение и конструкция. Для чего и где ее использовали: есть ли здесь экономическое оправдание? Могла ли она катиться где угодно?

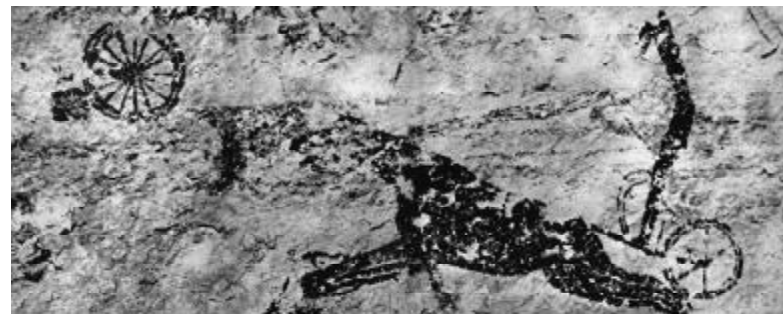
Постройка колесницы требует применения металла. В этом и состоит проблема: в эпоху неолита в Сахаре его еще не было, а для повозки требуются шины, клинья, шайбы, заклепки или гвозди.

В 1938 году итальянец П. Грациози обнаружил изображения колесниц в районе Массуда, правда довольно посредственные. Их авторы не теряли времени на соблюдение ортогональной проекции и перспективы. При изображении повозок они будто бы смотрели на них сверху. Колеса и сами лошади вырисованы в профиль, возница — в фас. Лошадей запрягали по четыре или по две, иногда даже по одной, исходя из размера колесницы.

В любом случае все устройство повозки передано очень схематично: ось, соединяющая два колеса с шестью спицами в каждом, и настил. От него отходят два дышла, заканчивающиеся двойным ярмом на шее лошадей и напоминающие ярмо боевых колесниц Египта эпохи фараонов. Правит этим сооружением один человек, всегда стоя. На других рисунках колеса боевых колесниц имеют всего четыре спицы, а дышла соединены перекладной — единственным ярмом для всей упряжки, но на настиле стоят два человека: возница и вооруженный воин...

Сразу заявим: некоторые попытки доказать, что колесницу можно построить без единой металлической детали, являются опасной утопией. Колесницы, запряженные быками, ездили медленно, их колеса были более мощными. Повозки же с колесами на спицах, с кабинкой или без нее, запряженные 2—4 лошадьми, создавались не для медленной езды: они должны были выдерживать тряску, удары о камни. Как минимум, их ободья должны были быть из металла, и мы не видим причин, почему другие детали не изготовлялись из железа. Аргумент, приводимый обычно противниками теории колесниц, говорит о рахле — знаменитом верблюжьем седле, не содержащем ни единого элемента из металла. Но «рахла» — это седло, а вес человека относительно невелик.

Действительно, имелись колесницы на деревянных колесах. Но, повторяем, то были скорее всего повозки, запряженные быками, существовавшие в юго-западном секторе Сахары. Они присутствуют всего на нескольких наскальных изображениях. Это типичная африканская повозка, и пастухи из Тассили уже были знакомы с ней до «летающего галопа», — она традиционна и не имеет отношения к нашим колесницам, запряженным лошадьми. В самом деле, преодоление препятствий колесами зависит от двух факторов: веса самой конструкции, ее водителя и скорости ее перемещения. Значения этих двух элементов здесь намного выше, чем в случае колесницы с быками. Колесница с деревянными колесами, едущая по каменистой пустыне, не выдержит и пяти километров, она непременно сломается. Сама идея такой простой повозки уже тупи-

Колесницы чрезвычайно редки на наскальных рисунках, особенно такие, у которых специалисты могут разглядеть детали повозок и колес

ковая, так как деревянное колесо со спицами, которое мы видим на некоторых изображениях и которое не имеет никаких укрепляющих металлических деталей, долго не протянет...

Не похожи эти колесницы и на древнеегипетские. Тогда откуда же они взялись?

И еще вопрос: с какой целью сахарские жители эпохи неолита или скорее их потомки могли использовать эти повозки, если доказано, что они предназначены в основном для войн? Прежде всего, где они могли их раздобыть? Если бы археологам случайно удалось найти такое место посреди Сахары, где за 1500 лет до н.э. люди умели строить такие колесницы, чей силуэт заставляет думать об Эгейском мире, о критской цивилизации, то, вероятно, нам осталось бы еще что-то кроме рисунков и гравюр. Ни металл, ни изделия из него не производят без соответствующей инфраструктуры, сопровождающей цивилизацию. Специалистов по сахарской доисторической эпохе поражает то, насколько редок металл в Сахаре. Не то чтобы он совсем отсутствовал, но он там очень рассеян, даже если принять во внимание тот факт, что кочевники или обитатели оазисов находили очень мелкие кусочки металла и использовали их в домашнем хозяйстве.

Наши сахарские колесницы к 1500 году до н.э. могли быть построены только на территории нынешней Мавритании или Нигера. Но в этих районах наскальные изображения не представляют ни одной колесницы, из чего можно сделать вывод, что они сделаны где-то в другом месте. Нужно допустить, что если во времена античности в городах Сахары жили люди, то нам наверняка достались бы какие-то другие доказательства в подтверждение наших догадок. Но в 1500 году до н.э. сахарские равнины становятся неудобными для переездов. Цивилизация не исходит более из Сахары. Тем не менее именно здесь следует искать истоки происхождения колесниц. И можно почти с уверенностью сказать, что они появились внезапно именно в тех местах, где имеются их изображения.

Теперь самое время вспомнить о глубоких следах, оставленных здесь средиземноморскими цивилизациями, — речь идет о так называемых «народах моря».

«Народы моря»

Известно, что речь идет о военных нашествиях, может быть, даже миграции народов, расшатававших Египет во времена XIX династии, в XIII веке до н.э. Они явились результатом великих потрясений Восточного Средиземноморья того времени: крито-микенская цивилизация рушилась, Греция захвачена «дорийцами», Троя скоро падет, филистимляне устремились в Палестину. Если верить египетским источникам, большая коалиция этих племен наступала на дельту Нила многочисленными волнами. Эти этнические группы, широко представленные на барельефе храма МедINET-Абу, были названы «народами мира», и ученые хотели видеть в них известные по данным археологии племена: данунов (данайцев?), акайвашей (ахейцев?), пелесетов (филистимлян?), шарданов (сардов?) и так далее. А возглавляли их ливийцы: «мешуеши» и «либу». Эти «народы моря» приходили иногда морем, иногда с востока дельты, чаще всего по побережью Ливии, где были их во-

енно-морские базы. После многих схваток подобная коалиция была рассеяна фараоном Мернептахом около 1230 года до н.э., и побежденные разрозненные остатки захватчиков в беспорядке возвращались к побережью Средиземного моря.

Таким образом, налицо вторжение на африканскую территорию чужеродных этнических и антропологических элементов из Эгейды, по-видимому, изгнанных с их земель другими захватчиками из Балкан и Малой Азии. Этот факт истории многократно подтвержден археологическими находками. Совсем недавно на острове Санторин была найдена прекрасно сохранившаяся фреска, изображающая атаку «ливийской» цитадели — с пальмами, жирафами, другими африканскими животными — эгейскими военными кораблями. Эти захватнические группы европеоидов, высаживавшиеся на берега Ливии, зачастую входили в альянс со своими захватчиками, также мечтавшими завоевать Египет. Но эгейцы и их союзники имели в своем распоряжении в качестве вооружения одну лишь колесницу, которая должна была противостоять великой силе фараонов.

Союз с ливийцами не помог им избежать поражения, и поскольку, без сомнения, морской путь был закрыт, они устремились в центральные районы Ливии, одной из столиц которой, видимо, являлась Джерма. Можно допустить много причин более позднего распада колесниц по горам центральной Сахары. Мы же примем этот факт как одно из последствий страшного поражения и боязни быть плененными безжалостным врагом. Там, в затерянном мире песков и скал, они пытались обустроить себе новую жизнь...

Такой взгляд позволяет более-менее правдоподобно объяснить находки колесниц средиземноморского типа в центре Сахары к концу второго тысячелетия до н.э.. Можно понять местных художников, впервые увидевших лошадей и запечатлевших их на своих рисунках. А уж по сахарским тропам совершенные эгейские колесницы передвигались достаточно быстро... Но вопросов, связанных с их присутствием в Сахаре, много и главный: кто будет их чинить? Возьмем пример: что станет с «сироемом», если он сломается,

скажем, в Агадесе? Чинить его будет или какой-нибудь «самоделкин», или сам водитель, конечно, при наличии запчастей. Если же с места поломки нельзя заказать новые запчасти, то машину уже невозможно использовать, она технически мертва. Вдоль сахарских дорог можно встретить много таких обломков. В Европе же любая неисправность была бы только временным неудобством.

Вот и колесницы создавали те же проблемы. Таким образом, можно предположить, что эпоха их в пустыне была короткой. Места находок появляются как бы мимолетно, хотя и поражают воображение тех, кто их видит. Мы не верим в «коммерческие трассы» древности, на которых красивые и легкие колесницы выполняли роль полицейских машин наших дней! И все же...

Было бы проще, если бы мы не знали, какого уровня цивилизации достигли ливийцы. Благодаря Геродоту нам известно, что их упряжки были достаточно надежными для путешествий по пустыне. Знаем мы и о развитии гарамантов, надолго задержавшихся в Сахаре.

Что же касается троп, то надо отметить, что в течение последнего тысячелетия до христианской эры они не были такими уж сложными, какими мы видим их сегодня. Климат тогда оставался все еще влажным, лошадей можно было исправно кормить: эра верблюда здесь еще не настала.

Итак, проблемы, поднятые колесницей, далеки от понимания. Для того чтобы решить их, необходимо прежде всего составить каталог сотен гравюр и рисунков, найденных в пустыне. Затем классифицировать изображения по стилям или по типам. Уже описаны возницы колесниц, их вооружение, силуэты, предметы, которые они держат или носят, формы дышла. Учитывая окружающую природу и происхождение рисунков, были, естественно, обособлены колесницы, запряженные быками: они наверняка имеют местное, средиземноморское происхождение и связаны с цивилизацией быка.

Можно ли после всего этого считать окончательно приемлемой карту «дорог», по которой ездили колесницы, созданную некоторыми авторами и соединяющую отдельные районы? Пожалуй, стоит

пока воздержаться от последних выводов. И все-таки мы можем допустить мысль о большей степени проникновения эгейской культуры в Африку. Ведь надо также учитывать и тот факт, что авторы картин и гравюр могли создавать свои произведения только там, где поверхность скал и само их наличие позволяли им творить... А были ли скалы обязательно связаны с дорогами, по которым ездили колесницы? Тут приходит на ум такой ответ: в мирное время легче было ездить по открытым пространствам, а в смутное время выбирать горные дороги!

Но как доказать, что колесницы ездили не только по ним? Как узнать: местный творец или иностранный наблюдатель создал то или иное произведение?

Одно кажется нам доказанным: здесь был необходим металл, без него колесницы не были способны покрывать большие расстояния, да еще по пересеченной местности.

Период лошади

Наравне с колесницами в нескольких изображениях часто появляются лошади; и не только в упряжке — по две, реже по четыре, но и как отдельные животные.

Дикие лошади известны людям с древних времен по костям, найденным при раскопках. В период неолита были созданы картины и гравюры с изображением этих животных на воле в Тассили, Феццане, Тибести и в горах Атласа. Известно, что одомашнены они были позднее, только в начале второго тысячелетия до н.э. в Азии и появились впервые в Египте во время вторжения гиксосов, где-то между средним и новым царствами (около 1700–1600 гг. до н.э.). Затем они вошли в классическую иконографию Нового царства.

Среди наших наскальных изображений мы находим фигурки лошадей с всадниками, имеющими геометрический профиль, типичный для средиземноморских народностей. Но эти рисунки малочисленны. Одомашненная лошадь не становится частью сахарского пейзажа, пустыня наступает...

Кто эти люди, наследники пастухов рогатого скота периода быка? Вероятно, это прямые их потомки, живущие в многочисленных поселениях, и наше незнание скорее стилистическое, нежели этнографическое.

Действительно, таинственные люди продолжают рисовать быков и коз, но меньше, чем в предыдущую эпоху. Они рисуют «загоны», похожие на те, что имелись в былые эпохи, сцены «бесед» праздных женщин рядом с «загонами», или как их назвал аббат Брей, — «интимные сцены», сцены охоты, красивых лучников и т.п.

Композиции (в предыдущую эпоху они или статичны — сидящие люди, или часто стоящие персонажи) теперь изображены в движении, как и в сценах охоты периода бубала, с видом огромных дьяволов, разбегающихся во все стороны.

А где же новинки, оправдывающие наш «лошадиный период»? Прежде всего стиль изображения персонажей становится открыто геометрическим с тенденцией удлинения фигур. Эти силуэты с тонкой талией и квадратными плечами странным образом напоминают фигуры греков на вазах в национальном музее Афин.

Головы больше не выделяются: их заменяет «стержень», перпендикулярный к горизонтальной линии, изображающей плечи. Более того, многие персонажи вообще не имеют головы. Художественная условность или религиозные мотивы? Встречается и некое подобие копья вместо головы. Что это — маска, шлем?

Женщины изображены так же схематично, но в меньшей степени, чем мужчины, они все же сохраняют гармоничность линий.

Среди других новинок — одежда: больше нет рисунков обнаженных мужчин или женщин. Представители сильного пола охотно носят нечто вроде коротких туник, сильно приталенных, а иногда длинный широкий плащ. В других случаях показаны туники, оставляющие плечо голым. У женщин длинные приталенные юбки, иногда расширяющиеся книзу.

Тревожная нотка: едва допустимые в эпоху бубала войны здесь уже занимают прочное место. Колесницы и в основном круглые щиты и копья. Сцены с группами лучников: люди преследуют уже

не антилопу, а других своих собратьев. «Загоны», изображенные с помощью множества концентрических кругов, — это круги бойниц, больше похожих на укрепленные точки, чем на мирные хижины. Как и другие народы, которые их опередили, наши пастухи открывают для себя лязг оружия: они войдут в историю! В своих последних фазах геометрический стиль становится все более условным. Например, «молящийся» тип — персонаж с двумя поднятыми руками и согнутыми и разведенными ногами, — это уже чистая графика, которая покрывает скалы Сахары вплоть до Атласа.

Пришло время и для другого открытия: письма. В это время появляются первые напоминающие алфавит значки — предтеча письменности современных туарегов. Мы покидаем доисторические времена!

Период верблюда

И вот на сцене появляется другое животное, приспособленное для жизни в сухих районах лучше лошади: верблюд, а на самом деле дромадер.

Он пришел из Азии и был завезен в Египет после персидского завоевания в 525 году до н.э. В эллинскую эпоху он уже многочислен в Египте, хотя еще и не завоевал свое сегодняшнее положение. Но уже начинают говорить о верблюжьих караванах, пересекающих пустыни Аравии и Ливии. Но их распространение по Киренаике, Магрибу и Сахаре идет долго: ссылки на верблюдов появляются все чаще в I веке до н.э., но только примерно в начале первого христианского века они становятся обычными североафриканскими животными. Отметим, что параллельно продвижению вдоль средиземноморского побережья верблюд появляется в Нубии, затем в Судане и Чаде. Именно благодаря ему путешественникам, торговцам и чиновникам удалось сравнительно быстро достичь удаленных от любой цивилизации районов центральной и южной Сахары. На скалах там до сих пор рисуют всадников, сидящих на бредущих верблюдах, а быки уже больше не встречаются. Это исчез-

новение быков указывает на резкую деградацию климата. Их наскальные изображения в полном упадке. Полностью утеряны не только натуралистическая традиция эпохи бубала, но и ее геометризм. Их угловатость не просто примитивная или детская: здесь уже нет души, здесь пустота.

В техническом плане великая новость: появилось железо. Оно известно в Египте со второго тысячелетия до н.э., но в ходу только после персидского завоевания. А вот в Мероэ, Судане и Чаде уже с шестого или даже седьмого века до н.э. железная металлургия уже известна и широко используется с седьмого или шестого века до н.э. Именно отсюда разными путями железо проникает в южную и даже центральную Сахару, но там оно будет все еще очень редким.

Копья воинов, шедших рядом с колесницами, вероятно, уже из железа.

Мы видим, как медленно и трудно проникают в этот затерянный мир культурные нововведения в течение первого тысячелетия до н.э.. То, что остается и закрепляется здесь, балансирует между доисторическим периодом, неолитом и железным веком. Но что означают отныне эти слова на огромных просторах, откуда песок изгнал людей?

Зооморфные и антропоморфные скульптуры

Бегло взглянув на наскальные изображения, мы вряд ли до конца оценим чисто человеческий характер послания, которое они содержат.

Однако было бы ошибкой верить в слишком жесткое разделение неолитического сахарского общества. Искусство не является уделом одних лишь художников или граверов. Напротив, простые изделия показывают, что в обществе присутствовала общая тенденция, обращенная к совершенствованию вещей, что указывает на высокий уровень культуры этноса в целом. Например, керамику создавали тонкие художники. А что говорить о скульптуре! Ее связь с темами

наскального искусства очень показательна. В разных районах Сахары были найдены зооморфные статуэтки из прочного камня, являющиеся просто шедеврами. Речь идет не о примитивных поделках, но о необычных произведениях, отмеченных печатью гения.

Однако выбор сюжетов узок: бараны, козы и быки — это все животные, изображенные художниками. Правда, имеются и газели, и их изображения наиболее совершенны.

По правде сказать, до наших дней дошло только около десятка этих шедевров. Можно предположить, что какие-то вещи сохранились в частных коллекциях, но в любом случае они немногочисленны и, наверное, являются предметами культа. И действительно, иногда кажется, что изображенные животные рассматривались как обязательное условие для выживания группы. Отсюда до эзотерики колдунов — один шаг. Издавна они констатировали жизненную связь между водой, растительностью и животными. Следовательно, человек зависит от этой триады. Ее основной принцип — плодородие. Посвященный ей культ должен обеспечить выживаемость группы.

Сохранились многие доказательства существования этого культа плодородия. В районе Силета посреди Ахаггара один солдат колониальных войск нашел однажды три замечательные вещицы. Это было накануне Второй мировой войны, и научные умы были заняты другими проблемами. На три скульптуры никто не обратил внимания. Тем более что их очень необычный характер не позволял опубликовать их изображения. И действительно, две из этих каменных скульптур состояли из минералов, вкрапленных в жесткую известь. Художник выполнил две фигуры — одну мужскую, другую женскую — с прекрасной анатомической точностью. Третья скульптура загадочна и может при большом воображении оказаться обо-полой. Остается только гадать, как неолитические скульпторы обходились без металлических инструментов в такой трудной работе с твердым камнем!

В галерею шедевров надо включить также сосуды из твердых камней: подносы, прекрасные отполированные миски правильных

форм. Существует большое разнообразие обломков, использовавшихся для изготовления того, что было названо «каменным ювелирным производством». В Зуаре, в южной части Тибести черная пористая лава была использована для изготовления овальных жерновов и довольно странной посуды: горшки, кувшины, ступки снаружи разрисованы весьма необычными орнаментами. Сопровождают этот ансамбль похоронные стелы.

Несомненно, неолитический этнос, населявший Сахару до «начала времен», достиг высокого уровня цивилизации. И удивительно, что их сокровища, дошедшие до нас в виде наскальной живописи, еще так мало изучены, но уже подвергаются разграблению. Они могут быть уничтожены еще до того, как их загадки окажутся решенными...

Неолитическая Сахара послужила тигелем для множества племен и народов. Фульбе суданской саванны, теббу из Тибести, харратины алжирских — все они наследники этих людей, которым мы обязаны творением удивительных галерей искусства, еще являющихся взорам изумленного человечества.

«БЛЕДНЫЙ ЛИС» ДОГОНОВ

ДОГОНЫ

Страна загадочных догонов — это излучина реки Нигер, сердце западноафриканского Сахеля. Здесь сходятся Сахара и зона саванн. Догоны проживают на территории Мали и Буркина-Фасо. Ни одна ни другая страна не относится к разряду «туристических» — в них отсутствует развитая инфраструктура, за пределами столиц практически нет хороших отелей, дорог мало. Так что при посещении плато Бандиагара, где живут догоны, надо рассчитывать на походный или полупоходный образ жизни. Прямых рейсов ни в столицу Мали Бамако, ни в столицу Буркина-Фасо Уагадугу из Москвы нет. Перелет через Париж авиакомпанией «Эр Франс», а далее — по обстоятельствам. Перед поездкой необходимо позаботиться о прививках, поскольку страны Западной Африки неблагоприятны с точки зрения эпидемических и прочих заболеваний, связанных с питанием и питьем.

Там, где мутные воды Нигера широкой дугой огибают буроватые обрывы ожелезненных песчаников, за иссохшим плато Бандиагара живут догоны. «Гран-Лярус», обстоятельная французская энциклопедия, уделяет этому народу всего несколько строчек: «Догоны сохранили свою специфическую древнюю культуру». Затем следует несколько слов о догонских масках. Но разве найдется в Африке племя или народность, у которой их не было? И хотя догонскую работу по дереву специалисты считают шедевром африканс-

кого искусства, самое интересное у этого племени — его духовная культура. Его удивительно стройные мифы. Его — да позволят нам это выражение — «теория мироздания».

Странная «бледная лиса»

Догонов насчитывается триста тысяч. Не самая маленькая и не самая крупная африканская народность, за пределами узкого круга специалистов мало кому известная. Когда-то, лет за тысячу до наших дней, они жили в верховьях Нигера, в области Мандэ, самом центре древней империи Мандинго. Тогда их жилища усеивали склоны гор Курула. В этот горный район догоны, как говорят их предания, попали из области Дьягу, откуда Нигер начинает свой извилистый путь к океану. Переселение за переселением, смешение с другими племенами — вот вкратце вся ранняя история догонов. В середине десятого столетия до Мандэ — родины догонов того времени — докатилась волна ислама. Натиск ее был не так уж силен, словно растеряла она силу в безлюдье Сахары, и люди отказались принять новую религию. Одно из догонских племен — ару отправилось вниз по Нигеру искать новую родину. Постепенно все родичи перебрались в район плато Бандиагара, вытеснив оттуда к концу XIII века прежних жителей — племя теллем. Тогда-то, в эпоху переселения, и зародилось деление догонов на четыре племена: дьон, ару, оно и домно. Поскольку каждое из них добиралось до Бандиагары своим путем, то и селилось оно отдельно от других, в своем собственном районе. Теперь все переменялось: нередко представители различных племен живут в одной деревне, но прежняя обособленность сохраняется. Впрочем, общению нередко препятствует языковой барьер: разговорный язык догонов, «дого-со», делится на множество диалектов, порой разительно отличающихся один от другого. Общим остается только ритуальный «сиги-со» — архаичный и понятный теперь уже лишь посвященным — язык знахарей и колдунов, язык жрецов древней религии, язык «бледной лисы».

«Бледная лиса» — маленький светлорыжий зверек, которого догоны считают своим прародителем, водится в изобилии в их горах. «Бледная лиса» в свое время умела говорить на языке «сиги-со» и рассказала догонам их мифы.

Два этнографа

Волею исторических судеб догоны, как и большинство суданских народностей, в конце XIX века оказались под французским владычеством. Им при этом до некоторой степени «повезло»: колонизаторы не слишком-то жаловали их труднодоступный засушливый край. Может быть, оттого Бандиагара и стала этнографическим заповедником.

Дорогу в эти места проложил в начале века лейтенант колониальных войск Луи Деплань. Культура «дикарей» его не интересовала, но, составляя их список, он отметил догонов. Открывателем этой культуры для европейцев надо считать Марсея Гриоля. Ему было чуть больше тридцати, когда в составе Транссуданской экспедиции он попал в Бандиагару. К тому времени в Европе уже хорошо знали африканскую скульптуру: ритуальные и культовые статуэтки из бронзы, слоновой кости, черного дерева. Молодого ученого привлекла иная сторона духовной жизни африканцев. Едва ли не первым из европейцев он занялся изучением ритуальных масок. Тщательно допытывался до смыслового значения цвета, декора, орнамента — каждой линии, каждого выступа на маске. Он подружился со многими знатоками древних обычаев: Оготеммели, Оньонлу, Акундьо Доло, со жрецами — Манда из Оросонго и Номмо из Нандули, и еще многими другими догонами. «Наши отношения были подлинно сердечными», — напишет много лет спустя Жермена Дитерлен, верная спутница Гриоля. Экспедиции отправлялись одна за другой. Стараясь как можно подробнее познакомиться с жизнью догонов, Гриоль приезжал к ним и в сезон дождей, и в жару, когда в выжженной безжалостным солнцем стране становилось трудно

даже собственным жителям. А что уж говорить о пришельцах! Деплань написал в сердцах в рапорте: «Я не встречал столь мало приспособленной для человека страны, как земля догонов».

Вторая мировая война прервала полевые исследования, а когда после многолетнего перерыва Гриоль вернулся к своим друзьям, те встретили его с почетом и решили посвятить в самую сокровенную свою тайну — миф о сотворении мира. Это решение верховных жрецов и патриархов родов представители племени выполняли больше месяца. Тридцать три дня шла предварительная подготовка.

У догонов нет письменности. Миф заучивают наизусть и в таком виде передают потомкам. Существуют, правда, тысячи вспомогательных знаков. Но это лишь мнемонические средства, иллюстрирующие основные идеи мифа. Ежедневно после многочасового сеанса обучения таинственным знакам мифа учитель-догон приходил на совет старейшин и сообщал об успехах белых учеников. На тридцать четвертый день Гриоль услышал наконец «светлое слово» — сущность догонского мифа. При жизни Гриоль успел опубликовать только одно-единственное краткое сообщение о догонской концепции мироздания. В 1956 году он умер во время очередной экспедиции в страну своих исследований.

Жители области Санга, где работал Гриоль, воздали ему высшую почесть, какой до тех пор не заслужил ни один европеец: памяти умершего ученого была посвящена самая главная, самая торжественная церемония похоронного обряда — снятие траура, или «дама-на», что на священном языке значит «большой запрет». Когда умирает человек, на его близких родственников налагают множество запретов: нельзя есть многих вещей, нельзя выполнять определенные работы. Срок запрета зависит от положения, которое занимал умерший в племени при жизни. Дело в том, что на «снятие траура» приглашаются старейшины всех родов племени. Каждый из них является на поминки в сопровождении многочисленной свиты. Хозяева не жалеют для гостей просяного пива и еды. Нередко

Уступы плато Бандиагара в Мали, к которым прилепились хижины догонов

на угощение уходит весь урожай семейного поля. Чем знатнее был покойник, тем больше гостей, тем больше пива надо для «дама-на», тем дольше носят траур...

Французского этнографа поминало все племя. За две луны до начала церемонии юноши ушли в саванну собирать дерево и травы, а потом в деревнях закипела работа: делали маски и браслеты, сплетали травяные юбки, красили парики.

Под вечер, надев угловатые самодельные траурные обновки, подпоясавшись белыми кушаками, посвященные начали на окраине деревни медленный нескончаемый танец. Под ритмичное уханье барабанов извивающаяся змейкой цепь танцоров отправилась в скалы. Туда, где на голой площадке установлена громадная глыба камня — «Амма-гину» — Дом бога. Здесь, перед алтарем, всю ночь продолжалась священная пляска, видеть которую разрешено немногим — лишь тем, кто принят в мужское братство племени. Догоны провожали душу ученого к Амма, высшую тайну которого они открыли чужому человеку, да к тому же европейцу.

К утру танцоры вернулись в деревню. На пыльной площади возобновились печальные пляски. Многочисленные гости уже расселись на циновках. Пир длился до вечера. В косых лучах предзакатного солнца малыши поднесли предводителю танцоров дары: кувшины просяного пива, блюдо риса, связку вяленой рыбы, немного соли. В последний раз пустилась вдоль деревни вереница танцоров, поливая землю пивом и посыпая зерном. Все мужчины и женщины устремились вслед. Каждый человек держал в руках глиняный черепок. Шествие направилось к южной околице селения, потому что духи умерших живут где-то далеко к югу от страны догонов. Отчаянно бубнили барабаны. Выстроились в ряд, каждый зашвырнул как можно дальше свой черепок и без оглядки пустился наутек... Душа усопшего ученого переселилась в дом догонского бога. Перед капищем всю ночь стояли горшок с просяным бульоном и кувшин пива — пусть душа человечья отпразднует свое переселение...

Прошло девять лет. В Париже под редакцией Жермены Дитерлен вышла первая часть собранных французскими этнографами пре-

даний — «Бледная лиса», космогонический миф догонов. Книга была тщательно прокомментирована Гриолем и его ученицей. Но за пределами узкого круга специалистов она не вызвала интереса. Впрочем, работа и не была предназначена широкой публике.

Однако десять лет спустя появилась другая книга. Выпустил ее Эрик Геррье, астроном из Марселя, страстный любитель археологии и этнографии. Наблюдая за первыми шагами человека по лунной поверхности, Геррье вспомнил, что когда-то читал нечто похожее. Только где, в каком фантастическом романе? Память заработала и привела в неожиданное: «Бледная лиса»! Первое в истории человечества прилунение живо напоминало описание в догонском мифе прибытия «ковчега Номмо», а следы астронавтов вызывали в памяти след медной сандалии Номмо.

Геррье перечитал миф, разрыл более раннюю работу Гриоля «Суданская система Сириуса». Астронома поразили содержащиеся в этих работах сведения. Они были обычны для этнографа, записывающего миф, и не вызвали у него чрезмерного интереса, но астрономы, видно, нечасто заглядывают в работы гуманитариев. Космогоническая система догонов удивительно совпадала с новейшими теориями и гипотезами! Гриоль и Дитерлен старались как можно вернее, как можно объективнее передать первичный материал. Их вовсе не интересовал простой вопрос: откуда у догонов такие знания? А Геррье задал его в первую очередь.

Он встретился с Жерменой Дитерлен. Очень скоро Геррье убедился, что почтенная дама-этнограф имеет самое приблизительное представление о космических полетах. Астроном облегченно вздохнул. Отпадал важнейший упрек, который скептики могли ад-

Хижины догонов нередко украшены орнаментом, содержащим сюжеты из прошлой жизни племени

ресовать Гриолю и Дитерлен: они, мол, вложили в уста догонов то, что знали сами. Геррье решил переложить миф на язык наших дней, воспользоваться современными научными понятиями.

Здесь стоит сделать маленькое отступление. Как уже сказано, догонские мифы передаются изустно, с помощью целого арсенала мнемонических знаков, с каждым из которых связаны образы, метафоры, сравнения. Часто слово в мифе имеет несколько иное значение, чем в обиходном языке. В рассказе нельзя менять ни единого слова, ни одной буквы, потому что это может нарушить целое, исказить смысл. Гриоль и Дитерлен записывали прежде всего фабулу мифа. Потом они приводили пояснения самих ойгонов к рассказанному. Комментарий Геррье — это попытка переложить догонский миф на язык современной науки, сопоставить его с современными гипотезами строения Вселенной.

«Вначале был Амма . . .»

«Вначале был Амма, бог в виде круглого яйца, который покоился ни на чем, — так начинается догонский миф. — Он состоял из четырех овальных, слитых друг с другом частей. Кроме этого, не было ничего». Имя бога — Амма — в современном языке значит «держат сжатым», «крепко обнимать», «удерживать на одном месте». И Амма удерживал, сжимал четыре основных элемента: воду («ди»), воздух («онь»), огонь («яу») и землю («минне»). Амма имел форму маленького просяного зернышка «по». А «по» у догонов — основной элемент мира.

Главная задача верховного существа в любой мифологии — творить мир. И Амма в каждой из четырех своих частей вызывает взрыв, «который и является причиной существования». Потому он и получает свой основной эпитет «крутящийся вихрь». В дальнейшем поясняется, что вихрь этот кружится по спирали. Такой образ можно приписать и маленькому атому с электронным облаком, вращающимся вокруг ядра, и гигантской звездной системе — галактике: ведь большинство известных галактик относятся к классу спиральных.

(Как ни относиться к комментарию Эрика Геррье, нельзя отделаться от мысли, что маленькое африканское племя поклонялось в образе Амма вечному потоку энергии...)

Творческий процесс Амма продолжался довольно оригинально. Он стал создавать знаки, «придающие всему миру цвет, форму, вещество». Знаки выходят изнутри вещей. Мы называем такие знаки химическими элементами. Вся совокупность знаков называется у догонов «невидимый Амма». Прежде всего были созданы два «направляющих знака» и восемь «главных». «Направляющие знаки» принадлежат Амма и только ему.

Коль скоро речь зашла о химических элементах, нетрудно предположить, что такими «направляющими знаками» могут определяться два элемента, играющие особую роль в строении космоса — водород и гелий. Тогда «главные знаки» можно отождествлять с группами периодической системы элементов. Правда, такое сравнение весьма рискованно, потому что в другом месте мифа знаки делятся на 22 семьи «царственных вещей», и тогда общее их число, упомянутое в мифе, в два с лишним раза превышает число известных нам химических элементов. Таким образом, аналогии и сравнения здесь выглядят весьма сомнительно. Но возникают они не случайно.

Таинственная СИТИ-ТОЛО

Догоны хорошо знают звездное небо. Звезда Гиены соответствует у них Проциону, звезда Льва — бете Овна, есть звезды Акациевого дерева, Риса, Сорго и множество других. «Глазами мира» называются Полярная звезда и Южный Крест. Есть в догонской астрономии удивительные сведения. Так, «звездой Дерева бала» они зовут один из четырех крупных спутников Юпитера, тех самых, с которыми европейцев познакомил Галилей. Правда, с помощью телескопа у старшего брата Земли открыта целая дюжина спутников, но у догонов телескопов нет и по сей день... Впрочем, на мысль о знакомстве предков этого народа с оптическими приборами на-

водит и название «Двойной глаз мира», данное альфе Южного Креста. В любой телескоп видно, что эта звезда двойная. Догонский символ Сатурна — две концентрические окружности — напоминает о знаменитых кольцах этой планеты, также недоступных нашему зрению. В языке «сиги-со» существует специальный термин «тологонозе», или «обращающаяся звезда». Так называют спутники любого небесного тела. Все эти сведения, вызывающие уважение к догонской астрономии, меркнут рядом с их «теорией» «сиги-толо». Так именуют они прекраснейшую из небесных звезд, хорошо всем знакомый Сириус.

Видимый нам свет — только фрагмент звездной системы. Ее образуют главная звезда, или Сириус А, невидимый простым глазом белый карлик Сириус В, его догоны называют «по-толо» (а «по», как мы знаем, считается мельчайшей частичкой энергии, ее зерном), и еще одна невидимая звезда «эмме-я-толо» с планетой-спутником «ньян-толо». Относительно двух последних звезд и планеты догоны говорят, что они находятся так близко от Сириуса А, что не всегда видны. Хотя Сириус одна из ближайших к Земле звезд — до него всего 8,5 световых лет, его спутник Сириус В открыт только в январе 1862 года Кларком, причем теоретическая орбита была вычислена всего лет десять до этого. Что же касается Сириуса С, то существование его до сих пор вызывает жаркие споры среди астрономов.

Но вот что говорят догоны: «Звезда «по-толо» обращается вокруг «сиги-толо». Один оборот длится 50 лет... «По-толо» регулирует движение «сиги-толо», которая движется по неправильной кривой». Именно искривленные движения Сириуса А привели ученых к открытию незаметного соседа. Период обращения Сириуса В составляет 50 земных лет... Кстати, о существовании меньшего брата звезды знают и близкие соседи догонов, например бамбара. А далеко на юге континента готтентоты называют Сириус «звездой рядом».

«По-толо» совершает вокруг Сириуса точно такой же оборот, что и «по» вокруг своего зародыша в лоне Амма... Когда «по-толо» находится вблизи звезды, та усиливает свой блеск; когда «по-толо»

удаляется, она начинает мигать так, что наблюдателю кажется, будто он видит много звезд». Впечатляющая картина, если учесть, что Сириус В не виден невооруженным глазом! На символическом догонском рисунке системы Сириуса «по-толо» показана кружком с точкой в центре. Но, как считают африканисты, на подобных изображениях ни одна точка не может появиться случайно. Геррье полагает, что этот рисунок — символ белого карлика. «Белые карлики как бы «вызревают» внутри звезд — красных гигантов — и «появляются на свет» после отделения наружных слоев гигантских звезд», — говорит советский астроном И. Шкловский.

Быт догонов сегодня ничем не подтверждает их глубокие познания в астрономии

А что говорят об этом догоны?

«По-толо» — самая тяжелая звезда... Она настолько тяжела, что все люди, вместе взятые, не смогли бы поднять маленького кусочка ее». Теперь сравните это с данными современной астрономии: масса Сириуса В составляет 0,98 массы Солнца, а диаметр этой звезды всего в два с половиной раза больше диаметра Земли. Это дает фантастическую плотность: один кубический сантиметр весит примерно 50 тонн! Так что качественно догоны не ошиблись. Миф дает объяснение и высокой плотности вещества: «По-толо» состоит из трех основных элементов: «оньо» (воздуха), «ди» (воды) и «яу» (огня). «Минне» (земля) заменена другим элементом — «сагала», «который сверкает ярче железа». Современная астрофизика утверждает, что в процессе эволюции звезд происходит постепенное уплотнение и разогрев ядра. Когда температура его дости-

гает ста миллионов градусов, начинается реакция синтеза трех ядер гелия в одно углеродное. Эта гелиевая вспышка длится недолго, но приводит к серьезным изменениям. Дальнейшая эволюция может пойти разными путями. Если масса звезды достаточно велика (в два-три Солнца примерно), гелиевое тело сбрасывает с себя оболочку. Ядро после катастрофического сжатия превращается или в «черную дыру», или в белого карлика, или в нейтронную звезду. Если сбрасывание вещества происходит быстро, вспыхивает сверхновая: блеск звезды возрастает в десять, а то и в сто миллионов раз, а потом медленно тускнеет в течение десятилетий. И вот оказывается, что догонский миф неоднократно упоминает о взрыве «по-толо»: когда люди были на Земле всего лишь год, звезда внезапно заблестела, а потом постепенно, в течение двухсот сорока лет блеск ее уменьшался. И дальше: содержимое «по-толо» извергалось в форме зерен «по». В системе мнемонических знаков догонов есть специальный рисунок: круг, внутри которого помещены направленные к центру штрихи, — так символически изображается уменьшение размеров звезды. Что это, случайность? Но тогда их слишком много в мифах африканского племени.

Когда французские этнографы спрашивали стариков, откуда у догонов такие необыкновенные сведения, те отвечали, что все космические объекты из группы Сириуса они наблюдают из пещеры. А где сама пещера? Это строжайшая тайна. Открыть ее белым жрецы наотрез отказались. Гриолю удалось только услышать еще одно упоминание, будто в пещере в большом количестве собраны «доказательства». Пояснять этот термин старцы не стали...

Почему же догоны столь большое место в своих преданиях уделяют миру далеким и, казалось бы, совсем не связанным с земной жизнью? Оказывается, связь существует, и самая прямая: «Вначале место звезды «по-толо» было там, где сейчас находится Солнце. Солнце тоже было там. Но звезда «по-толо» удалилась от Земли, а Солнце осталось». В одной из частей «Бледной лисы» описывается, как люди были перенесены с планеты, солнцем которой была до своего взрыва «по-толо». Догонская метафора определя-

ет это путешествие как «удачный брак». На рисунке-символе, изображающем этот «брак», Сириус превосходит размером Солнце!

Радиус Сириуса А действительно в 1,7 раза больше солнечного.

Сокровенная тайна Амма

«По» есть изначальный образ материи... Творческая воля Амма заключена была в «по», говорят догоны. Это начало всех вещей, потому что оно самое малое из всех. Если вспомнить, что Амма выступает в роли бога-энергии, то можно поразиться точности формулировки: мельчайшая частица является началом материи. «Все вещи, которые создал Амма, берут свое начало в маленьком зернышке «по». Начиная с самой мелкой, все вещи создает Амма, прибавляя одни и те же элементы. Все вещи Амма начинает создавать такими же маленькими, как «по»; потом он добавляет к созданным вещам новые порции маленьких «по». По мере того как Амма соединяет зерна «по», вещь становится все больше и больше». Вряд ли образованный человек сможет доступнее объяснить неграмотному строение вещества.

«Когда развивается жизнь, она развивается в вихре, который повторяет первое творение Амма. Жизнь развилась в тот же самый момент, когда сочетались зерна «по».

Сложный, архаичный, образный язык мифа порой иносказаниями переносит информацию, казалось бы, невероятную для первобытного народа.

«Слово «по» произошло от того же корня, что и слово «пок», что значит «закручиваться в спираль». «По», закрученное в себя самого, хранит «слово» до того момента, когда Амма прикажет освободить это «слово», дабы передать его всем творениям. «По» может превратиться в страшную силу ветер, но об этом нельзя говорить». Геррье считает, что тут говорится о возможности перехода материи в энергию — ни больше ни меньше. Не слишком ли смела эта интерпретация? Возможно. Но так говорят — дословно — догоны, и эта фраза составляет самую сокровенную тайну их мифов.

А вот другой фрагмент. Всем известно, какую важную роль в процессах органического синтеза играют ферменты, то есть вещества, ускоряющие химические реакции. Ферменты были открыты в конце прошлого века. А догоны из поколения в поколение учат строки своего мифа: «Заклученная в зерне жизнь благодаря «слову» подобна брожению пива в калебасе...»

Космические странствия

В «Бледной лисе» описаны две «космические одиссеи» (так называет их Геррье). Сначала рассказывается о путешествии на Землю существа по имени Ого, потом о прибытии на Землю «корабля» Номмо и первых людей.

Ого во многом напоминает известного нам Сатану. Приблизженный бога Амма, он взбунтовался против своего покровителя и овладел частью его знаний. Ого трижды отправлялся в космический полет. (Эта часть мифа рассказана весьма путано, и этнографы считают, что в ней отразились действительные события: три этапа переселения догонов в Бандиагара.)

Первый «ковчег» Ого Амма превратил в Землю. Затем последовало второе путешествие — на маленьком «корабле», который двигался, подгоняемый «ветром», заключенным в зернах «по». Эта важная информация позволяет сделать далеко идущие интерпретации... При желании, разумеется.

Летел Ого со звезды «сиги-толо» — Сириуса. При этом подробно рассказывается, как он вел свой «корабль», чтобы его движение совпало с движением Земли («вступило с Землей в удачный брак», как говорят догоны). Все это настолько напоминает расуждения современной теории космических полетов, что Геррье делает вывод: догонский миф передает теоретические и практические знания максимально детально. Для того, наверное, считает он, чтобы эта информация была подробно передана далеким потомкам.

Совсем иной оказалась задача Номмо. Ему поручил заселить Землю сам Амма. С этой целью был выстроен огромный двухпа-

лубный «корабль» с круглым дном. «Корабль» Номмо был разделен на шестьдесят отсеков, содержащих «все земные существа и способы бытия»: мир, небо, землю, деревню, дом собраний, женский дом, домашний скот, деревья и птиц, обработанное поле, раковины каури, огонь и слово, танец и работу, путешествие, смерть, похороны... Но нынешним догонам известно содержимое только первых двадцати двух отсеков. «Остальное придет в сознание людей позже и изменит мир» — так говорят они сами...

«Корабль» подвесили на медной цепи, а потом по сигналу Амма он стартовал в проделанное в небе отверстие: отправился в путь из той части космоса, где «по-толо» родила жизнь, которую теперь предстояло передать на Землю. Приближаясь к нашей планете, «корабль» восемь «периодов» кружился по небу, занимая его, словно гигантская радуга — от горизонта до горизонта. Кружился с востока на запад, отклоняясь то к северу, то к югу. Он вращался вокруг собственной оси и при спуске описал «двойную спираль». Упомянутому вращению помогал «кружащийся вихрь», вырвавшийся из корабля наружу через отверстия, имевшие «форму этого ветра».

В момент приземления «корабль» скользнул по грязи, а яма, образовавшаяся после удара его о грунт, заполнилась водой и стала озером Дебо. На его берегах, на холме Гурао, до сих пор гигант-

Остается загадкой, кто и когда сообщил западноафриканским догонам, находящимся на столь специфическом уровне социального развития, такие мудрые сведения о космосе и космологии вообще

ский дольмен, изображающий «корабль Номмо», а в небольшом отдалении, среди менгиров, олицетворяющих Сириус и Солнце, еще одним камнем, гораздо меньших размеров, символически изображена Земля.

«Выйдя из корабля, Номмо поставил прежде всего на землю левую ногу. Это означало, что берет он Землю в свое владение. След, оставленный ступней Номмо, напоминает след медной сандалии».

За Номмо по очереди покинули «корабль» остальные его обитатели. Когда «корабль» опустел, Амма втянул в небо цепь, поддерживавшую его, и небо закрылось. Началась земная жизнь.

Номмо погрузился в воды озера Дебо, откуда его заботливый глаз наблюдает за людьми, пока не придет условленный час его возрождения — «день слова». Наблюдать же за жизнью людей необходимо — ведь для того и прибыл раньше, чем Номмо, на Землю Ого, чтобы мешать им. Тут уж нужен глаз да глаз...

Новое время безжалостно отбросило мифы, как надоевшую игрушку. Оказывается, не все в преданиях старины было выдумкой. вспомните о Шлимане, откопавшем в строгом соответствии с мифом Трои; о преданиях полинезийцев, точно воспроизводящих историю народа. И вот уже люди наших дней старательно перелопачивают подернутые дымкой времени сказания, отыскивая в них рациональное зерно, память о доисторических временах. Возможно, такое зерно есть и в догонском мифе. Конечно, наивно полагать, что толчок развитию земной цивилизации дал визит кучки космических странников. В общем-то спорна сама возможность такого визита. Исследование мифов на «космическое зерно» открывает простор для смелых догадок, оригинальных гипотез. К сожалению, здесь много места и для подтасовок, и для шарлатанства... Видимо, еще не время однозначно оценить догонские предания. Может найтись и другая интерпретация, отличная от толкования Геррье. Что ж! Можно ведь обратиться к детальным и надежным записям Гриоля и Дитерлен. А может быть, другим исследователям удастся

еще больше «разговорить» догонских хранителей тайн? Что выяснится тогда? Оправдается ли «космическая версия» Геррье, или она сама окажется мифом, только уже XX века, ясно одно: в любом случае наши знания о прошлом человечества обогатятся.

И небольшой африканский зверек, бледная лиса, поможет в постижении истины...

ВЛАСТИТЕЛИ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ

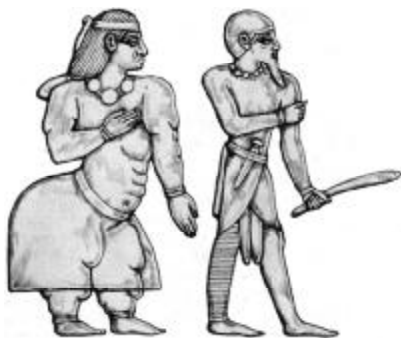
За четыреста лет до того, как Юлий Цезарь пересек Ла-Манш, группа юных искателей приключений — «отважные молодые люди», — как называет их Геродот, — «сыновья вождей» заключили с друзьями пари, что пересекут Сахару с севера на юг. Покинув родную Кирену, насамоны долго путешествовали к югу и западу. Миновав «область диких зверей» и преодолев пески — тогда Сахара была не на много снисходительнее к путешественникам, нежели теперь, — они наконец увидели в долине деревьев и начали собирать их плоды.

«В это время на них напали маленькие (ниже среднего роста) люди, схватили их и увели с собой. А языка этих людей насамоны не могли понять, и те, кто их вел, также не понимали речи насамонов. Юношей вели через обширные болота и наконец доставили в город, где все люди были так же малы, как и их вожаки, и (тоже) черного цвета. Мимо этого города протекает большая река, а течет она с запада на восток и в ней были видны крокодилы».

Такое самое раннее описание реки Нигер (а может быть, это была Комадугу, текущая на восток, впадая в озеро Чад?) достигло ушей Этеарха. Властитель аммониев, живший недалеко от современной Дерны, он, в свою очередь, рассказал об этом людям из Кирены, «которые повели с ним речь о Ниле, а именно о том, что истоки его никому не известны», и те уже поведали обо всем Геродоту. Это практически единственный отрывок, сохранившийся от того, что когда-то наверняка было ярким повествованием о путешествиях и контактах в пустыне.

Несколько высокоразвитых цивилизаций древности, возникших в долине Нила и на Ближнем Востоке, сыграли важную роль в развитии континентальной Африки, но трудно сказать, насколько важную. Основываясь на современных познаниях в этом вопросе, явно оставляющих желать лучшего, можно предположить, что эти цивилизации оказали гораздо более значительное влияние на соседей, чем считалось раньше. С людьми, жившими к югу и юго-западу от них, они контактировали часто, хотя и с перерывами в отношениях в течение значительного времени. Молодые насамонские храбрцы, возможно, путешествовали там, где никогда не бывали представители их собственного народа, но кажется вполне вероятным, что они следовали хорошо известным маршрутам. Его часто использовали прочие африканские народы и большинство гарамантов, живших к западу от них, на юге Триполитанского залива, там, где сегодня расположен Феццан. Археологические изыскания в этой области контактов между севером и югом находятся в настоящее время лишь в начальной стадии.

Эти исследования, тем не менее, основываются на надежной научной датировке событий истории Древнего Египта. Раскопки в Иерихоне за последние несколько лет показали, что оседлое земледелие в долине Иордана существует самое меньшее восемь тысяч лет. Жизнь забурлила в этом первом городе Земли еще в шестом или седьмом тысячелетии до н.э. Но выращивание растительных культур в хорошо увлажненной долине Нила, раскинувшейся неподалеку, очевидно, начало развиваться гораздо позже. Самая ранняя датировка, установленная в результате радиоуглеродных тестов, считающихся довольно надежными, показывает, что люди периода неолита селились и занимались земледелием вблизи обширных вод Фаюмского озера, обозначенного на современных картах всего лишь как «низина», в период между 4500 и 4000 годом до н.э. В эти и последующие годы земледелие стабильно развивалось на протяжении нескольких сотен километров вдоль берегов нижнего течения Нила. Эти землепашцы эпохи неолита — времени, предшествовавшего началу использования металлов — жили

Супруги-правители Пунта. Рельеф из храма Амона в Дейр-эль-Бахри, 1480 г. до н.э.

тысячи лет правили богоподобные фараоны. Этот процесс был постепенным и запутанным, и мы ничего не можем сказать наверняка. Точно известно лишь одно: первая династия фараонов началась вскоре после 3000 года до н.э. — спустя примерно пятнадцать столетий после того, как фаюмские крестьяне эпохи неолита начали свои долго растянувшиеся опыты с оседлым земледелием и примитивными ирригационными системами.

К началу четвертой династии, возможно, три столетия спустя (точные сроки не установлены), Египет был уже процветающим государством с развитой монархией, мощным управлением и цепкой хваткой во всем, что касалось новых путей обогащения. Несколько веков равномерного правления, во время которого осуществлялся централизованный контроль над ежегодными разливами Нила, потребовалось для создания мощной системы дамб и ирригационных каналов, поднявших Египет гораздо выше его неолитического уровня. Большие ежегодные урожаи пшеницы и ячменя — потомков тех дикорастущих трав, что когда-то были одомашнены азиатскими крестьянами и уже давно принесены в долину Нила, — под-

оседлыми группами. Они и подобные им достигли того, что еще никому не удавалось: придумали способ покончить с кочевым образом жизни: применили «перемещающийся тип» земледелия, основанный на постоянном использовании воды. К 3000 году до н.э. они уже запрягли быков в плуги и, вместо того чтобы мотыжить свои участки, начали распахивать поля.

Отсюда произошли династии Египта, централизованного государства, которым почти три

держивали рост населения, обеспечивая центральное правительство постоянными излишками продовольствия. Это развивало и стимулировало торговлю, давало средства для строительства пирамид и прочих памятников, которые Хеопс со своими преемниками начали строить около 2500 года до н.э. Началось великое время для Египта. Были осуществлены решающие преобразования.

Насколько далеко к югу и к западу распространяла свое влияние эта речная цивилизация? Существует вполне удовлетворительный ответ, хотя границы этой территории сейчас представляются несколько размытыми, так как мы имеем дело с периодом рисунчатых записей. Записи как таковые, к сожалению, относятся только к южному направлению, возможно, из-за того, что власть вдоль побережья Нила распространялась лишь на юг, и только там она могла закрепиться и открыть новые источники богатства. Берега Среднего Нила и соседние земли были тогда плодородными, а климат — умеренным. Даже в период Среднего царства, после 2000 года до н.э, жители нижней Нубии (народы так называемой группы С, жившие на территории современного Судана), пасли большие стада скота на землях, столь засушливых теперь.

Ранние египетские правители направляли свои взгляды на юг, стремясь завоевать новые земли. История их южных экспедиций идет рука об руку с их общей историей и историей их потомков. Возникнув на стыке культур Африки и Азии, династический Египет всегда сохранял связь со своими южными соседями.

Так же существовали длительные отношения с ливийскими скотоводческими племенами, жившими в саваннах к западу от Нила, где сейчас простирается мрачная Сахара, но эта связь никогда не была прочной. Краткие записи, сохранившиеся с той поры, носят случайный характер и связаны с военными действиями. То немногое, что можно из них узнать, относится к результатам археологических раскопок на месте ливийских и карфагенских поселений вдоль северного побережья Африки и ливийских поселений на территории Сахары. Одно из самых интересных открытий Анри Лота, сделанное им посреди скал и глубоких ущелий плато Тассили в

центральной Сахаре, свидетельствует о египетском влиянии в этом отдаленном и заброшенном месте. (Об этом мы уже рассказывали в нашей книге.) За шестнадцать месяцев работы в жаре и холоде среди этих скал он и его коллеги обнаружили множество наскальных рисунков, в которых ясно просматривается египетский антропологический тип. Они даже обнаружили в этом безводном месте пять изображений египетских лодок.

Западные контакты в отличие от южных оставили после себя записи о завоеваниях, а не о поселениях. Скорее всего, это фрагменты рукописей, посвященных факту, что ливийцы, воевавшие с Египтом, видели и слышали о жизни на Ниле. Нет свидетельств того, что египетские экспедиции когда-либо достигали плато Тассили, но нет и доказательств, что они этого не делали. Про события этой далекой истории, столь мало знакомой нам, немного можно сказать наверняка. Всего несколько лет тому назад отрицалось, что в древней Сахаре когда-либо были колесные транспортные средства. Сейчас доказано, что наскальные изображения лошадей и двухколесных колесниц существуют на противоположной Феццану стороне пустыни, к северу, в скалах, чьи юго-западные склоны спускаются прямо к Нигеру. Более того, эти запряженные лошадьми колесницы иногда нарисованы не в египетской манере, а в позе «летающего галопа», как это было принято на древнем Крите, и Лот предполагает, что те же самые «народы моря», прибывшие с Крита и соседних с ним островов, захватившие Египет около 1200 года до н.э., передали свои навыки езды на колесницах ливийцам, с которыми были знакомы. Впрочем, мы начинаем повторяться...

Существует много доказательств того, что египетские экспедиции отправлялись далеко вверх по течению Нила и путешествовали вдоль южного побережья Красного моря. Оставшиеся рукописи весьма многочисленны, интересны и полны разнообразных полезных подробностей. Египетские торговцы и солдаты часто достигали Пунта и Куша — на их месте сейчас расположены Эфиопия, Сомали и Судан. Возможно, в своих путешествиях они заходили еще

дальше и достигали берегов озера Чад, лесов Конго и нагорий Уганды. Если так, то они не оставили после себя ни слова, ни знака, говоривших об этом. Несмотря на всю смелость египетских предприятий, их прямое влияние не простиралось дальше нижних и средних долин Нила. Главными распространителями верований, идей и изобретений являлись не сами египтяне, а народы Куша и Северной Африки.

Но эти южные экспедиции оставили глубокий след в истории. Египтяне с поразительной настойчивостью, упрямством, инициативностью и сноровкой отправлялись на юг, где торговали, вели войны, обращали людей в рабство и возвращались домой спустя долгие месяцы, чтобы поведать о более или менее удивительных вещах. Основатель пятой династии (около 2500 г. до н.э.), Усеркаф, победно нацарапал свое имя на скалах, окружавших первый из порогов неподалеку от современного Асуана, в шестистах километрах южнее дельты. Следующий фараон, Сахура, послал корабли по Красному морю к стране Пунт, оставив после себя самое раннее известное сообщение о непосредственном контакте с той далекой землей, хотя еще у сына Хеопса был раб из Пунта. Эти корабли Сахуры возвратились с запасами мирры и эбенового дерева, а также металла — по всей вероятности, электрума, — природного сплава золота и серебра. Еще одна экспедиция пятой династии отправилась в Пунт под предводительством Бурдеда, царского казначея. Среди предметов, привезенных ими домой, был «карлик», похожий на предков пигмеев Центральной Африки, живших тогда, по всей видимости, гораздо севернее, нежели сейчас.

Фараоны шестой династии (около 2423—2242 гг. до н.э.) упрочили эти торговые связи путем прямых завоеваний. Пепи I имел такое влияние на Нубию — страну, расположенную за первым порогом, к югу от Асуана, — что властным представителям южной египетской знати удалось силой завербовать большое число чернокожих в армию фараона. Само собой разумеется, этих наемников использовали в основном не в их родной стране, а в Северном Египте. Спустя века этому примеру следовали многие завоеватели, ис-

пользуя новобранцев из покоренного народа. К тому времени путешественники уже научились переправлять корабли через камни первого порога, и связи множились. Меренра, предпоследний фараон шестой династии, решил, что стоит проделать этот путь самому, и рельеф на скалах водопада изображает его облокотившимся на посох, в то время как нубийские (скорее всего) старейшины смиренно склоняются перед ним.

Шестая династия фараонов была достаточно сильной, чтобы держать под контролем своих северных вассалов. Меренра использовал их для распространения своей власти на юг. Он назначил Харкуфа, который и без того был правителем земель, лежащих близ первого порога, управляющим юга. И Харкуф и прочие местные властители стали первыми известными предшественниками длинной череды имперских первопроходцев, проникавших в глубь материковой Африки. Годами горячо обсуждались их подвиги. Четыре раза Харкуф «спускался» в дальнюю страну Ям, возвращаясь через семь-восемь месяцев во главе караванов, состоявших из ослов, груженных награбленным добром, и солдат, что их охраняли.

Новый управляющий, возможно, достигал болот Верхнего Нила или даже холмов Дарфура. В любом случае он, должно быть, заходил далеко за южную границу земель, превратившихся к нашему времени в пустыню. Обрато привозилось эбеновое дерево, слоновая кость, ладан и «разные хорошие вещи». Возвратившись в четвертый раз, он доставил с собой «карлика» из «Страны духов» — «Земли Бога», которую древние египтяне помещали в своих фантазиях к западу от Нила и которая имела для них мистическое значение, связанное с их собственным происхождением. Благодарственное письмо фараона по поводу этого карлика сохранилось практически нетронутым на стене гробницы, приготовленной для себя Харкуфом. Это единственное полноценное письмо, дошедшее до нас из эпохи Древнего царства.

«Немедленно отправляйся на север, ко двору, — приказывает благодарный фараон, — ты должен привезти с собой этого карлика живым, целым и невредимым из страны духов для божественных

танцев, дабы он радовал и веселил сердце царя Верхнего и Нижнего Египта, Неферкера, чья жизнь бесконечна».

«Когда он поднимется с тобой на корабль, отправляющийся по Нилу в Египет, назначь хороших людей, что будут окружать его на судне со всех сторон. Смотри, чтобы он не упал в воду. Когда он будет спать ночью, назначь хороших людей, чтобы они спали рядом с ним в шатре. Проверь их десять раз за ночь. Мое величество желает увидеть этого карлика больше, чем все дары Синая и Пунта».

Эти экспедиции были редкими, дорогостоящими и сложными. Египетское влияние прочно закрепилось на землях за первым порогом не раньше начала Среднего царства, около 2000 года до н.э. Южные завоевания возобновились после длительного периода раздробленности, закончившегося с приходом к власти одиннадцатой династии, а могущественные фараоны двенадцатой династии, основанной около 2000 г. до н.э., продолжили начатое. Связь с Пунтом была восстановлена во время царствования Аменемхата II, второго фараона двенадцатой династии, и развивалась при Сесострисе II. У второго порога были построены укрепления вблизи современной Вади-Хальфы, граница пролегла также в Семне, где были расположены три крепости.

Египет мог бы распространять свое влияние дальше на юг, но в 1700 году до н.э. или около того на эти земли вторглись гиксосские захватчики, и дальнейшие завоевания возобновились только с подъемом восемнадцатой династии, положившей начало великому импер-

Нубийская танцовщица с традиционными серебряными украшениями и ритуальными шрамами на руках

скому периоду в истории Древнего Египта. Затем Тутмос I, третий фараон этой династии триумфаторов, около 1525 года до н.э. повел армию на юг и наконец достиг плодоносных вод Нила, текущего из Донголы. Он стоял, по выражению Бристеда, «у северных врат провинции Донголы, великого сада Верхнего Нила, через который протекали триста километров непрерывной реки». На это указывает и его надпись в Тумбусе, около северного колена Донголы.

Бриsted писал об этом более полувека назад. С тех пор мы узнали, что Тутмос отправился по Донгольскому разливу вверх, к четвертому порогу, и перешел через него, достигнув в итоге Кургуса, где начертал пограничную надпись, до сих пор не расшифрованную. Кургус находился менее чем в четырехстах пятидесяти километрах от места, ставшего впоследствии столицей Куша Мероэ. Он или его дозорные, возможно, продвинулись еще дальше. Аркелл предполагает, что позднейшая столица Мероэ началась с простых пограничных укреплений восемнадцатой династии, хотя установить, насколько это предположение соответствует истине, можно будет только после тщательных раскопок на территории Мероэ.

После смерти Тутмоса I кушиты Донголы подняли восстание против египетского господства, так же как и их северные соседи по «группе С», но эти волнения были подавлены. За ними последовал долгий промежуток более-менее мирных отношений с Египтом. Позднее были созданы самые впечатляющие и поучительные из всех рельефов и надписей, когда-либо рассказывавших об отваге, проявленной египтянами далеко на юге: большая серия огромных рельефов в храме Дейр-эль-Бахри напротив Луксора, повествующая на трех стенах об экспедиции царицы Хатшепсут «к мировым террасам» страны Пунт.

Эти рельефы реалистичны и производят сильное впечатление. Первая сцена изображает пять кораблей, готовящихся к плаванию по Красному морю. Три из них уже подняли паруса, и у одного на корме начертан наказ кормчего — «Плыть в порт». Затем они выходят в море, «мирно отплывая в страну Пунт», куда и прибывают в сохранности, встречаемые владыкой местных жителей Переху.

Его сопровождает жена, отличающаяся необъятными размерами талии, рук и ног. За правящей четой из Пунта, тремя их детьми и тремя слугами, ведущими «осла, который везет жену», среди деревьев показываются пунтийские дома на сваях. Согласно подписи, правитель Пунта чрезвычайно почителен, и все местные старейшины, изображенные чуть поодаль, говорят: «Послушайте, как постичь нам все величие царя Египта, дабы жить, радуясь благам, даруемым его дыханием?»

Каким бы ни было это почтение на деле — в конце концов, Пунт был чрезвычайно далек от писцов и художников царицы Хатшепсут, — экспедицию объявили очень удачной. Еще на одном рельефе изображено, как корабли загружают в обратный путь «чудесами страны Пунт: благоухающими деревьями Земли Бога, мирровой смолой, свежими мирровыми деревьями, эбеновым деревом и слоновой костью, зеленым золотом Эму, коричневым деревом... ладаном... косметикой для глаз, обезьянами и мартышками, и шкурами южной пантеры, пунтийцами и их детьми».

Фараоны никогда не завоевывали Пунт, но его часто посещали их корабли и купцы. Последовав примеру царицы Хатшепсут, Тутмос III в XV веке до н.э. производит опись товаров, привезенных оттуда в основном морем, но, возможно, и по суше, и упоминает золото и рабов, которым было суждено вписать черные страницы в историю столь многих африканских стран. За один год фараону доставили из Пунта 134 раба, наряду со слоновой костью, эбеновым деревом, золотом и скотом, тогда как общая дань нубийских земель составила более шестидесяти килограммов одного только драгоценного металла, помимо уже знакомых нам рабов, скота, эбенового дерева, слоновой кости.

Торговля с Пунтом и влияние на Куш продлились, по меньшей мере, до правления Рамзеса II (ок. 1292—1225 гг. до н.э.), сильнейшего представителя девятнадцатой династии. После этого наступил долгий период египетского упадка. С Пунтом начали торговать другие. Пять веков спустя правители Куша поменялись ролями с прежними завоевателями и в свою очередь быстро покорили их.

Болота в районе Верхнего Нила — недостижимый, загадочный район для европейских путешественников

Начиналась цивилизация Куша — царств Напаты и Мероэ. Она продлилась тысячу лет и распространила свое окультуривающее влияние далеко к югу и западу.

Египет, Ливия, Куш

Таков, в общих чертах, обзор египетских контактов с Черной Африкой. Несмотря на свою продолжительность, их связи не выходили за относительно узкие рамки. Это происходило, когда земли к югу и западу постепенно высыхали, теряя свое плодородие и становясь все более труднопроходимыми для путешественников. Если к югу уже тогда население увеличивалось — а мы не можем сказать наверняка, так как еще мало знакомы с историей оседлого земледелия, — то поток переселенцев переместился с обрабатываемых земель Нила, на юг и запад в центр континента.

Плоды древних цивилизаций Нила, Среднего Востока и Средиземноморья могли быть распространены в материковой Африке другими носителями. С двадцать второй династии, берущей свое начало в 950 году до н.э., и вплоть до периода египетского упадка существовало три новых развивающихся центра, и каждый из них действовал в качестве мощного проводника культуры.

Первым центром была южная страна Куш, которая какое-то время в VIII веке до н.э. слыла мировой державой и на протяжении многих веков оставалась очень сильным государством. В определенном смысле она была самой африканской из всех великих цивилизаций древности.

Второй древней культурой, чьи идеи, верования и технические открытия были тесно связаны с глубинными районами Африки, был Карфаген, а также ливийско-берберские государства, связанные с Карфагеном и частично от него происходившие.

Третья точка развития цивилизации и ирригации находилась на южной оконечности Аравийского полуострова, ее «земли ладана» стали современными Йеменом и Гадрамаутом (плато на территории Йемена). Отсюда, двигаясь на север в начале X века до н.э., царица Савская прибыла к Соломону «с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценных камней». И отсюда же, двигаясь одновременно на юг, войска сабейцев остановились и осели на высокогорьях современной Эфиопии.

Каждая из этих цивилизаций многое привнесла в верования и знания своих южных соседей — так же, как сами эти южные соседи, в свою очередь, дали взамен многое, что в дальнейшем сделало их отличительными особенностями. Египет после 3000 г. до н.э., Карфаген, Куш и Южная Аравия после 1000 года до н.э. распространяли свое влияние на юг и юго-запад, и решающие преобразования в материковой Африке — открытие и развитие земледелия, использование металлов, идеи и верования, согласно которым люди строили свою жизнь, — неотделимы от их влияния, связей и взаимоотношений.

Длительные и запутанные, эти контакты трудно отличить одни от других. Некоторые авторитетные источники придерживаются мнения, что исключительно важное искусство литья металла попало на юг через жителей Ливии, позаимствовавших его у Карфагена и стран средиземноморского побережья. Другие уверены, что оно попало на юг через Куш и Мероэ — места, которые Сайс, археолог, проводивший работы полвека тому назад, назвал «Бирмингемом древней Африки». Возможно, обе точки зрения правильны, так же как и то, что южане сами сделали это открытие.

Таким образом, цивилизация, ставшая матерью современного мира, зародилась в речных долинах Месопотамии и Египта, ее истоки были в той же мере африканскими, как и азиатскими. Спустя две тысячи лет мир античности передал свои идеи и открытия другим странам и народам. В долгий бронзовый век минойцы, ионийцы и хетты, в свою очередь, отдали собственные познания южной Европе. Финикийцы поделились теми же знаниями с Северной Африкой, а Египет передал их Кушу. Прочие же основали цивилизации бронзового века в Индии и Китае.

Эти волны выплескивались на новые земли повсюду. Что можно сказать об их влиянии на черную Африку?

Мероэ

Руины древнего города Мероэ принадлежат к величайшим памятникам древности, чья история составляет важную часть развития человечества. Но, несмотря на заявления об интересе со стороны их потомков, о жизни Мероэ и соседних городов Куша сейчас известно не больше, чем двадцать четыре века тому назад, когда Геродот спрашивал о ней жрецов Элефанта, мало что узнав в результате своих изысканий.

Эти руины расположены примерно в полутора сотнях километров вниз по Нилу от современного Хартума, вблизи расположенного у реки городка Шенди. Благодаря очертаниям царских пирамид их видно издалека. Между развалинами и Нилом, за песчаной по-

лосой шириной около трех километров на поверхности земли высятся длинные приземистые насыпи, расположенные там, где когда-то процветал Мероэ. Рядом железная дорога, уходящая на север между двумя черными сверкающими галечными насыпями в шесть метров высотой — из подобного лаве шлака, оставшегося от давно остывших плавильных печей.

Археологам еще предстоит отыскать возможности, то есть деньги, для раскопок на этой огромной территории, сейчас же изучена лишь одна десятая часть Куша. Тут, посреди пологих засушливых холмов шестого нильского порога, расположен практически нетронутый археологический участок, богатейший из оставшихся в Африке, а возможно, и во всем мире.

В Мероэ и местах неподалеку стоят одинокие развалины дворцов и храмов, созданных цивилизацией, процветавшей более двух тысяч лет назад, в то время как вокруг, еще не тронутые лопатой, расположены городские курганы, где лежат те, кто построил их и жил

Каменные львы до сих пор сторожат южные границы фараонов

в их тени. Несколько часов наблюдений могут одарить интересными находками — реликвиями тех далеких времен: стелой из блестящего базальта, на которой высечены надписи, — их можно прочесть, но невозможно понять; кусками белой штукатурки, когда-то покрывавшей эти сияющие крепости и храмы; керамическими осколками; камнями, на которых еще сохранились яркие украшения. Тут и там гранитные овны Амон-Ра, бога солнца, согнулись подобно негодующим сфинксам на охристом песке, перекатываемом ветром.

Раскопками в Мероэ занимались Рейснер, Гриффит, Гарстанг и два-три других исследователя. Первым двоим мы обязаны относительно полными знаниями об именах царей и цариц, что практически беспрерывно правили целую тысячу лет до 200 года н.э. Территория Храма Солнца расчищена от обломков и каменной крошки, и теперь не составляет труда представить его основную структуру, в таком же состоянии находятся несколько других зданий, среди них — банный домик, построенный по римскому образцу. Все пирамиды, расположенные на пологих склонах за городом, давно вскрыты расхитителями, которые знали или же нашли дорогу в извилистых коридорах, что вели в гробницы, расположенные в глубине прямо под вершиной пирамиды. В последние пятьдесят лет сюда добрались и археологи. Но остальное — мучительная тишина.

В 1958 году глава отдела реликвий древности правительства Судана, знаменитый французский египтолог Жан Веркуттер заканчивал работу над предварительным списком важных мест на территории бывшего Мероэ. К неудовольствию министерства финансов, насчитал их около двух сотен, в то время как команда из Берлинского университета им. Гумбольдта, возглавляемая профессором Хинтце, одним из признанных мировых специалистов по мероитским надписям, все искала и находила новые интересные места, дабы пополнить окончательный список. Хинтце с коллегами добывали дополнительную информацию уже при помощи простых лопат.

Некоторые из этих мест весьма обширны, а одно-два и вовсе можно назвать гигантскими. Храмовые сооружения возвышаются над песками Бутана, словно они только вчера случайно оставлены тут.

Ветры пустыни не дали всепроницающему песку, скрывшему под собой города, лежащие рядом, окутать и их. В трехстах километрах в сторону от Мероэ, вдоль затерянной дороги из Вад-бен- Нага, древнего порта на Ниле, чуть выше современного Шенди, находятся засыпанные песком руины Мусавварат-эс-Сафры. Дворец или храм, а может быть, и первое и второе разом — резиденция бога-царя или богини-царицы, раскинувшаяся в беспорядочном великолепии в напоминающей большую арену низине, окруженной холмами. Былое плодородие — результат умелого орошения — уже давно иссякло, и Мусавварат, подобно другим похожим городам, теперь изобилует лишь песком. Но в те времена, когда он только строился, с начала первого столетия до н.э. и до конца первого века н.э., мало какой город мог сравниться с ним в красоте и величии.

От той поры остались одни фундаменты и стены, которые благодаря искусной кладке и сейчас возвышаются на полтора метра, да два десятка колонн с отколотыми вершинами. Это место расположено внутри большого амфитеатра, образованного склонами холмов. Во времена, когда существовали оросительные системы и выпадало чуть больше осадков, тут, вероятно, все выглядело намного веселее. Посреди изящных террас прогуливались люди, любясь зелеными полями и одетыми в деревья холмами. И сюда, в это место, теперь навсегда потерянное и забытое, съезжались торговцы и послы Востока, Средиземноморья и Африки, привозя товары и выражая почтение в надежде извлечь из этого выгоду.

Не будучи египтянами, боги-цари и богини-царицы Мусавварата научились у них любви к роскоши и удобствам. Их владычество было государственным правлением бронзового века — образованным, иерархическим и не испытывающим недостатка в рабах и царских богатствах. Последние уходили на строение огромных памятников. владыками Мусавварата, как можно подозревать, прочно укрепившимся в своих древних традициях. Вокруг центрального дворца расположены развалины и насыпи, на месте которых когда-то трудились царские слуги, жрецы государственного культа, находились конюшни и торговые лавки. Искусно сделанные скаты и стены

окружают длинный комплекс центральных зданий, изобилующих колоннами. Изобретательно спроектированные строения были закрыты от солнечных лучей и являлись местом досуга в век, когда осуществлялся переход от древнего камня и бронзы к железу — период, ставший закатом Древнего мира, который, наверное, и сам страдал от приступов меланхолии, предчувствуя перемены и нависшие над ним перевороты...

Много веков отдалили цариц, правивших в Мусавварате — Аманирену, Аманишактете, Налдамаку, Аманитере, от основателей их династии, так же как королева Виктория была отдалена от Гарольда Саксонского. Но во времена расцвета Мусаввараты уже близок был конец кушитского величия.

Триумф Куша

Куш был африканской цивилизацией, многое позаимствовавшей у внешнего мира. В трестах пятидесяти километрах от Мусавварата высятся храмы Нага, наиболее сохранившиеся из всех руин того же периода. Тут, в Нага, на задней стене Львиного храма был высечен четырехрукий трехглавый лев-бог, возможно, отдаленно связанный с индийскими или карфагенскими культурами, а может быть, с той древнейшей Африкой, что «даровала Египту богов». В полусотне шагов, вполне вероятно, в то же время жители Нага построили еще один, малый храм. Археологи осторожно назвали его «беседкой» — в своем беспорядочном смешении стилей он ужасен, но в нем заметен римский прототип.

Кроме этих святилищ, чьи одинокие силуэты оживляют пустынную линию горизонта, свой вклад в историю цивилизации, что по всей вероятности была явным африканским синтезом идей, позднее распространившихся во всем мире, вносят и другие здания. Всякий, кто пройдет по Хартуму и не поленится подняться по ступеням на первый этаж музея, увидит, к примеру, металлический горшочек — по форме определенно китайский. Около тысячи лет эта суданская цивилизация Среднего и Верхнего Нила была основным африканским

центром обмена стилями мышления, верованиями и товарами.

Древний мир не сомневался в значимости Куша. В конце концов, именно кушитского сановника встретил и окрестил «на дороге, идущей из Иерусалима в Газу», апостол Филипп тогда, когда распятие было еще делом недавнего прошлого, — это обращение в веру было с триумфом вписано в Деяния Апостолов. «И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Эфиопской», — одной из тех богоподобных цариц, что правили Кушем из защищенного колоннами мира Мусавварата-эс-Сафры — «хранитель всех сокровищ ее, приехавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию».

Придворный-христианин в Мусавварате-эс-Сафре? Записи безмолвствуют. Они или потеряны, или еще скрыты под песками пустыни.

Примерно за шестьдесят лет до этого Куш нарушил римское спокойствие в Египте. Кушитские войска совершили набег на острова Филэ и Элефантину на южной границе, установленной Августом, и одержали победу над тремя наемными когортами, размещенными здесь для защиты приграничных территорий. Египетский наместник Петроний привел туда десять тысяч пехотинцев и восемь сотен конников, чтобы восстановить свою власть в регионе. Они преследовали кушитов к югу до их прежней столицы Напаты, расположенной в верховьях донгольского разлива, захватили и раз-

Бронзовая статуя правителя Куша

рушили этот город. Несмотря на то что Петронию не удалось схватить предводителя кушитов, он освободил пленных римлян и обнаружил статуи Августа, увезенные налетчиками. Спустя 1940 лет, проводя раскопки в полу одного из мероитских дворцов, Гарстанг нашел предмет, не замеченный Петронием, — блестящую бронзовую голову Августа, которая, благодаря еще одному повороту истории, сейчас находится в Британском музее.

Никто не может сказать, какие другие произведения искусства и простые предметы быта ждут своего обнаружения в нетронутых курганах и подвалах храмов Мероз, Мусавварата, Нага и подобных им городов, поскольку никто и не пробовал их искать. В качестве участка археологических исследований Куш пострадал от соседства с богатым Египтом, чьи неисчерпаемые гробницы и храмы дарят и дарят исследователям море информации о далеком прошлом. К тому же — важное обстоятельство, учитывая необходимость финансирования работ, — египетские находки всегда были желанными экспонатами мировых музеев.

Главной частью наших знаний о Куше мы обязаны не Рейснеру и не Гриффиту. Они методически раскапывали царские гробницы в Напате и Мероз, и, несмотря на то что Рейснер также не смог опубликовать записи о раскопках, которые он вел со всей тщательностью, их сейчас публикует за него профессор Доус Данхэм. Прочие достойно потрудились в этой области, и о непрестанном интересе британских исследователей в Куше во времена англо-египетского совместного владения говорит тот факт, что первая статья нового выпуска «Суданских отчетов и записок», опубликованного в 1918 году, была написана самим Рейснером и посвящалась обзору перечней царей Куша, а доктор А.Д. Аркелл, бывший специальный уполномоченный по делам древностей правительства английского Судана, позднее написал лучший из существующих обзоров.

Но денег не хватало. Был изучен лишь поверхностный слой почвы. Удалось обследовать только царские гробницы — по всеобщему признанию, наиболее привлекательный и самый значимый с исторической точки зрения участок раскопок. Единственное, что мож-

но сказать наверняка, исходя из общих черт кушитского расцвета и упадка, — то, что эта цивилизация сыграла значительную роль в социальном развитии не только самого Судана, но и в росте и распространении прогрессивных идей и технологий в юго-восточном направлении по большей части Африки. В будущем откроются пути к лучшему пониманию прошлого Африканского континента, и возможно, многие из ключей будут найдены именно в Мероз.

Общие исторические сведения довольно скудны. Государство Куш возникло в период упадка могущественного Египта. Уже к 800 году до н.э., или чуть позднее, египетские фараоны, оказавшись в затруднительном положении, очевидно, допустили если не закрепленную официально, то, по крайней мере, фактическую независимость этого государства, растущего у их южной границы. Управляемое из Напаты, расположенной за четвертым порогом, где начинался приток Донголы, оно впитало многое из египетского опыта. Тутмос I побывал там еще в 1525 году до н.э., к 800 же году до н.э. Напата уже давно являлась знаменитым центром поклонения Амону, богу Солнца, которого символизировал овен. Некоторые источники утверждают, что кушитскую правящую династию поддерживали в ее стремлении к независимости египетские жрецы-сектанты, принадлежавшие к этому распространенному тогда культу. Существовало много примеров «южного инакомыслия» с тех пор, как египетские «властители юга» правили из Асуана. Затем Кашта, первый «великий правитель» Куша, осуществил завоевание самого Египта, и Пианхи, его сын, завершил начатое отцом вторжение около 725 года до н.э. Управляя территорией от Средиземноморья до границ современной Эфиопии и, как нам известно, Уганды, эти правители дали Египту его двадцать пятую, или «эфиопскую» династию и на какое-то время превратили Куш в мировую державу.

В 666 году до н.э. произошла еще одна значительная перемена. В Нижний Египет вторглись ассирийцы. Кушитами, чье оружие, так же как и египетское, делалось из камня и бронзы, вооруженная железными мечами армия нанесла сокрушительное поражение, и они отступили к югу, сохранив, однако, свою независимость. Где-то

в 530 году до н.э. — по поводу даты существуют разногласия, но большинство современных ученых придерживаются именно этого числа, — возможно, по ряду экономических причин кушиты перенесли столицу из Напаты в Мероэ, на несколько сотен километров южнее. Основное доказательство правильности указанной датировки, как это ни странно, основывается на числе похороненных цариц. До конца правления Маленкена (553—538 гг. до н.э.) среднее число их, погребенных за одно правление — как стало известно в ходе раскопок в царских гробницах и пирамидах в Курру и Нури близ Напаты, — равнялось четырем, позднее это среднее арифметическое снизилось до 1,5 за одно царствование. Таким образом, предполагается, что значимость Мероэ, расположенного гораздо выше по Нилу, стабильно росла после 538 года до н.э., но «центр тяжести» Кушитского государства постепенно смещался к югу, и цариц стали хоронить не только в Напате, но и в Мероэ.

Причины этого сдвига и усиления африканского влияния еще до конца не изучены. Возможно, они были климатического и экономического характера: многочисленному царскому двору, который было очень тяжело содержать, требовалось больше пищи, чем могла предоставить Напата: там уже чувствовалась иссушающая хватка пустыни. Может быть, они были географическими и экономическими, ведь Мероэ располагался ближе к караванным маршрутам, пролегавшим вдоль реки Атбары, ведущей к Абиссинскому высокогорью, а оттуда к западным портам Индийского океана. Там Куш также считался проверенным и богатым государством — торговым партнером. Более того, Мероэ становился центром выплавки и производства железа, что должно было увеличить его притягательность. Возможно, причины для перемещения к югу оказались и чисто династического и социального плана: по словам Аркелла, «было принято, чтобы цари выбирали жен из мероитской аристократии, и, естественно, эти царицы предпочитали быть похороненными в родной земле». В любом случае, Мероэ стал столицей Куша примерно за пять веков до рождения Христа и сохранял этот статус еще три века после него. Его кладбищам, царским и прочим еще предстоит познакомить нас с более чем тысячелетней историей.

История уже приближается к своему завершению. В первом тысячелетии до н.э. народы высокоразвитой, в том числе и с технической точки зрения, южной оконечности Аравийского полуострова — те, что в X веке послали царицу Савскую к Соломону и монополизировали морскую торговлю на африканском и аравийском побережьях Индийского океана, — укрепились на территории современного севера Эфиопии. Позднее на пути старинных караванных маршрутов, соединявших Куш с океанскими портами, встало могущественное государство со столицей в Аксуме. Начались войны, и Куш был разгромлен, скорее всего около 300 года до н.э.

С этого времени записи становятся скудными, а затем и вовсе исчезают. Лишенное независимости и зажатое между враждебным Египтом и соперничающим Аксумом, Мероитское государство погружается в молчание и вскоре забывается. Его последние правители погребены без почестей под маленькими неказистыми пирамидами, что не выше тех каменных домиков, которые во время раскопок построил для себя поблизости Рейснер, а некоторые даже ниже. Все, что осталось от Куша, вновь превращалось в пустыню, в нечто совершенно не похожее на него — христианские государства Нубии — или же пребывало в страшном запустении. Тут и там археологические сведения, до боли ничтожные, говорят о том, что кушитская правящая династия могла бежать или мигрировать на запад, и следы их передвижения могли простираться далеко за пределы Кордофана, достигая Дарфура.

Но Куш оставил после себя внушительное наследство. Несколько сотен лет спустя, в силу угасания и исчезновения ранней торговли, миграции и «культурного сдвига», народ сао с озера Чад, живший в 3200 километрах к западу, владел литьем в бронзе, используя способ «выплавляемого воска» (литье по выплавляемым восковым моделям), с которым были знакомы народы Нила. Тот факт, что легенды Чада даже сейчас помнят, что люди сао были «великанами, наделенными страшной силой», — пришельцами высокого роста, какими могли быть уроженцы Нильской области Судана, не

может не волновать воображение историков-романтиков. К западу от нигерийских йоруба другие народы Западной Африки почитали своих «богоподобных царей», и культ солнца и овна мог превратиться в широко распространенную африканскую религию.

Какими бы ни были настоящие пути распространения этих идей — они все же могли изначально прийти из Западной или Центральной Африки, — не будет преувеличением сказать, что история большей части черной Африки неотделима от истории Куша. Это главный довод в пользу того, что раскопки в Мероэ и связанных с ней местах должны получить необходимое финансирование — не говоря уже о том значительном месте, которое он занимает в истории Судана. Если столица Куша Мероэ была и не единственной родиной железного века в Африке южнее Сахары, то уж точно она была одной из них, и возможно, самой главной.

Афины в Африке?

Согласно общепринятому мнению, железо в качестве полезного металла было открыто около 1500 года до н.э. в Азии в регионе между Кавказом и тем, что сейчас называют Малой Азией. К 1300 году до н.э. добыча и обработка руды стали важным занятием у хеттов, живших на территории современной Анатолии, к тому времени это полезное ископаемое было известно и у ассирийцев. Жители сирийского побережья были знакомы с некоторыми способами применения железа уже спустя примерно два века, и несомненно, из Сирии познания о выработке руды распространились дальше на запад в Египет и Карфаген, а также другие развивающиеся центры древней средиземноморской цивилизации. Преимущество этого металла по сравнению с бронзой лежало в основе побед ассирийских царей Ниневии. Ибо истину сказал поэт об ассирийских когортах, что, завоеывая Иерусалим, «сверкали златом и пурпуром», и именно железо позволило им одержать победу над врагом. Оружие помогло Саргону и Сеннакерибу продвигать свои армии на юг, подарило Ассаргадону победу над египтянами и позднее

позволило Ашшурбанипалу захватить Фивы и покончить с кушитским владычеством в нижнем Египте.

Все дело в том, что в Египте железо встречалось редко. Годы упадка бронзового века остановили новые завоевания. Куш, последовав примеру Египта, пострадал от этого, так как, несмотря на то что в Куше были залежи железа, так же как и деревья, которые можно было сжечь и получить таким образом уголь, кушиты не выработывали его в каком-либо значительном объеме до последних столетий дохристианской эры. Так что мрачные сокровища в царских гробницах Напаты, Курру и Нури не содержат железных предметов вплоть до захоронения Нарсиофета приблизительно в 362 году до н.э. Геродот, сделавший запись о Куше приблизительно в 430 году до н.э., заявлял, что «самым редким и драгоценным металлом в Эфиопии является бронза» — до такой степени, что заключенных «держат на золотых цепях», — и упоминал, что кушиты (которых он называл эфиопами, как все греческие античные авторы) использовали оружие с каменными наконечниками. Поэтому, несмотря на то что железные изделия могли встречаться в Куше и до правления Харсиотефа, они должны были быть очень редкими.

Но после возвышения Мероэ, пишет Вейнрайт, произошла поразительная перемена. Широкомасштабная выплавка металла началась в Мероэ уже к середине этого первого века до н.э. или даже раньше. А Сайс, который занимался Мероэ около полувека тому назад, говорит, что горы железного шлака покрывают городские насыпи с севера и востока, и в ходе раскопок были обнаружены топки, в которых плавил железо, отливая из него инструменты и оружие. Таким образом, ко времени постройки Мусавварата Мероэ был крупнейшим железоплавильным центром Африки южнее средиземноморского побережья. Можно не без оснований предположить, что продукты этого производства медленно и верно проникали в страны запада и юга. В этом жизненно важном распространении технологии производства железа Куш стал для южных районов Африки тем, чем стали несколькими веками раньше средиземноморские цивилизации для Северной Европы.

Те, кто пришел на место мероитов и жил вдоль среднего течения Нила, обитали уже в железном веке. Этот загадочный оседлый народ, возможно, нуба или беджа, сейчас известные в археологии под осторожным безликим названием «Х-группа», даже мастерил табуретки из железа. Их роскошные драгоценности, яркие ожерелья из белого и черного кварца и красного сердолика принадлежат их собственной традиции. После «Х-группы» и одновременно с ней пришли «нубийцы» — скорее всего суданцы средневековых христианских государств Судана. Эти изумительные островки христианства сохранялись с шестого по четырнадцатый век и достигли высокого уровня стабильности и материального прогресса. Исламские захватчики не могли окончательно завоевать их вплоть до шестнадцатого века. Несколько фресок и кирпичных церквей африканского христианства, разрушенных там, где Эфиопия, благодаря своим горам, устояла, сохранились и являются единственными памятниками той поры.

Мероз и его культура по-прежнему остаются загадкой, скрываясь за последовавшими переменами. Употребление слова «тайна» оправдывает вовсе не сомнение в том, что там действительно существовала и процветала в течение многих веков великая цивилизация, а саму природу этой цивилизации — ее быт, связи с внешним миром, особый африканский синтез многих неафриканских идей, сочетание этих идей с исконно африканскими и, в конце концов, ее несомненную значимость для тропических и субтропических земель к югу и юго-западу.

К этому можно добавить еще на удивление немного. Иероглифическое письмо Мероз может быть прочитано, но не понято. Особенности его повседневной жизни можно предположить по горсти предметов — в основном из царских гробниц, так как прочие не подвергались систематическому изучению, хотя это своеобразно росло и менялось в течение тысячелетий оседлости и технических изобретений. Какова была природа того «божественного царствования»? Как жители Мероз и соседних с ним городов встретили приход железа, металлургии, торговли с доброй половиной земного шара? Что эти горожане знали о Китае, чьи бронзовые изделия они копи-

ровали и чьи шелка они покупали? Об Индии, чей хлопок носили? Об Аравийском полуострове, чьи товары выменивали? Кто путешествовал с юга и запада и обратно на запад и юг, что с ними стало? О влиянии этой цивилизации на остальную Африку, бывшем столь могущественным, мы практически ничего не ведаем.

Сегодня, к счастью, открываются возможности узнать больше. Подогреваемое интересом к своей земле и к Африке в целом, правительство Суданской республики решило, что Куш, их дальний предшественник, заслуживает лучшего к себе отношения. Но старые трудности никуда не делись: раскопки обходятся невероятно дорого, и страна, сосредоточившись на модернизации и развитии,

Украшения из благородных металлов напоминают о былом могуществе «черных фараонов» — правителей Куша

не может тратить много денег на прошлое. Таким образом, несмотря на высокую заинтересованность, работы по раскопкам кушитской цивилизации могут зависеть, как было и в Египте, лишь от щедрости иностранных спонсоров.

Они не потратят время и усилия зря. Ведь огромный город Мероэ — подобно другим кушитским городам, которых еще ждут археологические исследования, — возвысился на Среднем Ниле в те же самые столетия, когда Греция Перикла оставила свою метку на народах Средиземноморья, и значимость столицы Куша, если полагаться на место действия и исторические обстоятельства, могла быть ненамного меньшей. Подобно Афинам, Мероэ вел широкую торговлю с многими государствами, развивал собственные традиции в искусстве и литературе, распространял семена своего влияния далеко за пределами города и лелеял верования и привычки, которым он следовал сам и передал другим уже после того, как его собственная сила была утрачена. Он заслужил почетное место в ряду цивилизаций, повлиявших на мир. С Мероэ началась история современной Африки.

Древности страны Куш

Памятники кушитской культуры расположены в основном в северном Судане. Страна эта из-за политической нестабильности, длящейся много лет гражданской войны и голода никогда не была особенно привлекательной для туристов. Однако на севере Судана ситуация достаточно безопасная. Перелет до Хартума с пересадкой в Каире. Далее на север либо поездом, либо местными авиалиниями, либо на автомобиле. С учетом того, что в городках у излучины Нила на севере Судана гостиницы мало соответствуют европейским понятиям о комфорте, надо быть готовым к весьма спартанским условиям жизни. И вообще, значительные переезды по пустынной местности, вдали от цивилизации сопряжены с необходимостью хорошенько подготовиться к такому путешествию.

РЫЦАРИ ПРЕСВИТЕРА ИОАННА

Пресвитер Иоанн был властителем, который мог бы посоперничать богатствами с Мансой Мусой. Полумонах-полумонарх, он, говорили, правил сорока двумя малыми властителями и кучей странных созданий: кентавров, амазонок и великанов, которые изначально были шестидесяти локтей росту, но потом уменьшились до двадцати. В его государстве не существовало ни разврата, ни воровства, ни бедности. Полупрозрачные стены его дворца были созданы из хрустала, а крыша — из самоцветов. Тут принимали любого путешественника или странника, и ежедневно тридцать тысяч гостей садились за огромный стол из цельного изумруда, подпираемый двумя аметистовыми колоннами. Этот стол обладал замечательным свойством: он помогал сидящим за ним не пьянеть, ведь трезвость была особенно необходима: почетные гости пресвитера были сплошь лицами духовного звания. По правую руку сидела дюжина архиепископов, а по левую — два десятка епископов. Сам пресвитер был настолько свят, что даже его слуги принадлежали к светочам церкви: управляющий был патриархом, церемониймейстер — аббатом, а повар — приором. Через его владения протекала река, воды которой несли из песчаного моря груды драгоценных камней. Одежды его были сшиты из кожи драгоценной саламандры, очищенной в пламени, а из соседних стран к нему шли караваны верблюдов, груженных данью.

Но, окруженный всей этой роскошью, пресвитер оставался скромным человеком. Он не употреблял громких титулов, довольствуясь простым званием «пресвитер» — «священник», и, несмот-

ря на то что у него была толпа обожающих его жен, он позволял им приближаться к себе лишь четыре раза в год. Каждый день он лично пел перед алтарем святого Фомы, принесшего в его страну истинную веру, а единственной мечтой пресвитера было раздавить «мусульманскую гадину». Во время войны он командовал могущественным войском, в котором даже имелся отряд каннибалов, что было весьма удобно в плане уничтожения трупов после боя. Но в мирное время в путешествия по своим владениям он брал лишь простой деревянный крест да чашу земли в знак того, что из земли он был создан, в землю и возвратится. Смерть его особенно не заботила — в его царстве бил источник жизни, и каждому, искупавшемуся в нем, возвращались сила и здоровье человека тридцати двух лет. Согласно осведомленным источникам, сам пресвитер принимал это лекарство восемь раз, и его настоящий возраст равнялся 562 годам.

Эта невероятная фигура занимала умы европейских фантазеров, по меньшей мере, за четыре века до того, как в 1497 году португальские каравеллы обогнули южный мыс Африки. Где конкретно следовало искать его сказочное царство, никто не знал. Из Эфиопии долетали дразнящие отрывки информации, рассказы о христианском правителе, заклятом враге ислама, чей двор прямо-таки изобиловал священниками. То, что его владения казались столь маленькими, естественно, весьма разочаровывало, так как даже на неточных картах того времени Эфиопия выглядела небольшим государством между Верхним Нилом и Красным морем. Но европейские ученые изобрели достойное объяснение: они утверждали, что пресвитера оттеснили туда те же самые всепобеждающие монголы, что чуть было не поглотили Европу. Таким образом, Эфиопия была подлинным остатком знаменитой империи пресвитера и должна была содержать квинтэссенцию всего, что он сохранил.

Португальцы, первыми отправившиеся на поиски пресвитера Иоанна в 1500 году, вряд ли подходили для того, чтобы встречаться с богоугодным владыкой. Многие из них были *degredados* (порт. «отбросы, отверженные») — каторжниками, которым дали возмож-

ность искупить свои грехи. Их привозили на кораблях, двигавшихся вдоль берега вокруг Африки, и оставляли в разных местах с наказом двигаться вглубь на поиски царства пресвитера Иоанна. Найдя его, им даровали бы полное прощение. Но этого не случилось, так как они никогда не возвращались назад с удачей. Да и вообще они редко когда возвращались... Определенного положительного результата удалось достичь только на северном и восточном берегах. Два португальца, говорящие по-арабски, притворились мусульманами и преодолели исламский заслон. Но, к несчастью для них обоих, они так понравились правителю Эфиопии, что он отказался отпустить их домой, и оба несчастных провели остаток жизни при его дворе, в роскошной неволе.

В том, что страна пресвитера Иоанна отождествлялась с Эфиопией, была определенная логика, питавшая надежды людей, искавших загадочное христианское царство. Средневековая Эфиопия раскинулась на высоком плато, которое последующие поколения называли Крышей Африки. То была суровая и жестокая земля, испещренная дикими горами и ущельями, и несколько месяцев в году невидимая за густым влажным туманом, окутывавшим высокогорье. Летом сильнейшие ливни делали узкие тропы практически непроходимыми, и даже в хорошую погоду редкие группы путников состояли из носильщиков и вьючных животных, что осторожно пробирались через изумительные ущелья и голые горные перевалы. Селения ограничивались несколькими городами, расположенными у главных дорог, и множеством деревушек, что окружали горы, чьи вершины являлись надежным укрытием в случае войны. В мирное время в долинах пасся скот, а крестьяне возделывали бесплодные почвы небольших полей, которые с трудом распахивали на каменных склонах. Путешественника встречало поразительно суровое величие: горы извивались, хребет за хребтом уходя к горизонту, и их вершины возвышались так же высоко, как волны бесконечного морского пейзажа серых скал.

Эфиопия уникальна тем, что она была древнейшим африканским христианским государством. В четвертом веке н.э. греческие и

Библия, переписанная вручную монахами на местном эфиопском языке гылиз, до сих пор используется в школах страны

римские торговцы принесли эту религию в портовые города Красного моря, а оттуда она проникла на высокогорье, укоренилась там и удивительно расцвела. Эфиопский правитель, негус, объявил себя прямым потомком царя Соломона и царицы Савской, и многие его подданные считали себя наследниками рассеянного по земле еврейского народа. Их христианство было жестоким и воинственным. Когда Эфиопии улыбалась фортуна, она спускалась со своих горных вершин и занимала низины, простираясь на северо-восток до побережья Красного моря. Во времена ее расцвета, как раз перед тем как европейцы открыли эту страну, говорилось, что негус ударял по земле бичом, призывая ее наслать новых врагов, ибо он уже со всеми расправился. Когда обстоятельства изменились и Эфиопия попала под удары судьбы, она просто вернулась в свои горные крепости, надежно укрывшись за огромным валом Великого восточного африканского разлома, изрезанным глубоким расщелинами, что образовывали ее восточную границу.

Здесь, на плато, эфиопское христианство странным образом видоизменилось и приобрело невиданный размах. Огромная часть населения страны так или иначе принадлежала к институту церкви: в качестве священников, оседлых или странствующих нищих монахов или мирских братьев. Женщины не отставали от мужей, становясь монахинями, а детей посвящали в диаконы еще в младенчестве. Фанатики предавались раскаянию, налагая на себя странные епитимьи: носили пояса, усеянные гвоздями, или неделями сидели в бочках с ледяной водой. Повсюду в городах и деревнях строились церковные здания: уединенные монастыри на горных вершинах и

храмы, подобные церкви в Лалибеле, высеченной в скале. Церковь была мощным землевладельцем, и священники занимали ключевые места в правительстве. В целом эта система была основана на особом, почти буквальном прочтении Писания. Черпая вдохновение из Евангелия и проникаясь рассказом о жизни Христа, эфиопская христианская церковь процветала, принося экзотические плоды в искусстве и архитектуре, обрядах и вероучении. Появлялись величественные настенные росписи, с которых на верующих смотрели грустные глаза. Это были картины, изображавшие евангельское предание, при этом особое внимание уделялось Богоматери. Проходили невиданных размахов посвящения на открытом воздухе, во время которых абунa, или архиепископ страны, рукополагал за одну церре-

Священнослужители эфиопской ортодоксальной церкви поют под бой барабана в монастыре Ура-Киданемерт на озере Тана

монию сотни священников. Яростные монахи со спутанными волосами, одетые в кожу, подобно берсеркам, сражались в государственной армии. Совершались таинственные крещения, во время которых все, начиная с самого негуса, вновь и вновь подтверждали свою веру, окунаясь в емкости с водой.

За этим религиозным рвением стояли проблемы управления воинственным и неравномерно проживающим народом, разделенным на кланы и группировки. В центре пребывали придворные, приближенные к негусу. Он обладал абсолютной властью, но в такой беспокойной стране его династия оставалась в безопасности, лишь пока он мог управлять могущественными военачальниками, а поэтому его двор редко задерживался на одном месте. Шатры огромного лагеря перемещались по стране подобно фигурам в большой шахматной партии, готовые поставить соперникам негуса шах и мат, расстроив их планы при помощи могучей армии. Братья правителя, будучи потенциальными претендентами на трон, были пожизненно заточены в крепости на горной вершине, и любого, кто с ними общался, ждала смерть. Местных управляющих, приобретавших значительную власть, тут же смещали. Сам же негус поддерживал завесу тайны вокруг собственной персоны, окружая себя гонцами и льваами — символами своей власти.

Но Эфиопия была изолирована не полностью. Традиционно абуба назначался Коптской Александрийской церковью и присылался из Египта. В Иерусалиме существовал дом для эфиопских паломников в Святую землю, а два религиозных посольства даже достигли Рима. С Европой поддерживалась связь, достаточная для того, чтобы там лелеяли надежды найти в Эфиопии пресвитера Иоанна, персонажа по-своему столь же притягательного, как Манса Муса со своим золотом. В итоге, когда европейцы серьезно принялись за исследование, португальские рыцари отправились на поиски таких подвигов и приключений, что грозили затмить достижения самих конкистадоров в Новом Свете.

Первое основательное португальское посольство, отправившееся на поиски пресвитера Иоанна, начало свою миссию с неудачи.

Они высадились на эфиопском берегу Красного моря в апреле 1520 года, и местный губернатор Барнагаст вышел со своей свитой встречать их на берег. В его честь, а также для демонстрации своей технической мощи корабли португальской эскадры, на которых прибыли посланцы, дали бортовой залп. Одно из их орудий продолжило стрельбу, и к всеобщему ужасу большое пушечное ядро со свистом пронеслось сквозь толпу сановников, окружавших Барнагаста. К счастью, никто не пострадал, хотя на своем пути ядро трижды срикошетило. Прибывшие, рассыпаясь в извинениях, пытались возместить убытки, но Барнагаст встретил их прохладным заявлением о том, что человек жив, покуда это угодно Господу, и заверил, что ядро не причинило никакого вреда. Португальцы пребывали в счастливом неведении, не подозревая, что спокойная философия Барнагаста основывалась на том, насколько дешево он и его соотечественники ценили человеческую жизнь. Гости отнюдь не стояли на пороге мирной процветающей страны пресвитера Иоанна, напротив, они вот-вот должны были окунуться в бурное африканское общество, странная смесь набожности и жестокости которого их вскоре потрясла.

Четырнадцать членов португальского посольства были не самыми лучшими представителями своей страны. Всем управлял Родриго да Лима. Его назначили лишь недавно, так как посол короля Мануэла, семидесятидвухлетний дипломат, умер за месяц до этого и был похоронен в песке одного из прибрежных островов. Да Лима был молод, раздражителен и бестактен и уже начал ссориться со своим заместителем, Жоржи д'Абреу, считавшим себя более достойным возглавить посольство. Сохранять спокойствие между двумя забияками пытался отец Франшишку Альвареш, ранее бывший капелланом короля Мануэла, а теперь священник, на котором лежала ответственность за изучение и описание религии пресвитера Иоанна. Его дневник стал первым свидетельством об Эфиопии, изданным в Европе. В посольство также входили менее важные персоны: писарь, художник, который должен был переносить на холст интересные картины, открывавшиеся взору путешествен-

ников, а также делать наброски для развлечения пресвитера Иоанна в его дворце, музыкант, привезший с собой переносной орган (опять-таки для развлечения пресвитера Иоанна), брадобрей (по совместительству врач) и несколько португальских слуг, в основном взятых за способность мелодично петь во время церковной службы. В качестве даров они изначально намеревались привезти огромную кровать. Ее балдахин, отделанный синими и желтыми занавесями из тафты, изображал императора, коронующего королеву, и четыре трубача. Одежда, на которых был вышит португальский герб, дополняли подарок. К сожалению, кровать не перенесла морского путешествия, и, обследовав скудные запасы, оставшиеся на корабле, да Лима обнаружил, что располагает четырьмя гобеленами, органом, золотым мечом с богатой рукояткой, двумя вышедшими из употребления ружьями с сохранившимся зарядом, несколькими деталями боевого облачения и картой мира. Это было весьма скудное подношение для такого могущественного правителя, как пресвитер Иоанн.

От Массауа на берегу Красного моря, где высадилось посольство, было около 720 километров по прямой до Шоа, где обычно располагался двор негуса. Все сложности пути можно представить, если принять во внимание, что на преодоление этого расстояния португальцам потребовалось полгода. С палуб своей эскадры они видели пугающие очертания голых скал, высившихся сразу за выгоревшей белизной побережья. Похожие на крепости монастыри, выстроенные на высоких вершинах, и чудесное явление креста, сверкающего в ночном небе над холмами, заставило нескольких матросов дезертировать и сойти на берег в поисках славы и мирских выгод. Но большинство из них вскоре вернулись обратно, отступив перед дикостью этой земли. Не было дорог, ведущих в глубь страны, существовало лишь несколько узких троп, что вились от одной деревушки или монастыря к другим. От моря к плато Шоа вел головокружительный подъем — изматывающий путь посреди спекшегося известняка, русел высохших ручейков и бесплодной почвы, усеянной горной породой. Это давило на людей так же, как

в худших областях Португалии, — только названия были другими. Знакомые «мезы» — на Пиренейском полуострове так называли плоскогорья — в Эфиопии именовались «амбами», и если — как позже обнаружило посольство — пресвитер Иоанн использовал самые недостижимые вершины в качестве тюрем для своих соперников, то это ненамного отличалось от португальской привычки заточать врагов правящей династии в подземелья Альдзубарроты.

Сходство португальской и эфиопской культур стало одним из самых удивительных факторов в поиске пресвитера Иоанна. Это был тот редкий случай, когда европейцы и африканцы стояли лицом к лицу. Белые люди прибыли, надеясь обнаружить более развитую цивилизацию, а вместо этого столкнулись с обществом, отражавшим многие из их собственных особенностей. Оба народа в своей набожности доходили до фанатизма, ими обоими правили абсолютные монархи, жаждавшие подчинить себе гордую малочисленную родовую знать, оба видели друг в друге возможного союзника в борьбе с исламом. Поэтому так поразительно то, что посольство да Лимы оказалось совершенно не в силах понять Эфиопию.

В этом во многом можно винить злой рок. С самого начала все пошло неправильно. Вспыльчивый да Лима оскорбил Барнагаста, не оценив его гостеприимства, эпидемия унесла жизни двух его подчиненных, включая переводчика, и посольство увязло. Причиной неприятностей стала история с приношениями. Да Лима так и не уяснил, что в Эфиопии все дипломатические отношения строились на постоянных льстивых подарках в форме взяток или приношений. Даже стражей покоев Барнагаста было необходимо задобрить мешочками с перцем, а когда сам Барнагаст попросил да Лиму показать свой лучший меч, его крайне оскорбило то, что португалец обратился к своему спутнику и позаимствовал у него для подарка меч попроще. Ночью хижину, в которой португальцы хранили свои запасы, ограбили и украли два меча и шлем. В то же время да Лиме совершенно не понравился Барнагаст. Вопреки своим ожиданиям, в которых он представлял «заместителя» пресвитера ве-

ликим властителем, окруженным восточной роскошью, он увидел уродливого жулика с гноящимися глазами, восседавшего в дурно сплетенном гамаке, покрытом грязным тряпьем. Его зал для аудиенции больше напоминал сарай, набитый толпами полуголых эфиопов, сидевших на корточках на земляном полу. С одной стороны слуги придерживали любимых боевых коней Барнагаста, рядом с ним на стене висели несколько бедно отделанных мечей, а у изголовья кровати сгорбилась его жена. Входя в этот зал, посланники и просители сперва были должны раздеться до пояса, а затем присесть на корточки, касаясь одной рукой земли в знак уважения, перед тем как протянуть обязательные подарки — специи или ткани. Только великие правители могли пренебречь этой церемонией. Они въезжали в зал верхом на коне, высокомерно продвигаясь сквозь толпу вслед за глашатаями, сдерживавшими ее своими копьями и дубинками.

Лишь отец Альвареш был доволен. Как он с оптимизмом писал в своем дневнике, это было поистине государство пресвитера Иоанна. На каждом холме и перекрестке высился храм или монастырь. Главными покупателями на рынке были монастырские казначеи, каждый второй человек, встречавшийся на пути, принадлежал к какому-нибудь монашескому ордену. Там были монахи в желтых одеждах, напоминавшие Альварешу доминиканцев, полуобнаженные нищенствующие монахи и монахини, чьи головы были выбриты и перевязаны кожаными лентами. Он заходил в храмы, любуясь настенными росписями и складками роскошного алого бархата и парчи, что скрывали за собой алтари. Лишь церковное убранство казалось ему неправильным. Вместо колоколов он видел камушки, что ударялись друг о друга и издавали надтреснутый звякающий звук, да и неуклюжая, грубо выкованная утварь совершенно не соответствовала знаменитому богатству пресвитера Иоанна.

И наоборот, эфиопы критически оценивали своих португальских гостей. Им не всегда нравилось то, что они видели. Они восхищались их прекрасным оружием и доспехами и выпрашивали их в подарок. Но когда священники пригласили чужеземцев на церков-

ную мессу, они были неприятно удивлены их неотесанностью. Португальцы громко разговаривали, открыто плевали на пол и, казалось, постоянно ссорились друг с другом. Даже их священник выглядел опасным, ибо Альвареш совершил грех, чуть было не въехав в монастырь, куда не допускалось ни одно существо женского пола, верхом на ослице. И лишь срочная делегация, отправившаяся ему навстречу, чтобы заставить его остановиться и спешиться до того, как он подъедет слишком близко, спасла целый монастырь от осквернения.

Позже произошло еще более мрачное событие, когда голодные португальцы поймали и убили несколько голубей прямо в церкви. Местное население было настолько потрясено этим кровопролитием, что португальцам вообще запретили входить в церковь.

Таким образом, посольство продвигалось чуть ли не на ощупь, постоянно совершая нелепые ошибки, то восторгаясь, то пугаясь того, что они видят. Да Лима заставил Барнагаста снабдить их несколькими выючными животными, угрожая сжечь подарки, пригтовленные на берегу для негуса, если ему не будет оказано помощи, а посольство медленно, урывками продвигалось в глубь страны.

Альвареш делал подробные записи обо всем, что свидетельствовало о царстве пресвитера Иоанна. Им повстречались община монахинь, с благоговением умолявших путников разрешить омыть им ноги как странникам, побывавшим в Святой земле; постоянные дворы для слуг правителя, какой-то вождь, учтиво принявший посольство. Но в основном народ пресвитера Иоанна не был ни таким гостеприимным, ни воспитанным, как о том говорилось в предании. Некоторые мужчины чинно разгуливали с обернутыми кожаными ремешком яичками, не имея на себе никакой другой одежды, а женщины едва прикрывали свою наготу овечьими шкурами, что небрежно свисали с плеч. «В Португалии или Испании, — сухо комментирует Альвареш, — люди женятся по любви, видя красоту лиц, и многое скрыто от них. В этой стране они могут жениться потому, что уже увидели и оценили все, что только можно».

Но более всего путешественников потрясли жестокие нравы этой страны. В нескольких деревнях жители с почетом встретили проезжавшее мимо посольство, как следует побив путников камнями, и Альвареш был вынужден прибегнуть к жестоким мерам, приказав рабу ехать на своем муле впереди, чтобы тот первым принял на себя удар возможной засады. Ночью проводники соорудили из колючих кустов завалы для защиты от разбойников. Пересекая один лес, путники проехали под гниющими головами восьми сотен каменных мятежников, что свисали с ветвей подобно причудливым яблокам. Становилось ясно, что царство пресвитера Иоанна было местом, где кипели страсти и легко проливалась кровь.

Несколько раз посольство оказывалось в затруднительном положении: взбунтовавшиеся носильщики просто уходили, побросав тюки на землю. В разгар одного из споров как из-под земли возник высокопоставленный священник, который, словно тигр, набросился без каких-либо предупреждений на начальника охраны и злобно искусал его голову, оставив глубокие раны. Затем он спокойно представился посланником негуса и, сообщив пораженному да Лиме, что его повелителя не устраивала скорость продвижения экспедиции, поспешил прочь так же быстро, как и появился.

Преодолев на четвереньках горные перевалы, преследуемые стадами гиен, осмелевших настолько, что от них приходилось отбиваться копьями, чуть не утонув во время короткого наводнения, португальцы искренне обрадовались, когда в середине октября их проводники наконец заявили, что впереди лежит лагерь пресвитера. Послы уже давно оставили надежду увидеть легендарный хрустальный дворец, и поэтому их весьма воодушевил вид эфиопского двора, раскинувшегося подобно огромному военному лагерю. Ряды его шатров лучами расходились от большого красного жилища негуса. Несколько тысяч эфиопов в своих лучших одеждах собрались посмотреть на прибывающее посольство. Они молча с любопытством наблюдали, как сотня глашатаев, облаченных в шелковые туники, расчищали дорогу для белых людей, преусердно размахивая и щелкая в воздухе своими кнутами. Толпа расступилась и образовала

проход, по краям которого расположились знать и кони негуса, убранные, как на парад — в парчовых чепраках и уздечках, украшенных перьями. Затем выбежали посланники государя: с плеч их свисали львиные шкуры, а шеи украшали золотые кольца, усыпанные самоцветами. Они встали около каждого португальца, проводили путешественников вперед, двигаясь диковинным шагом — полубегом, полувприпрыжку. Уже перед шатром путешественников заставили пройти между четырьмя львами — традиционными эмблемами негуса, которых, как с облегчением отметил Альвареш, держали на толстых цепях. Наконец по знаку стрелы, пущенной из таинственного красного шатра, процессия остановилась, и португальцы начали через посредников путаный разговор с человеком, ради которого они преодолели столь долгий путь.

Посредником выступил придворный, которого Альвареш называет Кабеатой. Облаченный в белые хлопковые одежды и высокий остроконечный головной убор, он действовал в качестве посланника негуса, все время их беседы сидевшего в своем шатре, не показываясь наружу. Кабеата открыл аудиенцию, торжественно спросив у да Лимы, что он хочет и откуда явился. Тот ответил, что он возглавляет посольство, отправленное португальским королем к пресвитеру Иоанну, и привез с собой послания от наместника короля Индии. Выслушав это, Кабеата развернулся и спокойно ушел обратно в красный шатер. Несколько минут спустя он вернулся и повторил свой вопрос. Да Лима вновь принялся объяснять. Кабеата снова ушел, чтобы через несколько минут задать свой вопрос уже в третий раз. Согласно записи внимательно наблюдавшего за этим действием Альвареша, выходя из шатра, Кабеата всякий раз исполнял нечто похожее на менуэт, делая два шага назад вместе с тремя знатными эфи-

Развалины дворца, приписываемого царице Савской

опами, выстроившимися в линию, закрыв таким образом проход португальцам. После того как вопрос был задан в третий раз, да Лима был приведен в такое замешательство, что сказал, что не знает, что ответить. «То-то оно», — язвительный ответ Кабеаты мало что прояснил. Это возражение настолько задело самолюбие да Лимы, что он едко заявил, что не станет говорить ни с кем, кроме самого пресвитера. Ответ его тут же вызвал реакцию — в очередной раз выйдя из шатра, Кабеата затронул тему подарков. Он сказал, что его повелитель жагает увидеть все дары, что приготовило ему посольство. Да Лима проявил невежливость, помедлив некоторое время, но второй португалец убедил его подчиниться, и они показали все свои скудные приношения одно за другим. Без какой-либо суеты их взяли и отнесли в шатер на осмотр к негусу.

Через несколько минут их принесли обратно. Куски португальской парчи развесили на деревянной подставке для лучшего обзора, а остальные вещи разложили на земле, дабы произвести максимальное впечатление. Затем представитель эфиопской знати заверил толпу в большой ценности даров и в том, какую честь оказали португальцы их правителю, посетив его. Как только он закончил, столпившиеся люди издали громкий возглас и начали расходиться. Да Лима и его спутники остались стоять, поражаясь вздорности эфиопского придворного этикета и чувствуя, что их первая аудиенция у негуса подошла к концу, а им даже не представилось возможности передать послания из Португалии.

Португальцы так и не смогли вникнуть во все странности придворной жизни Эфиопии. По существу, система предназначалась для того, чтобы сохранить вокруг негуса ореол тайны — и поддерживать образ невидимого всемогущего деспота. В лагере он все время проводил в своем шатре. В военных выступлениях его прикрывали от любопытных взоров ткани, что несли на шестах его носильщики, пока слуги, державшие на привязи львов, расчищали путь от ненужных зрителей. Его власть определяли как абсолютную и вездесущую. Один монах лишился за непослушание своих глаз, другой же остался без языка за то, что слишком много говорил. Никто,

начиная с обладателей низших должностей и заканчивая высшими чинами, не был защищен от произвола негуса. Часто удача отворачивалась от них. Самого министра юстиции выволокли из шатра, чтобы отхлестать плетью, и самые могущественные владыки Эфиопии в мгновение ока могли оказаться раздавленными, лишеными негусом всех титулов и привилегий и низведенными в рабы. Даже самых старых и дряхлых племенных вождей заставляли ходить при дворе с тяжелыми каменными глыбами в руках в знак их подчинения. По воскресеньям и в дни праздников в лагере выставляли на всеобщее обозрение высушенную голову мусульманского вельможи. Но эта грубость смягчалась неожиданными проявлениями человеколюбия. Приговоренного к ударам плетью стражи хватили и сопровождали к месту исполнения наказания со всей свирепостью. Его швыряли на землю и устраивали целый спектакль, запарывая чуть ли не до смерти, но при более близком рассмотрении оказывалось, что большинство ударов приходились не на осужденного, а на землю — в качестве символического наказания. Когда все заканчивалось, жертва поднималась и спокойно возвращалась ко двору, как будто ничего и не произошло. По мнению Альвареша, самым разумным в эфиопском правосудии был простой способ предотвращения ложных обвинений: истец должен был платить за обвиняемого, пока тот ждал суда.

К своему удивлению, португальцы обнаружили, что при дворе негуса уже жили европейцы. В основном они были ремесленниками и людьми, сбежавшими из мавританского плена и нашедшими убежище в христианской Эфиопии. Жили они хорошо и ценились за свои умения. Наиболее ярким примером может служить португалец Педру да Ковильян, один из немногих посланников, что сумели преодолеть мусульманский кордон, притворившись арабами. В Эфиопии он поднялся так высоко — будучи наделенным землей и знатной эфиопской женой, родившей ему несколько детей, что почти слился с местным населением. Он весьма раздражал да Лиму, пропадая в своем имении как раз тогда, когда более всего требовалась его помощь в качестве переводчика.

Но все же, учитывая, сколько европейцев, должно быть, уже повидал негус, было удивительно, какой интерес он проявлял к маленькому неуклюжему посольству да Лимы. Он постоянно отправлял к португальским шатрам гонцов со странными просьбами: «Негусу известно, что португальцы — отличные наездники. Не могли бы они порадовать его, показав, на что способны, перед его шатром?» — и им выделяли восемь коней. Их просили прислать мушкет, католический крест, пару брюк. Некоторые из вопросов, например, умел ли кто-нибудь из послов делать порох, звучали весьма разумно, остальные же были просто пустяковыми. Португальцы должны были продемонстрировать то, как они танцуют, фехтуют или же плавают, — это представление было устроено в искусственном водоеме, предназначенном для массовых крещений, и негус с удовольствием увидел, что они умели плавать и под водой. Возможно, самой странной стала просьба устроить пир, пить и напиваться так, как они делали бы это у себя на родине. Гонцы при этом бегали туда и обратно, сообщая негусу, как белые люди вели себя, опьянев.

Португальцы выполняли все задания с различной степенью усердия и отказались выполнить просьбу лишь тогда, когда им предложили помериться силой с лучшим борцом негуса. Этот великан больше походил на быка. Первому португальцу, выставленному против него (художнику), он сломал ногу, а второму — руку. Третий и последний португальский борец проявил благоразумие и отказался от боя.

Но самое пристальное внимание уделялось отцу Альварешу. Он приехал, дабы изучить веру пресвитера Иоанна, но вместо этого оказался изгоем, будучи действительным представителем римской католической церкви. Рядом с шатром негуса устроили небольшую часовню и попросили его продемонстрировать все обряды церковного календаря. К счастью, из него получился хороший балаганщик. Он развесил в часовенке всевозможные украшения, которые только смог придумать, набрал хор, чтоб тот пел под аккомпанемент посольского органиста, отслужил мессу и даже поэим-

ствовал местного младенца, дабы изобразить обряд крещения во всех подробностях. Делал это так медленно, что эфиопы могли в перерывах задавать вопросы.

Негус отнесся ко всему с большим вниманием. Посланники без устали требовали пояснений таких незначительных деталей, как изменения в мелодии гимна, а ночью они осветили внутреннюю часть церкви свечами и приподняли шатер таким образом, чтобы негус мог видеть католического священника в действии, — чем отец Альвареш и воспользовался, без тени смущения окропив через образовавшееся отверстие шатер негуса святой водой.

Большое значение имело и то, что эфиопский двор в основном оживлялся по ночам, возможно, чтобы надежнее скрыть от любопытных глаз действия негуса. Время от времени португальцев будили, чтобы задать им вопросы негуса, и Альварешу пришлось провести целую бессонную ночь, наблюдая за ежегодным массовым крещением придворных. Была вырыта и выложена досками и холстом для обеспечения водонепроницаемости огромная яма. Затем туда пустили воду. Над образовавшимся прудом воздвигли шатер, и ночью, когда на плато дули ледяные ветры, в него вошел негус, чтобы погрузиться в воду и креститься наедине со своим личным священником, что стоял рядом с ним по грудь в воде. После того как негус вышел из пруда и оделся, он занял место в маленькой беседке, откуда мог наблюдать за остальной церемонией через отверстие. Лишь главные представители правящей династии имели право иметь на себе какую-либо одежду во время крещения. Все остальные были совершенно голыми, что сильно смутило Альвареша: его попросили посмотреть на обряд из другого наблюдательного пункта, хотя он и остальные португальцы отказались креститься заново.

Самая главная встреча, во время которой португальцы оказались лицом к лицу с негусом, также состоялась в темноте. Это было зрелище, достойное театральных подмостков: гостей разбудили без предупреждения и приказали одеться, затем отвели ко входу в шатер правителя. Там их встретила тысяча стражей, сверкавших коль-

чугами и вооруженных мечами, щитами и копьями. Внутри жилища их провели через несколько завес одна роскошней другой, пока после последней их взорам не предстал сам негус: он сидел на расстоянии около четырех метров на возвышении, покрытом богатыми коврами. Это был круглолицый юноша с большими глазами. На его голове золотом и серебром сияла корона, парчовая мантия окутывала его плечи, а колени прикрывал епископский набедренник из золотой материи. Четыре слуги со свечами в руках стояли неподвижно, образуя своеобразный фон. Со всех сторон правителя окружали стражи с обнаженными мечами, а справа от него находился паж, держащий плоский серебряный крест с гравировкой. Альвареш подумал, что общая картина весьма напоминает изображения Бога Отца, которые эфиопы рисовали на стенах своих церквей.

Встреча с негусом стала главным событием в деятельности посольства да Лимы. Оказалось, что правитель Эфиопии хотел, чтобы португальцы прогнали мусульман с Красного моря. С помощью да Ковильяна Альвареша попросили обрисовать детали формального договора, из которого ему пришлось убрать странное предложение: оба правителя должны отправить на Аравийский полуостров достаточное число португальцев и эфиопов, дабы они выстроились в длинную цепочку так, чтобы передавать друг другу камни Мекки, бросая их в море. Непривычные к заключению подобных договоров советники негуса провели много времени, сверяясь в поисках подходящих слов и грамматических структур со своими копиями Нового Завета. Альвареша дважды вызывали в шатер негуса, чтобы разъяснить тому трудные места. Один раз он обнаружил негуса, весьма озадаченного видом новой карты мира, подаренной ему да Лимой, и спросил священника, где конкретно находится Португалия по отношению к Эфиопии. Альвареш тянул время, заявляя, что Португалия — это Лиссабон, а Испания — Мадрид. Наполовину обманутый, негус немедленно пронизательно возразил, что, судя по карте, Франция могла бы оказаться куда более мощным и надежным союзником.

У эфиопов, наблюдавших за поведением посольства да Лимы, также сложилось весьма странное представление о Португалии. Все, что так поражало Альвареша в эфиопах: их жестокость, странные обряды, их гордыня и алчность — было отражением самих португальцев. Представляя из себя крошечную группу иностранцев, отрезанную от внешнего мира в сердце диковинной страны, португальцы вели себя как избалованные дети. Они непрерывно ссорились между собой — особенно в этом усердствовали да Лима и Д'Абреу, обсуждая вопрос старшинства и вызывая у эфиопов недоумение обращением к священнику негуса, чтобы тот их рассудил. Да Лима жаловался, что Д'Абреу одевается слишком роскошно для своего статуса, что он не проявляет должного уважения, что на аудиенции у негуса тот не остается коленопреклоненным ни минутой дольше, чем он, и сразу же встает. Да Лима даже заявлял, что его заместитель пытается его отравить. Все зашло так далеко, что португальцы раскололись на две партии, и однажды Альвареш был вынужден ворваться в португальский шатер, размахивая своим посохом, чтобы остановить бой на мечах, произошедший между да Лимой и Д'Абреу, причем последний уже был легко ранен.

В конце концов эта ссора подтвердила неспособность пришельцев к реальным действиям. Негус послал их обратно на берег, чтобы в Массаяу их подобрала португальская эскадра, но разгорелись такие страсти, что часть посольства, поддерживавшая Д'Абреу, попыталась устроить засаду и схватить своих противников. Один португалец был ранен в ногу; в деревне, где остановилось посольство, произошла непристойная стычка, и пришедшая в ужас эфиопская стража препроводила их всех обратно ко двору, чтобы негус вынес

Обломки аксумской стелы, достигавшей 33 метров высоты

свой приговор. В результате все посольство было вынуждено провести еще целых пять лет, слоняясь, подобно непрошеным гостям, без дела по задворкам лагеря негуса в ожидании проводников и мулов, что бы доставили их к берегу.

Лишь Альвареш использовал эту долгую задержку с толком. Он стал настоящим туристом и путешествовал по стране, удивляясь ее чудесам. Он посетил изумительные церкви Лалибелы, измерил каменные колонны Аксума, оставшиеся там, как полагал он, после царя Соломона, и начал охоту за сокровищами царицы Савской. Некоторое время он серьезно подумывал о том, чтобы остаться в стране и уйти в эфиопский монастырь. Весной 1526 года, когда посольство наконец отправилось в обратный путь, у Альвареша был собран достаточный материал, чтобы составить пять внушительных частей описания несколько подпорченного царства пресвитера Иоанна. Его книга вышла в Европе как раз тогда, когда Португалия, найдя наконец царя восточного христианства, решила, что нужно отправляться к нему на помощь.

Спустя два года после того, как посольство да Лимы покинуло страну, Эфиопия подверглась самому разрушительному вторжению за свою историю. Ударив с севера, Ахмад ибн Ибрагим эль-Гази, по прозвищу эль-Гран, или Левша, фактически опустошил землю. Это был один из самых блестящих мусульманских полководцев. Он проделал путь от неизвестного воина из Сомали до командующего армией турецких стрелков и янычаров, по военной мощи полностью превосходившей силы негуса. Он поклялся обратить эфиопов в мусульманство и жаждал отомстить за своего убитого тестя, чью голову Альвареш видел в качестве военного трофея в лагере негуса. На этот раз горы не спасли Эфиопию. Гран позволил своим войскам разорять страну во время затяжной опустошительной кампании. Деревни сжигали, а их жителей угоняли в рабство. Прекраснейшие храмовые украшения, которыми так восхищался Альвареш, были разбиты вдребезги. Одного из сыновей негуса убили, а второго захватили и отправили на Аравийский полуостров служить рабом паши. Казна была разграбле-

на. Тысячелетия эфиопской культуры оказались разрушены одним ударом. Союзники негуса отказали ему в помощи. Его мать, Сабла Венгел, нашла убежище на неприступной плоской вершине амбы близ Дебароа, а сам негус умер смертью загнанного шакала на берегу озера Тана, оставив корону своему семнадцатилетнему наследнику Галаведосу. К португальцам в Индию тайно отправлялись тщетные мольбы о помощи, но было очевидно, что все нарастающий исламский прилив, управляемый полумесяцем Турции, уже готов был обрушиться на последний оплот христианства.

Что символично, португальский защитник пресвитера Иоанна мог бы сойти со страниц рыцарского романа времен короля Артура. Дон Кристобаль да Гама был самым воплощением странствующего рыцаря. Юный и одаренный, он был состоятельным португальским баловнем с большими связями. Его отец, прославленный Васко да Гама, привел первый португальский флот к берегам Индии и был возведен в графы. Его брат, Эстебан, был правящим наместником Индии и снарядил флотилию на помощь Эфиопии. Юному Кристобалю еще не исполнилось двадцати шести лет, но он уже отличился в морских битвах с турками в Оманском заливе. Обожаемый своими слугами, он унаследовал от отца суровое упорство в достижении цели. Он был словно сказочным героем, идеальным полководцем, специально созданным, чтобы отправиться на помощь христианской Эфиопии и атаковать мусульманских язычников с горстью войск, которых ему смог выделить брат. Дон Кристобаль должен был вдохнуть новую жизнь в оборону негуса, пока Португалия собирала достойную армию для помощи к нему. В навигационный период лета 1541 года он с небольшим португальским войском поспешно высадился в Массауа, куда их доставила португальская военная эскадра. Там, где несколько лет назад да Лиму встречал Барнагаст, европейцев ждал почти пустой берег. Гран опустошил побережье, используя корабли и конницу, и едва ли здесь можно было обнаружить хотя бы одного эфиопа-христианина.

Кампания началась неудачно. Сотня португальских задир ослушалась приказа, покинула эскадру и бодрым маршем отправилась в глубь страны. Они подкупили часовых и самовольно покинули войско, будучи уверенными в скорой победе. Менее чем через сутки, одурманенные жарой и преданные своим проводником, они попались в западню, устроенную Граном, затаившимся, подобно хищной птице, в холмах за Массауа. Португальцев доставили в его лагерь, отхлестали плетью и заперли в загоне для скота. Затем их выпустили по одному, как зайцев из силков, и мусульманские копьеносцы загнали их. Выжили только двое, притворившиеся мертвыми. Они принесли вести о несчастье в Массауа. Да Гама сказал, что их товарищи заслужили такую участь, а затем все наблюдали за повешением провинившихся часовых.

Кристобаль да Гама не нуждался в уроке массовой резни, чтобы понять, что перевес был явно не на его стороне. В отличие от конкистадоров под предводительством Писарро, занятых разрушением империи инков на другом краю земли, португальцы на африканском побережье не обладали преимуществом в технологии, таинственности или неожиданности. Они прибыли защищать, а не разрушать местный трон и противостояли войскам, чьи мушкеты и доспехи были не хуже, если не лучше их собственных. Более того, именно противник, а не европейцы обладал конницей. Кристобаль да Гама не мог выставить ни одного всадника против отборных турецких копьеносцев Грана. По традиции португальцы полагались на знаменитую молниеносную атаку воинов, вооруженных пиками, которым предшествовали залпы мушкетов. В качестве военной тактики это вряд ли было продуманней, чем дикий напор уже разгромленных войск негуса или фанатическое наступление эфиопских монахов-воинов.

Было отобрано всего четыреста добровольцев, отправившихся внутрь страны со своим лихим командиром. Это была почти символическая поддержка негуса до тех пор, пока в следующем году не прибыла бы основная подмога, но она обладала превосходным вооружением и обмундированием. Несколько больших пу-

шек и сотня мушкетов с фитильными затворами были выгружены на берег, и каждый человек располагал двойным количеством оружия. Для наибольшего эффекта добровольцы выступили при всем параде. Офицеры были сплошь дворянами, облаченными в блестящие одежды. Каждая рота выступала под собственным бело-голубым знаменем, а в середине развевался огромный боевой штандарт из голубой парчовой ткани с нашитым на него темно-красным крестом. В головном отряде маршировал бодрый оркестр флейтистов, барабанщиков, трубачей и волынщиков. Это было лучшее, что могла снарядить и выставить Португалия, и воины были очень похожи на крестоносцев, которым они сознательно подражали. Да Гама и его люди не принимали во внимание никакую логику, надеясь, что разобьют мавров и поддержат расшатанную колонну истинной веры.

Первой целью да Гамы было наладить связь с правящей династией, а так как Гагаведос находился за несколько сотен километров в центре страны, он отправился прямо к плато, где укрылась королевская мать. Эта примечательная крепость представляла собой гору с плоской вершиной, настолько отвесной, что прямое нападение было исключено. Португальцы сравнили ее с боевой палубой корабля, а один солдат описал ее так: «квадратная отвесная крепость вдвое выше самой высокой португальской башни. К вершине она становится все более и более отвесной, пока не нависает кругом, подобно зонту, как если бы она была изготовлена руками человеческими, так, что никто у подножия не может остаться незамеченным теми, кто находится наверху». Единственным путем туда была узкая тропа, по которой и карабкались два посланника да Гамы, пока не достигли плато. Оттуда их подняли в плетеной корзине на вершину горы, дабы там можно было переговорить с Сабле Венгел и попросить ее спуститься вниз и присоединиться к экспедиции.

Встреча королевь-матери и юного португальского полководца только подчеркнула атмосферу нереальности экспедиции. Она напоминала сцену с гобелена, посвященную рыцарским мотивам. С одной стороны была спасенная дама, освобожденная из своей

башни, в сопровождении тридцати служанок, романтически загадочная за вуалью из черного шелка, расшитого цветами. Встретить ее должен был спаситель, галантный юный рыцарь, неподражаемый в своих плиссированных чулках и в рубаше из алого атласа и золотой парчи. Французский плащ из превосходной черной материи свисал с его плеч, а в руке он держал черную шляпу с ценным медальоном. За ним стояли его португальские войска в сверкающих доспехах, салютуя двумя залпами в честь королевы перед тем, как издать свой боевой клич и кинуться в показательный бой.

Во время всего сезона дождей да Гама оставался у амбы, используя влияние королевы-матери, чтобы объединить племена в войско. Новоиспеченные солдаты тренировались почти ежедневно. Их обучали, как управляться с пикой и гарцевать в доспехах на коне. Устраивали сложные маневры, во время которых разные виды стрелков продвигались и отступали, ведя непрерывный огонь. Отряды отправлялись в соседние деревни, чтобы привезти оттуда лошадей и мулов. Также был сформирован оружейный обоз. Эфиопские тропы были слишком тяжелы для колесных повозок, поэтому орудия прикрепили к саням, скользившим на досках от старых бочек. Их тянули коровы, с большими трудностями приспособленные португальцами, — у эфиопов не было тяглового скота. Да Гама, подобно истинным конкистадорам, завоевал популярность, работая наравне со своими слугами, но их привязанность сочеталась с уважением к его дисциплине. По его приказу португальский дезертир лишился кистей обеих рук, а двух пойманных лазутчиков Грана сначала подвергли пыткам, а затем разорвали санями.

15 декабря небольшая колонна, усиленная двумя сотнями местных солдат, снова выдвинулась в поход. Они маршировали в боевом порядке, ибо предполагали, что Гран мог атаковать их в любой день. Королева-мать оставалась в хвостовой части колонны, окруженная пятьюдесятью стрелками с заряженными мушкетами и зажженными кусками фитиля в руках. Легковооруженное прикрытие, состоявшее из эфиопов, ехавших верхом на мулах, обследовало дорогу, а сам да Гама дважды в день проезжал в обе стороны ко-

лонны, проверяя боевую готовность снаряжения и отсутствие отстающих. Это был изнурительный поход. Время от времени сани застревали, и их приходилось приподнимать и переносить через препятствия. Португальцам — как идалго, так и пехотинцам — приходилось делать всю работу самим, так как эфиопы не видели смысла тратить свои усилия на пушку, которую по их твердому убеждению невозможно было перевезти через более высокие перевалы. Но это удалось: португальцы сняли орудия и в буквальном смысле взвалили их себе на плечи. «Это был такой тяжелый труд, — писал один из них, — что о нем можно было бы написать столько же, сколько о переходе Ганнибала через Альпы».

В феврале экспедиция достигла своей первой цели. Небольшой отряд мусульман удерживал свои позиции на маленьком плато, которое да Гама должен был либо захватить, либо оставить у себя в тылу, что было весьма рискованно. Не послушав совета эфиопов об использовании преимущества своего расположения, предводитель похода решил взять амбу лобовой атакой. На вершину вели всего три тропинки, все они были не защищены от дождя копий и града камней, которые стали бы использовать оборонявшие плато. Скалы были настолько скользкими, что португальцам пришлось штурмовать высоту босиком, и в некоторых местах они вынуждены были заклинивать торцы своих пик в трещинах, чтобы образовать импровизированные лестницы. После того как оборона выдержала испытание длительным обстрелом, да Гама лично возглавил отряд, лихо преодолевая самый трудный подступ, тогда как два его военачальника одновременно атаковали с двух других сторон. Дважды португальцы приступом брали склон горы, и дважды их отбрасывали назад, посыпая градом камней. Несколько человек погибли, и множество было серьезно ранено этими обломками. Но третья попытка увенчалась успехом: они достигли вершины. Через несколько минут отчаянного сражения на выступе плато превратилось в смертельную западню для тех, кто его оборонял. Мусульманский военачальник героически погиб, пронзив одного португальца через доспехи копьем и лишив второго

Подземные церкви Лалибелы связаны друг с другом сетью подземных ходов

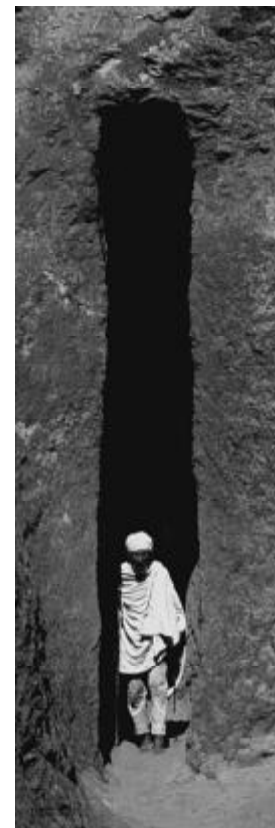
чувств ударом меча, проломившего ему шлем. Но предводителя врагов все же одолели. Его убили три нападавших португальца, а затем ворвались эфиопы, вооруженные мечами. Прибывшие с опозданием, но зато с большим воодушевлением, они порубили на куски тех защитников плато, что не бросились со скалы. По замечанию одного португальца, то была «резня, которой абиссинцы просто наслаждались».

Взятие амбы стоило да Гама восьми человек убитыми и сорока ранеными. Несмотря на то что победа необычайно воодушевила его войска и союзников, доказав уязвимость мусульман, она была грубой тактической ошибкой. Битва дала Грану время сосредото-

чить свои войска, что охотились за Галаведосом в горах, и поспешить на север во главе семнадцати тысяч солдат, включивших полторы тысячи всадников и две сотни турецких стрелков. С этими огромными силами он расположился аккуратно на пути да Гамы, и у юного португальского рыцаря не оставалось иного выбора, кроме как пытаться прорваться через этот кордон.

Поле боя, которое выбрал дон Кристобаль, было впечатляющей ареной, но стало его второй тактической ошибкой. Казалось, он намеревался вести войну с элегантною и церемониальною средневекового рыцарского турнира. Пологие холмы, со всех сторон окружавшие это место, превращали его в естественный природный амфитеатр, и в центре да Гама сосредоточил своих воинов на небольшом возвышении, перед которым оставалось достаточно места для того, чтобы Гран наилучшим образом использовал свою конницу. В центре укреплений да Гама расположил королеву-мать — знамя, которые должны были защищать его паладины.

На рассвете в лучах восходящего солнца проступили зловещие очертания пяти мусульманских всадников, что мрачно взирали вниз, осматривая укрепления португальцев. После того как они исчезли, описав перед этим круг, да Гама послал двух разведчиков на ту же обзорную

Немногие старики знают сегодня все хитросплетения подземных переходов Лалибелы

точку, и они доложили, что огромное войско противника уже надвигается на них. Затем все разворачивалось согласно печальному церемониалу. Гран появился на горном выступе — его легко можно было узнать по трем знаменитым бело-красным боевым стягам, украшенным геральдическими полумесяцами и мусульманскими девизами, что развевались позади на ветру. Некоторое время он сидел неподвижно, наблюдая за португальцами, а затем его армия помчалась по склону, словно окутав его живым ковром: воины, набранные из диких племен Харара, вооруженные щитами и копьями, наемные эскадроны легкой конницы и дисциплинированные отряды турецких стрелков. Португальцы слышали звуки их труб, бой их барабанов и видели передние ряды, которые, приближаясь, вступали в показательные поединки.

Они не торопились и действовали очень размеренно. Огромная армия окружила португальские укрепления и спокойно встала лагерем на расстоянии чуть дальше мушкетного выстрела. Всю следующую ночь португальцы провели, готовясь к отражению атаки, поддерживая боевой дух редкими пушечными залпами, так как опасались, что мусульманская конница внезапно перейдет в наступление. Но еще не были соблюдены все военные формальности. На рассвете в лагерь, размахивая белым флагом, прибыл арабский всадник с посланием для да Гамы.

«Мой повелитель, — торжественно объявил он, — сочувствует молодому предводителю португальцев в том, что он оказался так юн и глуп, что королеве-матери Эфиопии удалось провести его. Дело негуса проиграно, и для португальцев самым разумным будет сдаться». В качестве символа посланник привез да Гаме монашескую сутану и четки, пространно намекая, что тому следовало бы стать священником, а не воином. В ответ да Гама передал, что он прибыл по приказу великого льва морей, короля Португалии, чтобы вернуть трон пресвитеру Иоанну, и в ответ на мусульманский подарок он послал Грану пару щипчиков для выщипывания бровей и очень большое зеркало в знак намека, что тот — женщина.

Так, подобающим образом обменявшись оскорблениями, стороны приступили к битве. Гран окружил португальские укрепления и затянул петлю, подослав своих стрелков настолько близко, что португальцам приходилось постоянно покидать свои наспех построенные укрепления, чтобы заставить их отступить. Всякий раз, когда это происходило, Гран выпускал против португальской пехоты свою конницу, которая жестоко рубила португальских воинов.

Осада продолжалась весь день, и к наступлению ночи стало ясно, что португальцы должны либо прорываться через окружение, либо готовиться к гибели. Они спокойно погрузили свои вещи на мулов, поставили пушки на полозья и выступили клином, в центре которого была королева-мать. При первых лучах солнца они единым отрядом, играя на барабанах, с развевающимися стягами, вступили прямо в центр армии Грана. Это было равносильно самоубийству, и мусульман охватило ликование триумфаторов. Весь португальский отряд был бы сметен с лица земли, если бы удачный выстрел не свалил с ног коня Грана, ранив мусульманского полководца в бедро. Случилось невероятное — три его бело-красных стяга немедленно опустились, дав мусульманам сигнал к отступлению. Грана подобрали и унесли с поля битвы его слуги, и вся их армия устремилась прочь, подгоняемая нерегулярным эфиопским войском да Гамы, которое, как всегда, появилось с небольшим опозданием, чтобы кромсать на куски отстающих. Сами же португальцы слишком устали, чтобы присоединиться к погоне. Их потери были огромны. Четверть людей были ранены, включая самого да Гаму, пораженного выстрелом в колено, и им недоставало конницы, чтобы добиться победы. Они были как никогда убеждены в том, что Господь на их стороне, но с военной точки зрения битва была проиграна. Гран мог перераспределить свои силы, заручиться поддержкой союзников и в конце концов полностью уничтожить медлительную португальскую экспедицию, не располагавшую никакой поддержкой.

Почти год да Гама и его армия авантюристов черепашьим шагом двигалась вперед. Они приняли и пережили еще один суровый

бой, тщетно пытаясь добыть лошадей и связаться с Галаведосом. Но двигались наугад, будто бы в темноте. Молодой негус все еще опасался мусульманских набегов и отказывался покинуть свой неприступный лагерь, и пока португальцы продвигались все глубже, запутываясь в незнакомой враждебной стране, провалилась попытка их флота доставить в Красное море значительное подкрепление. Тем временем Гран тщательно собирал свои войска, набирая солдат не только в Африке, но и на другом берегу Красного моря, пока не смог выйти навстречу да Гама во всей своей мощи: с 800 турецкими стрелками, 600 арабскими и персидскими лучниками, армией, состоявшей из различных племен, и, самое впечатляющее, оружейным обозом с полевыми пушками! В его войске служили 30 турецких конников, подаренных лично пашой Зебида, вооруженных настолько роскошно, что даже их стремени были из чистого золота.

Битва разворачивалась по образцу предыдущей, но в этот раз превосходство противника над португальцами было полным. Вновь их пехотинцев окружили турецкие стрелки и конники. Пушки Грана громили португальцев, окруженных его конницей, и о продвижении вперед не могло быть и речи. Вместо этого да Гама и его люди постоянно делали вылазки за свои укрепления, используя сокрушительные удары португальской пехоты, чтобы прорвать смыкавшееся вокруг них кольцо окружения. Но всякий раз возвращались за свои укрепления, неся внушительные потери. Ни один воин не вернулся целым и невредимым из первой вылазки, и один за другим были убиты все португальские военачальники. Два брата, оба — старшие капитаны, пали на расстоянии нескольких метров друг от друга, и их тела лежали рядом. Да Гама был ранен в правую руку. Дважды турецкая конница прорывалась за частокол, и ее приходилось выбивать оттуда. В конце концов после спешного совещания с оставшимися начальниками да Гама отдал приказ к отступлению. Под прикрытием последней тщетной атаки они бежали, захватив с собой королеву-мать. Вскоре после этого произошло возгорание порохового склада, которое закончилось мощным взрывом, убив около сорока раненых португальцев, беспомощно лежавших в цен-

тре лагеря. Сам да Гама попал в руки врага. Говорили, что его предал дьявол в виде старой карги, приведшей турецких всадников к кустам, где он прятался. Юного португальского полководца доставили к Грану, что с видом триумфатора сидел перед насыпью, сложенной из 140 голов португальцев. Уже страдающего от сильной боли да Гама приказали раздеть и высечь. Его бороду покрыли воском и, скрутив ее наподобие фитиля, подожгли, выщипав ему ресницы и брови. Затем он был обезглавлен.

По иронии судьбы, его страшная гибель стала спасением Галаведоса. Гран, уверенный в том, что сокрушил главную угрозу, позволил своим турецким войскам рассредоточиться, а сам отступил к озеру Тана, чтобы восстановить силы. Там 21 февраля 1543 года его застигла врасплох большая армия под предводительством Галаведоса, внезапно появившаяся из-за холмов. С ним прибыли выжившие португальцы, вооруженные мушкетами, и некоторые из них наконец ехали верхом. В память о Кристобале да Гама они решили вступить в бой без нового предводителя и добились мести, когда португальский мушкетер застрелил самого Грана. Его голову незамедлительно доставили юному эфиопу и подвесили за волосы, протянутые через рот. Смерть предводителя стала поворотным пунктом мусульманского вторжения. Также она положила начало новым отношениям между Португалией и Эфиопией. Воинам-победителям, оставшимся от крошечной армии да Гамы, оказывалось большое уважение. Негус предложил им земли, знатных эфиопских жен и титулы, и многие из них решили остаться. По их следам прибыли португальские священники, выступившие с критикой коптского богословия, и архитекторы, создавшие по приказу негуса замки и дворцы.

Португальскому искусству суждено было еще сто лет влиять на развитие эфиопской культуры, и некоторое время негус даже признавал власть папы, пока мятеж, организованный борцами за независимость, не избавил страну от чужестранцев и их доктрин. Рискованное португальское предприятие в Эфиопии закончилось, как и начиналось, в атмосфере кровопролития и мученичества, что в конце концов разрушило мечту о пресвитере Иоанне.

Эфиопия

Многочисленные христианские памятники Эфиопии расположены в северной части этой страны. Это прежде всего города Гондар, Аксум, район озера Тана. Перелет из Москвы до Аддис-Абебы через Дубай или Каир. Далее местными авиалиниями (рейсы нерегулярные) или на автомобиле. Эфиопия страна бедная, хороших гостиниц, особенно в провинции, мало. Так как дороги находятся не в лучшем состоянии, то безопаснее всего отправляться в путешествие по Эфиопии на полноприводном автомобиле. Не особенно комфортные условия жизни будут с лихвой компенсированы возможностью, помимо осмотра самих исторических памятников, увидеть прекрасные горные пейзажи, особенно живописно озеро Тана с многочисленными островами и водопадом Тис-Иссад у истока Голубого Нила. Во все переезды с собой надо брать запас воды из магазина — с безопасной для употребления европейцами питьевой водой в Эфиопии проблемы.

КАМЕННЫЕ РАЗВАЛИНЫ ЗИМБАБВЕ

«За этой страной, — писал в 1517 году португальский хронист Эдуарду Барбоса, живший на побережье Мозамбика, — лежит великое царство Бенаметапы, где обитают язычники, которых мавры называют каффирами. Они чернокожие и ходят обнаженные по пояс». Позже португальцы предпринимали смелые попытки достичь этого внутреннего государства и других известных им по рассказам стран. Пока что они были вынуждены довольствоваться сплетнями прибрежных жителей.

Так же европейцы, возможно, встречали и тех, кто приходил из более далеких земель. Эти люди зачастую носили звериные шкуры, но желали приобрести хлопок, камлот и шелка, которыми были богаты лавки Софалы. Некоторые из них, самые знатные, носили шкуры, отделанные, словно кисточками, хвостами пушных зверей, и были вооружены «мечами в деревянных ножнах, обильно украшенных золотом и прочими металлами, которые они носят слева, как и мы...»

«Так же у них в руках дротики, а прочие имеют при себе луки и стрелы средних размеров, — продолжал хронист. — Железные наконечники длинные и остро заточены. Это воинственные люди, и среди них встречаются хорошие купцы».

В прибрежных сплетнях упоминалось несколько царств, расположенных в глубине континента, но государство Бенаметапы считалось самым могущественным из них. В пятнадцати — двадцати днях пути от побережья находится большой город Зимбаохе, в котором много домов из дерева и соломы. Он населен язычниками, и

царь Бенаметапы частенько там останавливается; этот город расположен в шести днях пути от Бенаметапы. Дорога туда идет в глубь континента от Софалы к мысу Доброй Надежды.

«Царь обычно пребывает в этом городе Бенаметапы, в огромном здании, и из этого места торговцы поставляют золото из центра материка в Софалу и не взвешивая меняют его у арабов на цветные ткани и бусы, которые у них очень ценятся».

Большие каменные развалины в юго-восточной части Зимбабве (бывшей Южной Родезии), ставшие всемирно известными руинами, расположены в 400 километрах по прямой от древнего порта Софала. Вполне вероятно, что «воинственные люди и торговцы», двигаясь от побережья, достигали их за двадцать шесть дней. Барбоса, правда, не упоминал больших каменных развалин, но другие португальцы описали их несколькими годами позже.

«В центре этой страны, — пишет Гоиш (родившийся в 1501 году, когда Барбоса впервые отправился в плавание по Индийскому океану), — есть крепость, сложенная из больших тяжелых камней... это занятное здание, построенное с большой сметливостью, согласно рассказам, на стенах не видно следов известкового раствора, которым бы скрепляли эти глыбы... в других местах упомянутой равнины есть и другие крепости, построенные по тому же образцу, каждой из которых управляет царский наместник. Царь Бенаметапы владеет огромным состоянием, и ему прислуживают на коленях, трепеща от благоговения». Де Барруш, делавший свои записи примерно тогда же и, вне всяких сомнений, использовавший в качестве источника информации все те же прибрежные сплетни, говорит о стене «шириной в 575 сантиметров».

На деле же ничто не указывает на то, что португальцы или прочие европейцы когда-либо достигали Большого Зимбабве. Если они все-таки попадали туда, то записи об этом либо утрачены, либо еще не опубликованы. В любом случае, они знали, что существовало несколько мест, называемых Зимбабве. Говоря о внутренних крепостях, де Барруш подчеркивает, что «местные жители именуют все эти сооружения Зимбаоэ, что на их языке означает «двор»,

ибо так можно назвать любое место, в котором может располагаться Бенаметапа. Они заявляют, что, будучи царской собственностью, все остальные жилища, принадлежащие царю, носят то же название».

Сегодня все стало более понятно. В Южной Африке много руин, и некоторые из них имеют большой размер и весьма интересное строение.

Многие квадратные километры покрыты террасами, не менее протяженными, чем те, которыми могут похвастаться «азанийцы» в Восточной Африке. Уже описаны тысячи древних горных выработок — возможно, 60 или 70 тысяч.

Большинство развалин и руин были обнаружены в южно-центральной внутренней зоне материка, включающей в себя Республику Зимбабве, южную пограничную полосу Республики Конго, западную границу Мозамбика и северный Трансвааль в ЮАР. В ходе более подробных исследований границы этой области древних построек и горных работ могут еще расширяться. «Правитель Бенаметапы, — сообщал Барбоса в шестнадцатом столетии своим читателям, — владеет поистине великой страной», — и в этих словах не было особого преувеличения.

Не все руины и развалины являются остатками «поистине великой страны». Возможно, в то или иное время царь Бенаметапы — Мономотапа прямо или косвенно правил большей частью территории современного Мозамбика и Зимбабве. Правда это или нет, разнобразные руины «культуры Зимбабве», разбросанные на большом расстоянии друг от друга, являются лишь неким «каменным отчетом» о долгом и сложном пути социального и политического развития. Оно относится к истории африканской цивилизации железного века и охватывает многовековой «строительный период».

Появившиеся во время этого долгого, но успешного, с точки зрения развития технологий и социального роста, периода африканской истории руины Большого Зимбабве в том виде, в каком они существуют сегодня, берут начало более чем тысячу лет назад. Хотя более простые строения исчезли намного раньше и могли созда-

ваться на развалинах еще более древних жилищ из дерева, соломы и глины. Самые ранние поселения способны были возникнуть еще в пятом или шестом веке. Но позднейшие из развалин Зимбабве, которые, включая и огромные стены, возвышаются над головой озадаченного зрителя на фоне голубого неба, возможно, были построены уже в 1700—1750 годах. Таким образом, стены Большого Зимбабве и «развалины домов», на которых они покоятся, могут считаться свидетельством более-менее продолжительного железного века, длившегося по меньшей мере 12 столетий.

Точная хронология строительства этих сооружений, столь величественных в высшей точке своего развития, все еще не определена, и может стать, вообще никогда не выяснится. Существуют несколько возможных датировок. Сам Большой Зимбабве, будучи феодальной столицей, объединявшей несколько племенных союзов и обладавшей определенным влиянием в южных землях, очевидно, достиг высшего расцвета в период с 1250 по 1750 год. В Мапунгубве, еще одном важном участке раскопок, расположенном южнее, на берегу реки Лимпопо в современном Трансваале, люди селились в течение некоторого времени — довольно длительного — уже до 900 года, и опустело оно не ранее восемнадцатого века, несмотря на то что там по очереди жили несколько народов. Большие, тонко отделанные строения в западной части Республики Зимбабве — особенно в Дхло-Дхло, Кхами, Налетали — скорее всего, относятся к семнадцатому или даже восемнадцатому векам. Большинство из террас на склонах холмов и строений с каменным фундаментом в восточной части Зимбабве (и западной границы Мозамбика) — Ниекерк, Иньянга, Пеньялонга — датируются тем же или даже более ранним временем, хотя все они могли быть построены на предыдущих поселениях, и некоторые определенно покоятся именно на них.

Несмотря на то что границы этого исторического описания весьма размыты, оно именно таково. Но можно взглянуть на проблему пристальнее и обогатить это описание подробностями реального человеческого опыта.

Зимбабве

Большой Зимбабве — это скопление каменных развалин, расположенных в нескольких километрах от главной дороги, связывающей Хараре, столицу Зимбабве, с Йоханнесбургом в Южной Африке. Эти развалины, наряду с прочими руинами, пользуются славой и уважением за умелое соединение глыб и сложность замысла, за высокие окружные стены и башни, круглые ворота и очевидную мощь, единство и упорядоченность.

Два строения выделяются на фоне остальных. Первое, известное как «Акрополь», является мощным оборонительным сооружением на вершине холма. Второе, называемое «Храмом» или «Эллиптическим зданием», покоится внизу, в долине. Они сделаны из местного гранита, умело отколотого от широких «листов» отслоившейся от скал горной породы. В целом комплекс сооружений, расположенных в долине или возвышающихся на каменных коях вверх, обладает некой целостностью и удивляет целесообразностью, которой нечего противопоставить.

На первый взгляд, зубчатые стены производят то же впечатление, какое они оказывали на случайных открывателей семьдесят и восемьдесят лет тому назад, — впечатление, которое вызвали бы древние крепости средиземноморской Европы. Ощущение силы и мастерства

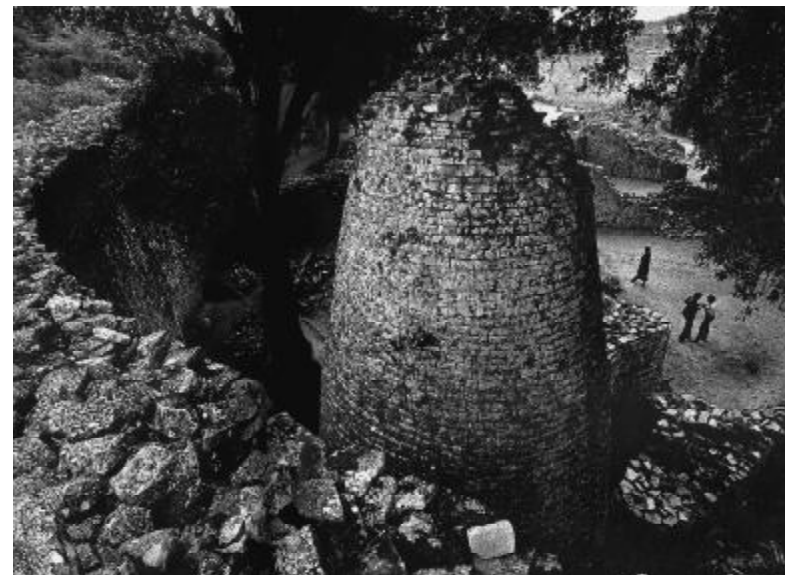
Птица из стеатита, мыльного камня, официальный символ древнего Зимбабве

остается и при более пристальном рассмотрении, но экзотический образ исчезает. Чем больше размышляешь об этих зданиях, тем больше они кажутся созданными местными умельцами и искусниками, трудившимися, не испытывая никакого внешнего архитектурного влияния, способного помочь или направить их фантазию в определенное русло. Эти строения во всем отличаются оригинальностью, кажется, ничем не обязанной остальному миру.

Интересно не только то, что стены впритык соединены друг с другом без раствора. Это было отличительной чертой азанийской каменной кладки, подобные образцы можно увидеть и севернее — в стенах Джебель-Ури в Дарфуре. Поражает тот факт, что крепостные здания словно сами по себе выросли из огромных глыб, и так являющихся отличными оборонительными укреплениями, и строения, от которых остались фундаменты, кажется, были созданы в попытке построить из камня то, что раньше строили из глины и соломы.

Так или иначе, тогда, как и сейчас, повсюду лежали огромные пласты отслоившегося гранита, и уже имелась необходимость в строительстве внушительных зданий. Требовалось лишь немного воображения, чтобы превратить эти блоки в хорошие каменные «кирпичи» или отщепить их еще больше, разведя на скалах огонь. В железном веке начиная с первого тысячелетия до н.э., в стране усиливалась централизованная власть — практически тогда же, когда и в Западном Судане, и это неизбежно вызывало необходимость защищаться от соперников и демонстрировать богатство и могущество. Научившись обрабатывать железо и испытав политические амбиции, люди столкнулись с теми же явлениями, что и в остальном мире.

С течением времени простая каменная кладка превратилась в арочные ворота, двери с деревянными перемычками, ступенчатые ярусные ниши и альковны, крытые коридоры, платформы, встающие стройными силуэтами монолитов, и прочие черты, свойственные Зимбабве. Крепостные стены росли все выше и выше, пока не достигли величия и неприступности, заметных и сегодня: «Эллип-

Развалины башен Большого Зимбабве, возведенных в XIV веке, когда торговля золотом и слоновой костью с арабами была в самом разгаре

тическое строение» имеет девяносто метров в длину и около семи-десяти метров в ширину, а окружающие стены достигают девяти метров в высоту и шести в ширину.

Эти стены защищают место, где жил правитель могущественного государства. Они были покрыты лепниной, которая либо скопирована с образцов на берегу, знакомых торговцам, путешественникам и государевым посланникам, либо придумана на месте. Стены охраняли загадки тех, кто плавил золото и другие металлы. Другие — поблизости — скрывали птицеподобных богов из стеатита (мыльного камня) и дома-храмы божественных правителей, чья сила

тоже росла с годами. Сверху люди громоздили глиняные и каменные постройки, сосредоточенные то тут, то там и становившиеся с развитием ремесел и торговли все более многочисленными. Их влияние распространялось на тех, кто отправлялся на побережье, а их странные рассказы долетали до морских держав Европы, заставляя ученых мужей в библиотеках думать, что наконец-то найден престол самого пресвитера Иоанна, легендарного правителя внутренней Африки.

Эти истории были приукрашены, но, если поразмыслить, не так уж сильно. Не будучи пресвитером Иоанном из затерянного христианского мира, Мономотапа был религиозной фигурой отнюдь не нищенского ордена. Он не являлся правителем всей внутренней Африки, но, без сомнения, был главой феодального государства, объединявшего разные племена, чей авторитет в период расцвета правления простирался на земли, что были ненамного меньше, чем Мали, унаследованный его современником Канкой Мусой. Его двор не сиял великолепием дворов Священной Римской империи или Англии эпохи Пантагенетов, а его слуги были безграмотны. Но в глазах людей того времени, по крайней мере, в Африке и в Европе, он выглядел богатым и представительным.

И, если верить записям, европейцы так до него и не добрались. Из внешнего мира сюда не попадал никто, кроме торговцев, получивших особое разрешение, и путешественников с побережья — африканцев и арабов, не оставивших после себя никаких письменных следов. Образ жизни внутренней цивилизации, ее боги и обычаи, учения, верования и общественное развитие вращались исключительно вокруг своей собственной оси. Они достигли большого развития, но не осуществили революционного разрыва с традицией. На них не влияли внешние культуры, которые могли бы оплодотворять культуру местную, принося хорошие результаты. Но истинное величие достижений этих южных строителей лучше всего мерить степенью изолированности, в которой они пребывали.

Копи царя Соломона?

Когда европейцы впервые увидели Зимбабве, они не поверили, что предки знакомых им африканцев — «туземцы», чью землю они изучали и готовились захватить, были способны построить эти каменные стены и массивные здания.

Старатели, охотники, первопроходцы — все воспринимали Зимбабве и похожие развалины, о которых время от времени докладывали как о странном чуде, воздвигнутом в неизвестном, но, очевидно, отдаленном прошлом, в стране, где люди строили только из глины и соломы. Лишь Фредерик Селоус, мудрейший из них, позднее утверждал, что африканцы сохранили свое искусство каменного строительства, пусть даже в упрощенной форме, еще в конце девятнадцатого века...

Но остальные соглашались с Рендерсом, странствующим охотником. Он увидел Зимбабве в 1868 году и придерживался о нем невысокого мнения. Или с Маухом, немецким геологом, достигшим Зимбабве в 1872 году и объявившим по возвращении, что он явно творение рук цивилизованных людей античности — подобных европейцам первопроходцев в этой забытой земле.

«Эта крепость на холме, — говорил Маух, — без всякого сомнения, была копией храма царя Соломона на горе Мории, тогда как огромное строение в долине — «Эллиптическое здание» — также, несомненно, было копией дворца, где царица Савская оставалась во время пребывания в Иерусалиме в X веке до н.э.»

К рассказам этого путешественника мало что было добавлено, пока в 1890 году британская колонна из Бечуаналенда, вставшая лагерем в семидесяти милях от Большого Зимбабве, не встретила с великолепием этого серого великана, возвышающегося среди уединенности холмистой саванны. Столкнувшись с народом магона — его они сочли совершенно диким, — первопроходцы, по крайней мере, те, кого заботили не только их непосредственные цели, с легкостью поверили версии Мауха о происхождении Зим-

бабве. «Сегодня, — написал один из них в 1891 году, когда имперская Британия успешно овладела Машоналендом и Матабелелендом (в будущем они превратились в Южную Родезию), — в стране Офира англичанин вновь открывает сокровищницу античности». По прошествии нескольких лет он продолжил эту же тему в своих записях: «Можно ожидать, что изображение королевы Виктории отчеканят на золоте, которым царь Соломон украшал свой трон из слоновой кости и оплетал кедровые колонны своего храма». Эта оптимистическая точка зрения, пусть даже немного преувеличивающая факты, жила долгое время и существует и по сей день.

Этому есть свое объяснение. Португальцы, позаимствовавшие предание у арабов, связали золото Софалы с сокровищами Офира, и эта версия стала настолько популярной в Европе, что подарила Мильтону одно из царств, которые показывает Адаму падший ангел в «Потерянном рае». Первопроходцы 1890 года, естественно, надеялись найти золото, а Офир, скорее всего, находился где-то поблизости. Более того, они и подобные им не могли тогда поверить — как не могут и сейчас, что эти развалины каким-либо образом связаны с местным населением, которое они презирали, считая примитивным и диким.

Это отношение усугубилось в ходе завоевательных войн в Матабелеленде и Машоналенде. «Принцип стрельбы по неграм без предупреждения, — заявлял корреспондент газеты «Матабеле таймс», отстаивая необходимость прекращения политики такой стрельбы, — напоминает законы Доннибрукской ярмарки (перен. галдеж, базар) и является скорее развлечением, нежели оправданным средством. Мы поступали так до сих пор, сжигая краали, потому что они были местными краалями, и паля в спасающихся бегством туземцев только потому, что они были черными». Было слишком самонадеянно ожидать от этих первопроходцев, что они подумают, будто подобный «сброд» или какие-либо его соседи могли построить Зимбабве, — самый впечатляющий памятник исчезнувшему великолепию из когда-либо виденных ими, и легенда Офира, естественно, прочно утвердилась.

Археологам, пришедшим сюда позднее, эта «Легенда Офира» принесла горькое разочарование. Ведь если бы Машоналенд подарил Соломону его золото, он должен был делиться им с каждым, кто пришел бы и начал искать. К 1900 году в Машоналенде и Матабелеленде было зарегистрировано около ста сорока тысяч заявок на добычу золота, и более половины из них приходилось на участки проведения древних горных работ. Оказалось разрушено большинство древних свидетельств выработки золота, но это ничто по сравнению с тем ущербом, что был причинен самим развалинам.

Исследователь по имени Поссельт занялся разграблением развалин уже в 1880 году. Не достигнув успехов в поисках золота, он открыл несколько крупных птиц из мыльного камня, которыми позднее прославился Зимбабве, и заметил в ходе раскопок, что его носильщики относятся к руинам с трепетом, «салятся и торжественно приветствуют их, хлопая в ладоши».

Главные ворота Зимбабве, как обнаружил Поссельт, находились в разрушенном состоянии, часть стены провалилась. «Мы вскарабкались на стену и шли по ней до конической башни. Внутри все было покрыто густым кустарником, большие деревья высились над порослью, и с них свисало множество лиан — «обезьяньих канатов», по которым мы спустились и вошли в развалины. Я не видел никаких человеческих останков или орудий, и надежда найти какие-нибудь сокровища не оправдалась. Надо всем царил глубокая тишина».

За ним с готовностью последовали другие. В 1895 году старатель по имени Нил, вместе с еще двумя вкладчиками из Йоханнесбурга — почтенным Морисом Джиффордом и Джефферсоном Кларком — основали предприятие, которое они назвали «The Ancient Ruins Company Limited» («Древние руины лимитед»). Они взяли под этот проект концессию у Британской южноафриканской компании, чтобы «исследовать все древние руины к югу от Замбези». Кампания началась в 1900 году, очевидно, по приказу Сесилия Родса, а в 1902 году только что созданный законодательный совет Южной Ро-

дезии издал декрет о защите древних руин. «Но нанесенный ущерб, — комментирует чиновник Шофилд, — был огромен, так как со всем, кроме золота, обращались очень небрежно».

В 1902 году Нил заявил, что лично исследовал сорок три из ста сорока существующих древних развалин, прочие, без сомнения, занимались тем же или почти тем же. Несмотря на то что за пять лет компания нашла не более пятнадцати килограммов золота — впрочем, если перевести счет на музейные объекты, вес получается значительный, — никто никогда не узнает, сколько золотых изделий было обнаружено другими исследователями, переплавлено и исчезло навеки или какой еще был нанесен ущерб. Лишь сокровища Мапунгубве, найденные и бережно сохраненные учеными в Северном Трансваале примерно сорок лет спустя, могут дать представление о том, что эти «исследователи Офира» обнаружили и разрушили.

На фоне всего археологи, обладавшие куда меньшими сведениями, нежели теперь, не могли объяснить происхождение самих строений. Трудности возрастали, поскольку было известно, что матабеле в любом случае являлись чужеземными завоевателями в этой стране. Так появились две гипотезы: «финикийская» и «средневековая».

Согласно первой теории Зимбабве существовал «по меньшей мере, три тысячи лет»: было два основных периода строительства, ранний — сабейский — с 2000 до 1000 год до н.э. и второй, «финикийский», — чуть раньше 1100 года до н.э. В этой гипотезе говорилось о первопроходцах «земли Офир», и согласно ей не существовало никаких сомнений в том, что туземцы никогда не прикладывали руку к этому творению цивилизации. Постоянно предполагалось, что тот или иной народ античной эпохи влиял на Зимбабве в разное время.

«К вящей славе далекой заморской родины, — писал в 1950 году господин Б.Г. Пейвер, позднейший из обладавших изрядной долей фантазии сторонников этой гипотезы, — иностранцы создают в Африке новое государство». Он имеет в виду сообщества белых

поселенцев Британской Центральной Африки, надеявшихся в будущем получить статус «доминиона». «В то время как они строят и копают, мечтают и умирают, не использует ли их история, чтобы повторить саму себя? Направила ли далекая родина своих сынов, которые, подобно иностранцам в Африке, и копали, и строили, и рассеялись под натиском захватчиков? Этой ли дорогой должны мы следовать по долине времени?»

Конечно же нет, отвечает вторая гипотеза: вы не замечаете свидетельств, которое находится у вас под носом. Эти руины относятся к местной африканской цивилизации. Они были построены прямыми предками африканских народов, которыми вы правите, и произошло это не так уж давно — намного позже, чем саксонская Англия столкнулась с нашествием викингов и норманнов.

Вердикт очевидных доказательств

Вторая теория — археологически и научно обоснованная — впервые была озвучена Дэвидом Рэндэлл-Макивером, египтологом, изучавшим каменные развалины Южной Родезии в 1905 году. Основываясь на исследованиях семи участков, на которых ни он, ни кто-либо еще не обнаружил ни единого предмета, «относящегося к периоду, предшествовавшему четырнадцатому или пятнадцатому столетиям», он сделал вывод о том, что руины Большого Зимбабве и подобные им были африканскими по своему происхождению и датировались Средними веками или чуть более поздним временем.

В архитектуре, «бытовой или же военной, нет ни следа восточного или европейского стиля какого-либо периода», в то время как «характер сооружений, составляющих неотъемлемую часть этих каменных развалин, несомненно, является африканским», и «ремесла и производства, представленные предметами, найденными в жилищах, являются типично африканскими, за исключением случаев, когда предметы являются привозными товарами хорошо известного средневекового периода».

Этот вердикт, сделанный первым квалифицированным археологом, исследовавшим руины (более того, он был первым, кто уважительно отнесся к культурным слоям), сторонники «финикийской» гипотезы встретили с изрядной долей раздражения и неприятия. Бушевали такие споры и тщательно скрывались настолько взрывоопасные политические и расистские намеки, что четверть века спустя Британская ассоциация, пославшая в Африку Рендэлла-Макивера, отправила туда и вторую экспедицию. Она была доверена умелым рукам доктора Гертруды Кейтон-Томпсон, чей отчет «Культура Зимбабве» с изящностью и прозрачностью алмаза, так же как и с выдающейся археологической проницательностью, подтвердил то, что ранее сказал Макивер. Эта и поныне классическая работа английской археологической школы сегодня остается если не последней инстанцией в суждениях о Зимбабве и его башнях, то необходимым проводником для всякого, желающего понять сей предмет в деталях.

«При анализе всех существующих объектов, собранных на участках, — заключает Кейтон-Томпсон, — все еще не было найдено ни одного предмета, не связанного по происхождению с банту и не датированного бы Средними веками». А чуть дальше исследовательница добавляет: «Я определенно не могу согласиться с часто повторяемым и компромиссным предположением, что Зимбабве и сходные с ним строения были построены местными рабочими под руководством «высшей» чужой расы или же наблюдателя». Без сомнения, могло присутствовать и внешнее влияние: коническая башня может быть результатом имитации арабских минаретов, увиденных на побережье Индийского океана, тогда как лепнина вдоль окружающих стен может иметь своих мусульманских предшественников (как это имело место на руинах города десятого века Каракходжа в Китайском Туркестане). Но строители при этом были африканцами, и государство, к которому они принадлежали, было также африканским.

Эта версия происхождения Зимбабве выдержала все серьезные возражения с тех пор, как ее выдвинула Г. Кейтон-Томпсон.

В свете последних свидетельств она, очевидно, подлежит пересмотру только по двум пунктам. Радиоуглеродный анализ показал, что самая ранняя из возможных дат начала строительства относится ко времени, предшествующему европейскому средневековому периоду, а тип людей, начавших тут свою созидательную деятельность, — согласно находкам костей в Мапунгубве, что можно использовать и для исследований в Зимбабве, — мог отличаться от говорящих на языках банту народов, построивших позднейшие здания, чьи прямые потомки так хорошо известны теперь. Если и они на самом деле отличались так же, как в Мапунгубве, то эти отличия проявлялись в более выраженной смеси готтентотов и негроидов, чем та, что наблюдается у говорящих на банту народов позднейшего времени, и от этого они были не менее родными Африке...

Обширные выводы, сделанные Кейтон-Томпсон более полувека назад — так же как и до нее Рэндэллом-Макивером и другими учеными, работавшими в этой области, уже после нее, к примеру, Саммерсом, — основываются на разнообразных материальных свидетельствах: на китайском фарфоре, поддающемся датировке, на бусах из Индии и Индонезии, которые тоже до некоторой степени поддаются датировке, и на прочих предметах, ввезенных из других стран. Кроме того, учитывалось возможное направление эволюции местного каменного строительства, которое медленно продвигалось от концепции хижины из глины и соломы к имитации оной в камне, а уже оттуда к высоким строениям Зимбабве. Это не противоречит тому, что известно о традициях и религии народностей банту. Вполне возможно, что они с успехом использовали то многое, чему португальцы смогли научиться у африканских и арабских «прибрежных» путешественников.

«В центре этой страны, — написал, полагаясь на слухи, де Барруш в 1552 году, — находится квадратная крепость, каменная снаружи и изнутри, построенная из огромных глыб, и не видно, чтобы они соединялись между собой раствором. Стена имеет ширину 575 сантиметров и не очень высока по отношению к ширине. Над дверью этого здания сделана надпись, которую некоторые маври-

танские купцы, ученые мужи, приходившие туда, не могли ни прочесть, ни сказать, каково ее примерное содержание. Крепость почти со всех сторон окружена холмами, на каждом из которых тоже стоит по крепости, похожей на первую каменной кладкой и отсутствием строительного раствора, а одно из этих строений представляет собой башню более чем двадцати двух метров в высоту».

Возможно, причудливое описание полно ошибок, но это — строки, посвященные именно Зимбабве, сохранившемуся до сегодняшнего дня, хотя почти наверняка стены его были перестроены в позднейшее время. *Квадратная* форма крепости — конечно же преувеличение: не имеется свидетельств, что нечто подобное когда-либо существовало в Родезии, в то время как упомянутая тут надпись, возможно, была не чем иным, как украшением — лепным фризом, венчавшим более новые стены...

Стоит отметить, что данное свидетельство намного серьезнее, чем какие-либо из уже обнаруженных во внутренних районах Кении, Танзании или Уганды, и это потому, что оно включает сведения о прибрежной торговле. Данный род деятельности, в ходе которого в Южную Африку поставляли китайский фарфор и другие товары стран Индийского океана, кажется, не продвинулся дальше на север. Если же ему все-таки удалось это сделать, следы торговли еще предстоит там обнаружить. Но тут, на юге, свидетельства более серьезны, так же как и здания этого южного железного века более впечатляющи, более развиты с технической стороны и свидетельствуют о большем социальном единстве, чем каменные руины Восточной Африки.

Между развитой торговлей и этими обширными руинами существует нечто большее, чем просто случайные связи. «Торговые отношения с Индией, — замечает Кейтон-Томпсон, — определенно были прочными, и я полагаю, что торговля явилась одним из основных стимулов, приведших к развитию местной культуры Зимбабве». Воины и торговцы из глубинки, как называл их Барбоса, должно быть, достигли могущества в их железный век не только потому, что умели применять железо, но и потому, что имели мно-

жество торговых связей с внешним миром. Таким образом, они процветали и развивались под воздействием того же стимула, который давала побережью океанская торговля или старому Судану — торговля в Сахаре.

Можно задаться вопросом о причинах того, почему все это произошло именно здесь, в южных районах Центральной Африки, а не на севере, расположенном географически ближе к Индии и Аравийскому полуострову. Ответ будет полным, когда археологи и историки как следует изучат эту проблему. Но, скорее всего, он будет основываться на одном большом различии между двумя регионами: медь и золото имелись в изобилии на юге и почти отсутствовали на севере. А как вновь и вновь подтверждают ранние записи, эти металлы были именно тем, что по достоинству оценили первые чужеземные торговцы в Африке. В поисках их они почти всегда были вынуждены продвигаться далеко в глубь континента. Тем самым пришельцы оказывали на более южные районы влияние, стимулировавшее рост и развитие, отсутствовавшие или гораздо менее выраженные на севере. Эта цивилизация железного века Южной Африки была прежде всего горнодобывающей цивилизацией, и конечно же направление ее развития было тесно связано с судьбами прибрежной торговли.

Вопрос о том, насколько тщательно многочисленные горные рудники этой древней земли контролировались строителями и правителями крепостей, дворцов и каменных селений, остается открытым. Взаимоотношения между рудниками и зданиями являются центральной неразгаданной загадкой железного века Родезии и могут содержать в себе ключ к подробной хронологии периода с шестого по шестнадцатое столетие. Тут существует много сложностей. В 1929 году Вагнер показал, что границы древних горных разработок — по добыче золота, меди, олова или железа — гораздо более обширны, чем известные границы древних руин, и получается, что Большой Зимбабве сам по себе не был связан с горнодобывающими работами, хотя там было обнаружено много свидетельств о плавке металла.

Несмотря на все сказанное, старые шахты, тысячами тянущиеся по южному внутреннему району от границы бывшего Бельгийского Конго (современный Катангский медный пояс) к Наталу (в ЮАР) и Бечуаналенду (Ботсвана), сыграли решающее значение в развитии и процветании культуры Зимбабве. Грохот ее железных кирок и жар ее угольных печей являлись таким же важным фоном средневековой Родезии, каким были железные дороги для Европы позапрошлого столетия. К восемнадцатому веку, если ненамного раньше, медные полоски и болванки H-образной формы являлись признанной местной валютой, эти племена и народы вращались в границах своего времени и пространства, живя уже в эпоху металлов.

Кто они были? Точная хронология еще не дается исследователям, но между авторитетными учеными существует согласие не только относительно последовательности событий, но и по поводу того, какого типа народы в них были включены.

Средневековая Родезия

По мысли Кейтон-Томпсон, фундаменты Зимбабве «принадлежат к периоду между девятым и тринадцатым веками и, возможно, к чуть более позднему времени, когда... как показывает наличие фарфора, в этих местах буквально кишела жизнь». Но первое здание, по ее мнению, на столетие или два старше самой ранней даты. Зачатки культуры Зимбабве, таким образом, относятся к тому же времени, когда Эль-Масуди, сообщавший о прибрежных государствах зинджей, описывал «страну Софалу, где в изобилии встречается золото и другие чудеса».

Серия радиоуглеродных тестов подтвердила истинность этого высказывания и дополнила его некоторыми новыми фактами. В контролях, проведенных в 1952 году в Чикаго и повторенных в 1954 году в Лондоне, использовались два кусочка дренажной древесины, обнаруженной в основании одной из стен «Эллиптического здания». В ходе опытов выяснилось, что эти фрагменты относятся ко времени между 591 (плюс-минус сто двадцать лет) и 702 го-

дом н.э. (плюс-минус девяносто два года). Эта датировка не столь точна и надежна, как может показаться. Частично из-за того, что временные рамки обескураживающе широки — от пятого века до конца восьмого, а отчасти и потому, что в тестах использовалась древесина африканского сандалового дерева, известного своей долговечностью. Строители могли использовать ее намного позднее срока жизни дерева или употребить при возведении каменных стен уже после того, как кто-то другой использовал его для сооружения других, не сохранившихся построек...

Таким образом, раскопки в Зимбабве продолжились. В 1958 году Саммерс и Робинсон исследовали основания «Акрополя» и «Эллиптического здания», надеясь по возможности выяснить, относятся ли «пепельный слой» или «культурный слой», как известно, залегавшие под этими постройками, к другому поселению. Кейтон-Томпсон оставила этот вопрос открытым, хотя и склонялась к версии, что «культурный слой» был создан самими строителями, возможно, в восьмом или в девятом веке, когда они возводили первые строения. Но работы, проведенные в 1958 году, показали, что скорее всего там существовало более раннее поселение, и позже тому было получено подтверждение.

Отсюда справедливо утверждение, что те или иные народы каменного века жили на месте Большого Зимбабве в шестом или седьмом веках, а возможно, и в более раннее время. Из работы Кларка по водопадам Каламбо нам известно, что железный век начался на этом южном плато в начале первого тысячелетия. Участок Каламбо мог быть не единственным ранним поселением железного века: хотя рядом с самим Зимбабве не обнаружено следов добычи и выплавки железа, процессы роста и миграции, начавшиеся под влиянием технологии обработки железа, практически наверняка вынудили людей осваивать все новые места.

Есть еще одно предположение, говорящее о том, что самое раннее докаменное строительство в Зимбабве осуществляли готтентоты или другой южноафриканский народ, уже умевший использовать металлы.

О перемещениях народов по южной части Центральной Африки в Средние века и более позднее время мало что известно. Как эти скудные исторические познания сочетаются с археологическими находками? Пока что не особо хорошо. Но большинство видных исследователей сейчас пытаются выделить три основных периода в истории Зимбабве: домотапский, момотапский (первый шона) и шангамирский (второй шона).

Первый из них подошел к концу в двенадцатом веке, но когда он начался — пока точно неизвестно. Обычно в качестве самого раннего срока указывается четырнадцатое столетие. Саммерс назвал этот период временем людей А1 родезийского железного века, которые научились использовать и обрабатывать железо, — это умение, как и они сами, скорее всего, пришло с севера. Они селились там, где позднее начали строить дома из камня.

Возможно, эти народы были первыми говорящими на языках банту жителями Родезийского плато. Современный народ сото называет своих предков батонга, и есть некоторые основания полагать, что они и были той нахлынувшей на юг ранней волной великого переселения народов, которые вместе с железом и прочими вещами дали рождение предшественникам современного местного населения большей части материковой Африки. Когда они появились, к какому именно расовому типу принадлежали, насколько напоминали поселенцев Каламбо раннего железного века, вытеснили ли они, к примеру, людей, создавших «культурный слой» в Зимбабве или образовали его сами, — все эти вопросы остаются без ответов, и найти их в принципе невозможно.

Но приток людей, в основном с севера или северо-запада, продолжался столетиями. Примерно в двенадцатом веке люди племен шона, великие первопроходцы большей части Африки южнее Сахары, отправились из Замбези на юг и заняли Зимбабве. Археологам они известны под названием людей В1 родезийского железного века, и их владычество над Зимбабве, очевидно, продлилось до 1450 года. Затем они во главе с вождем титула Мванамутапа (Момотапа) объединили большую часть Южной Родезии и зна-

чительную территорию Мозамбика. За этим последовали феодальные войны. Южные правители отправились прочь, основав свою собственную империю, возглавляемую человеком, титулованным Шангамире или Мамбо. Эти правители строили впечатляющие крепости и каменные поселения в Налетали, Дхло-Дхло, Регине, Кхамми и других местах. Еще южнее, за Лимпопо, другие ветви того же народа — розви и венда — заняли Мапунгубве и соседнюю местность.

Вскоре после 1500 года эти южные вожди перестроили сооружения в Большом Зимбабве, предположительно, увеличив их, и этот облик в основном сохранился до наших дней. В 1834 году завоеватели нгуни пришли с юга на север и разрушили это государство, потревожив спокойствие южной цивилизации почти так же, как северные кочевники, разрушившие когда-то более древнюю и не столь развитую технически культуру «азанийцев» в Восточной Африке.

Краткая история завоеваний может ввести в заблуждение кого угодно, если понимать ее слишком буквально. То, что известно о прошлых сообществах — а Мапунгубве пролил на это достаточно света, — показывает, что не существовало такой механической последовательности народов, полностью сменявших друг друга. Было нечто большее, чем смена одной мощной правящей группировки другой. Каждый вождь и его воины завоевывали, побеждали, оставались жить на захваченных землях и, без сомнения, беря в жены женщин из местного населения, быстро сливались с побежденным народом.

Несмотря на то что правление осуществлялось различными чужаками, в поселениях на южном плато Родезии и соседних с ней стран, вероятно, непрерывно шли социальные процессы. Возможно, если употреблять археологические термины, племена ярко выраженного негроидного типа постепенно сменились людьми-негроидами. С точки зрения социологии эти медленно развивавшиеся народы родезийского железного века прошли через устойчивый процесс роста, физическое воплощение которого выражалось, по нашей оценке, в развитии архитектуры. Если взглянуть с экономи-

ческой точки зрения, их прогресс был связан с устойчивым развитием торговых связей с побережьем в основном через торговлю металлами и слоновой костью, а также закупками изделий из хлопка и предметов роскоши. Эти народы не только не оставались, по выражению некоторых ученых, «неразвитыми и не пребывали в первобытной дикости», покуда «пышные исторические картины проносились мимо», напротив, они активно и успешно прогрессировали.

В таком состоянии находилось изучение данной проблемы, когда люди наконец забрались на холм Мапунгубве.

Золотые погребения Мапунгубве

Находки, сделанные в Мапунгубве, имеют важное значение по двум причинам. Во первых, они богаты скелетным материалом, золотыми и прочими предметами, а во-вторых, поскольку компания «Древние руины лимитед» не разграбила этот участок, почти ничего не было тронуту, и появилась возможность определить, где что находится.

Мапунгубве — небольшое отвесное со всех сторон плато из песчаника — всего лишь один из многих подобных холмов, возвышающихся в охристо-голубом уединении трансваальских пустошей. Он расположен чуть южнее Лимпопо, разделяющей современные Южную Африку и Зимбабве, рядом с бродом через эту неторопливую реку, которым можно пользоваться десять месяцев в году. Севернее, менее чем в трехстах километрах к северо-востоку, над широким горизонтом вельда высятся руины Большого Зимбабве.

Даже сейчас эта страна остается дикой и редконаселенной. Когда около полувека тому назад были извлечены на свет потрясающие находки, большая часть ее территории была едва изучена. Там расхаживали слоны и львы, и многие фермерские хозяйства использовали лишь несколько недель в году для охоты. У белого населения не отмеченной на карте страны, состоящего, по преимуществу, из буров, издавна ходили предания о «священном холме»,

где, по слухам, неизвестные предшественники народа венда зарыли свои сокровища. Говорили даже, что один из белых людей, более семидесяти лет назад перенявший обычаи и привычки местных жителей, нашел священный холм и забрался на него.

В 1932 году фермер-исследователь по имени ван Граан тоже решил найти его и подняться, если получится. Он знал, что сделать это будет непросто, так как местные жители всегда считали Мапунгубве запретным местом. «Для них он был «местом страха», даже после того как белые открыли его, — писал Фуше, — африканцы старались не указывать на него, и даже когда с ними говорили о холме, они старались стоять к нему спиной. Взойти на него означало верную смерть. Он был посвящен их великим предкам, зарывшим там сокровища».

Ван Граан вместе с сыном и еще тремя людьми в конце концов нашли африканца, выдавшего им столь долго хранимый секрет. Он указал холм — около тридцати метров в высоту и трехсот метров в длину — и тайную тропу наверх в узкой расщелине в скале, скрытой за деревьями. Открыватели прорубили в колючем кустарнике дорогу, и, добравшись до тропы, увидели, что исчезнувшие жители Мапунгубве проделали в расщелине небольшие дыры одну напротив другой, словно созданные для перекладин лестницы. Карабкаясь изо всех сил, они взобрались по ним на вершину холма, и обнаружили там невысокую грудку камней, где большие глыбы покоились на маленьких, словно ожидая, что их обрушат на незваных гостей, явившихся этим путем.

На плоской и довольно небольшой вершине холма были разбросаны глиняные черепки. Копнув рыхлую песчаную почву, исследователи обнаружили бусы и кусочки железа и меди. Но им, как и всей исторической науке, повезло. Лишь несколькими неделями раньше ливень местами смыл верхний слой почвы. В одном из обнажившихся мест старший ван Граан увидел нечто желтое и блестящее. Он поднял это и понял, что держит в руках золото.

Фуше рассказал о том, что случилось дальше. «Начался волнующий поиск. Вскоре члены экспедиции стали находить золотые

бусины, браслеты и тонкие пластинки. На следующий день — первый день 1933 года — команда продолжила изыскания, раскапывая рыхлую почву ножами. Находили большие куски листового золота, некоторым из которых была придана определенная форма. Среди них были остатки небольших носорогов из тонкого листового золота, прикрепленного золотыми гвоздиками к деревянной или другой основе, уже исчезнувшей. К фигуркам были таким же образом приделаны уши и хвосты из цельного золота, сделанные с большим изяществом. Вскоре члены экспедиции наткнулись на тщательно закопанный скелет, но при соприкосновении с воздухом череп и большинство костей обратились в пыль».

Соблазненные всем этим — а также двумя с лишним килограммами золота, найденного в захоронении в виде утвари, бусин и украшений, — открыватели сперва решили сохранить его и никому ничего не говорить. «Это, — по словам Фуше, — был самый драматический миг в истории Мапунгубве». К счастью, у ван Граанов возникли затруднения, и юный ван Граан, учившийся в Претории у Фуше, вскоре решил рассказать о находках своему старому наставнику и послал ему некоторые из них.

В свою очередь, Фуше отослал образцы Пирсону, заместителю директора Королевского монетного двора в Претории. Тот определил, что они сделаны из золота высокой пробы. Более того, они оказались первыми коваными золотыми предметами, когда-либо найденными в Южной Африке, и их археологическое значение и для самой Южной Африки, и для проблемы исследований в Зимбабве в целом было очень велико. На место сразу же прибыл профессор ван Рит Лове, произведший предварительный осмотр участка. Также был объявлен розыск трех спутников ван Гранов. Он оказался успешным: все золотые и прочие предметы, унесенные ими, удалось вернуть.

Тем временем ван Рит Лове заявил, что на вершине холма может быть не менее нескольких десятков тонн грунта, «большая часть которого имела вид специально принесенной наверх из окрестных районов земли». Это явно был участок чрезвычайной важ-

ности, причем практически нетронутый. Правительство страны действовало с похвальной быстротой и вскоре приобрело у отсутствовавшего владельца «ферму» Грифсвальд, на территории которой и находился Мапунгубве. Ответственность за проведение исследований в Мапунгубве была возложена на университет Претории, и раскопки были объявлены делом национального значения.

Археологам сопутствовала та редкая и удивительная удача, которая порой бывает столь необходимой. находка скелета стала лишь началом целой серии открытий. Работая в одиночку в 1934 году, один из исследователей, ван Тондер, открыл обширный участок захоронений. Он смог дать научную оценку золотым и другим металлическим предметам, так же как и фрагментам двадцати трех скелетов. Это было первое более-менее сохранившееся аутентичное «царское захоронение», относящееся ко времени, предшествующему появлению в Африке европейцев. Рядом с одним из скелетов было найдено еще два килограмма золота в различных формах, а ноги третьего скелета оказались «покрыты сотней браслетов из закрученной в спираль проволоки». Так же было обнаружено несколько предметов искусно сделанной золотой утвари и около двенадцати тысяч золотых бусин».

Результаты работ на этом участке — и еще в двадцати местах поселений на южном берегу Лимпопо западнее и восточнее Мапунгубве — составили внушительный том, изданный в 1937 году. После этого вплоть до 1955 года проблема Мапунгубве — области невиданного прогресса чернокожих людей в стране, которой правили белые, была окутана странной тишиной. А сделать оставалось довольно много. Подводя итог собственным изысканиям и трудам коллег, Фуше сказал, что «к июню 1935 года было исследовано около двух тысяч тонн культурных отходов, но на вершине и вокруг холма, вероятно, оставалось сто тысяч тонн «мусора», к которым даже не притрагивались». Далее он пишет: «Можно сделать, по крайней мере, одно заключение; исследования в Мапунгубве должны продолжаться! Изучением этой проблемы должны заняться с десяток экспертов,

каждый со своей стороны, чтобы избавиться от неточностей и установить подлинную историю расцвета и упадка империи Мономотапы».

На самом деле за изучение проблемы взялся один эксперт, а не десяток, но этот исследователь, Г.А. Гарднер, продолжал упорно работать в Мапунгубве практически до 1941 года, добившись интересных результатов. Последние ждали своей публикации еще пятнадцать лет, пока не стали широко известны. В 1955 году в «Южноафриканском археологическом бюллетене» была выпущена краткая статья Гарднера. В комментариях к ней он писал: «Почти невозможно дать тут больше, чем краткий обзор наших находок и сделанных на их основе выводов, хотя подробности должны последовать во втором томе «Мапунгубве» — если он когда-нибудь будет напечатан». Это, в конце концов, станет возможным в ближайшем будущем, когда выяснится, что Мапунгубве — незаменимая составляющая в процессе понимания всех превратностей цивилизации железного века. Здесь, на отдаленной вершине холма, уединившись или же отступив под натиском врага, будучи победителями или побежденными, властителями южной границы древней государственной системы Мономотапы или же вождями-первопроходцами из другой страны со своей собственной историей, средневековые правители жили и были погребены с благоговением и пышностью...

Их точные связи с культурой Зимбабве еще предстоит выявить. Но они, несомненно, существовали. Керамика того типа, который находили в Мапунгубве, встречается во многих местах к северу за долинами, и некоторые изделия напоминают те, что существовали в древнем Зимбабве. Количество золота, погребенного с царскими останками в Мапунгубве, совпадает с тем, что было найдено в «золотых захоронениях», которые археологи и иже с ними разграбили для компании «Древние руины лимитед» в Дхло-Дхло на северо-западе.

Единственное, что можно сказать наверняка: жители Мапунгубве создали сложную культуру железного века, которая, по сути, не

отличалась от сходных этапов в развитии цивилизаций в других местах земного шара. Защищенные сильной системой укрепленных копей с востока и запада, рекой с одной стороны и хребтами Зоутпансберга с другой, эти властители Мапунгубве в своем уединенном величии бросили смелый вызов потомкам.

В древнем Трансваале

Кем именно были люди, жившие в Мапунгубве и в соседних с ним местах? Пытаясь ответить на этот вопрос, Фуше и его коллеги столкнулись со многими проблемами. Прежде считалось, что все народы южного плато, занимавшиеся горными работами и каменным строительством, говорили на языках банту и по происхождению и внешности напоминали своих современных потомков — шона и сото. Материальные свидетельства в виде керамики и металлических предметов, найденные в Мапунгубве, казалось бы, подтверждали это.

Но вот в Мапунгубве стали учащаться находки скелетного материала, и антропологи с удивлением отметили, что, согласно данным исследований, возникло противоречие между особенностями скелетов и подобным упрощенным взглядом на проблему. Появилась возможность исследовать одиннадцать из двадцати четырех скелетов, найденных на вершине Мапунгубве. Они принадлежали людям, которым «крайне недоставало негроидных черт» и которые относились, по словам Галлова, «к однородному населению Боскоп-Буша (т.е. готтентотскому или почти готтентотскому), родственному физически пост-боскопским жителям прибрежных пещер» Южной Африки. Они обладали некоторыми негроидными чертами, но в намного меньшей степени, чем скелеты говорящих на банту жителей современных Респубрики Зимбабве и ЮАР.

Как согласовать эти противоречащие друг другу суждения? Все выглядит так, будто из могил вытащили скелеты Вильгельма Завоевателя и его норманнов и обнаружили, что найденные кости принадлежат людям саксонского типа.

Противоречие это еще не разрешили. Все версии выглядят просто невероятными. Предположить, что «царские захоронения» Мапунгубве относились к типу банту, значило бы признать, что за несколько сотен лет физический тип изменился почти до неузнаваемости, чего произойти не могло. Более того, скелеты в «царских захоронениях» лежали в согнутом положении, чего, как известно, никогда не было в традициях людей, говорящих на языках банту. Но принять другую точку зрения и предположить, что эти захоронения содержали останки людей готтентотского типа, было бы ничуть не лучше. Это означало бы, что готтентоты пользовались благами обработки металлов намного раньше (и на гораздо более высоком уровне), чем было на самом деле.

В дальнейшем точность результатов исследований скелетного материала была поставлена под сомнение. С определенностью можно заявить лишь то, что установлено абсолютное африканское происхождение всех находок, сделанных в Мапунгубве, хотя многие прямые связи с культурой Зимбабве можно считать лишь возможными, если не совсем маловероятными. Говоря кратко, картина такова: люди каменного века жили на холме Мапунгубве в период «незадолго» до изобретения земледелия, но, конечно, намного раньше общего временного отрезка, обсуждаемого здесь. За ними последовали другие. На соседнем участке, названном K2, Гарднер обнаружил селение скотоводов каменного века, бывших готтентотами или кемто похожим, которые, возможно, начинали использовать медь, но не железо (этот пункт не совсем ясен: готтентоты плавил медь, используя технологию выплавки железа, которой они, наряду с народом K2, предположительно, научились у своих северных соседей). Множество скелетного материала, обнаруженного там, позволило Галлову установить, что люди K2 относились к «донегроидному» типу. Они хоронили скот, используя те же обряды, что и при погребении человеческих тел. В ходе недавнего радиоуглеродного анализа был определен возраст древесного угля шестого по счету «животного захоронения». Гарднер считал их следами древнего хамитского культа и напоминающих животные захоронения неолитической куль-

туры Древнего Египта. Этот возраст равен примерно тысяче лет. Таким образом, поселение в K2 должно датироваться примерно 900 годом н.э. или, возможно, более ранним временем.

Готтентоты каменного века, которые вели пастушескую жизнь, завоевали народы севера, знакомые как с земледелием, так и с железом. Эти новые люди, смешавшись посредством перекрестных браков с народом K2, для большей безопасности переместили свое поселение на вершину Мапунгубве. Там впервые были сделаны находки, свидетельствующие о народе, выращивавшем растительную пищу. В скале были проделаны отверстия для измельчения мяса и зерна, построены площадки, на которых стояли хижины, в некоторых местах они были укреплены каменной насыпью. Люди приносили с соседних земель почву.

Кто были эти пришельцы и когда они пришли? Существует общее мнение, что они были мигрировавшими остатками народа, построившего и населявшего Зимбабве и подобные ему места, — сото, шона, венда, то есть всеми этими говорящими на банту народами, чьи потомки так многочисленны сегодня (включая, конечно, басуто в Басутоленде, машона в Зимбабве и бавенда в Трансваале. (Приставка «ба» имеет значение множественного числа: мунту — человек, банту — люди; мувенда — один венда, бавенда — много венда.) Последними из них были бавенда, которых в восемнадцатом веке сменило другое, готтентотское население, а оно в конце концов рассеялось под натиском матабеле, двигавшихся на север в 1825 году.

По мнению Гарднера, последние завоеватели-готтентоты овладели определенной частью культурного наследия венда. Они отняли у них превосходные золотые украшения, позднее найденные Фуше и его коллегами, и по-своему использовали их в погребальных обрядах. Таким образом, получилось, что скелеты относятся к готтентотскому типу, как и сам порядок захоронения, а вот золото принадлежит... банту.

Несмотря на множество усилий, вложенных в разработку этой версии, она не получила широкой поддержки. Эту загадку стоит ос-

тавить неразгаданной до более полноценного изучения этого участка или до будущих открытий на берегах Лимпопо между Мапунгубве и побережьем океана.

Некоторые ученые утверждают, основываясь на местных преданиях, что первые народы, говорящие на языках банту и переселившиеся на юг, не пересекали Лимпопо до позднего Средневековья и сделали это не раньше двенадцатого века. Они положили здесь начало железному веку. Затем на юг пришли сото, пересекая реку в тех местах, где сейчас находится Трансвааль в середине пятнадцатого столетия или около того, и чуть позже там появились шона. Потом началось господство розви и венда над культурой Зимбабве, и эти народы, в свою очередь, отправили своих посланцев на юг.

Подобным образом могли происходить и позднейшие переселения. Есть какие-то неувязки в версии, согласно которой культура железного века не достигала Лимпопо до двенадцатого столетия, тогда как известно, что в нескольких сотнях километров к северу, за равниной, не представлявшей никаких сложностей для путешественников, она была хорошо развита, по крайней мере, шестью или семью веками раньше. Более того, существуют свидетельства и о береговых поселениях. Всего лишь шестьсот километров речного пути отделяли Мапунгубве от устья Лимпопо, впадающей в море, и благодаря Идриси, который делал свои записи в 1154 году, мы знаем, что в его время недалеко от устья Лимпопо существовали береговые поселения и там не только обрабатывали железо, но и поставляли его оттуда в больших количествах. Эти береговые поселения, несомненно, имели связи с землями в центре материка.

Племена Южной Африки, описываемые европейцами девятнадцатого века, начали появляться там, судя по существующим фактам, тремя или четырьмя веками раньше. Но другие африканские народы, негроидные и не негроидные, предшествовавшие им, сыграли важную роль в росте и развитии ранней культуры. Решающие технологические открытия — изобретение земледелия и начало обработки железа — в первом тысячелетии медленно двигались

к югу. Те, кто принес их, возможно, были прямыми предками современного населения банту или принадлежали к смешанной группе, но с годами банту стали преобладать. Это они женились на женщинах из встречавшихся им народов, смешивались с ними, оставались там жить и изменялись. Это они породили людей, создавших Зимбабве с его башнями. И это они хоронили своих вождей и героев на холме Мапунгубве.

Ниеркерк и Иньянга: крепости и террасы

Нельзя не обратить внимания еще на одну обширную область древних развалин. Она включает окаменевшие остатки укреплений и селений на холмах, возвышающихся в прибрежной долине, постепенно переходящей в большое центральное плато. Эти руины по-своему не менее интересны, чем Зимбабве или Мапунгубве.

Несмотря на то что португальцы никогда не достигали последних, они явно поддерживали связи с государствами, находившимися в районе сегодняшней юго-восточной границы между Мозамбиком и Зимбабве. Возможно, именно оттуда удачливые португальские капитаны Софалы получали большую часть своего дохода. О том, какую роль играли эти земли в качестве производителей или посредников в торговле с центром материка, можно отчасти судить по количеству сокровищ, полученных в порту Софалы, хотя это накопление богатства продолжалось недолго.

В 1607 году, спустя век с начала регулярной торговли с Софалой, секретарь Филиппа II Луиш де Фигейредо Фалькон в своем отчете о богатстве португальской империи заявлял, что звание капитана Софалы было самым престижным из всех местных должностей на побережье. Оно давало благ больше, чем само руководство Ормузом в Персидском заливе. Трехлетнее правление в Софале приносило двести тысяч крузадуш, тогда как Ормуз оценивался лишь в сто восемьдесят тысяч, и даже наместничество в Малакке, через которую осуществлялись торговля и грабеж Юго-Восточной Азии, давало не больше ста тридцати тысяч. В 1920 году

Деймс писал, что крузадо «весил не больше 60 граммов, то есть 9 шиллингов 9 пенсов в английских единицах». Таким образом, звание капитана Софалы давало в год двести восемьдесят долларов по курсу 1918 года — сегодня это составило бы около восьмисот сорока тысяч долларов или даже больше — освобожденный от налогов доход за три года. Но капитан Софалы мог урвать лишь кусок (хотя и довольно жирный) от прибылей торговли, общий же доход был просто невообразимым. Это новое доказательство правдивости ранних арабских рассказов о богатствах, существовавших в Юго-Восточной Африке в Средние века...

Земли, через которые просачивались богатство и которые отчасти его порождали, лежали в широкой полосе, протянувшейся с севера на юг — от области Сены в нижнем Замбези на юг к современным Свазиленду и Наталу. Было бы логично ожидать, что они все же что-то после себя оставили, и эти надежды вполне оправданы.

Слухи о руинах на этих холмах, расположенных на западной границе Мозамбика, начали просачиваться обратно в Южную Африку вскоре после британской оккупации Машоналенда в 1891 году, но только в 1905 году Рэндэлл-Макивер создал первое подробное описание. Севернее Пеньялонги, где люди племени маньика до сих пор добывают аллювиальное (наносное) золото, Макивер обнаружил руины, отличавшиеся по стилю от Зимбабве и других восточных поселений, но не менее впечатляющие. Теперь мы знаем, что крепости и жилища, кладовые и террасные склоны холмов бывшей Восточной Родезии и Западного Мозамбика рассредоточены на территории в пять-восемь тысяч квадратных километров, а дополнительные тщательные исследования в Мозамбике могут ее значительно расширить. Когда чуть больше восьмидесяти лет назад их увидел Макивер, «о них еще не поступало сведений, и лишь случайные охотники порой забредали туда».

На холмах Ниекерк и Иньянги, простирающихся на многие километры к северу и югу вдоль этого крутого склона, он нашел то, что так и тянет назвать «южной азанийской» культурой. Тут тоже были обнаружены следы народа, умевшего использовать камни и

воду для сохранения и орошения почвы на крутых склонах, пасшего скот и выращивавшего зерно, знакомого с плавкой и добычей нескольких видов металлов и много торговавшего с восточными странами Индийского океана.

Например, в Ниекерке Макивер обнаружил около семидесяти пяти квадратных километров интенсивного террасирования. Он принял стены уступов за оборонительные сооружения, но в дальнейшем согласился с теми, кто считал, что они созданы для возделывания земли и весьма напоминают о террасном земледелии Эфиопии и Судана. Тут также с потрясающей заботой террасы создавали на холмах — вплоть до самых вершин. Тут также «существует мало мест, где можно пройти 10 метров, не наткнувшись на стену, строение или искусственную грудку камней». И тут также было развито мастерство постройки каменных зданий методом сухой кладки.

В Иньянге, немного южнее Ниекерка, в стране, сохранившей первобытную дикость, где встречаются похожие террасы и сооружения, Макивер обнаружил ручей, запруженный у самого истока, причем «часть воды была отведена в сторону сооруженной дамбой». Исследователь говорит, что это обеспечивало жителей «высококласным водопроводом, по которому вода могла передаваться вдоль склона и стекать вниз медленнее основного потока. Близ Иньянги много подобных конструкций, причем они тянутся на несколько километров, а угол склонения высчитан с изумительной точностью и сноровкой, которой иногда не хватает современным инженерам с их сложными инструментами. Плотины умело сложены из необработанных камней без использования раствора, а сами водопроводы представляют собой простые каналы около метра глубиной».

Здесь отчетливо заметно влияние Восточной Африки. У народа иньянга, как и у жителей Энгаруки на современной границе между Танзанией и Кенией, существовал обычай строить свои хижины и дома на каменных насыпях на склонах холмов, хотя тут имелись свои особенности. Они делали углубления типа шурфов в каменных насыпях, связывая их с поверхностью при помощи низких тоннелей, около метра тридцати сантиметров в высоту, и строили свои

дома на вершинах насыпей, вокруг ям. Сначала европейцы считали их ямами для рабов, но сейчас все сходится во мнении, что они использовались либо для хранения зерна, либо для содержания мелкого домашнего скота.

Частичные раскопки, предпринятые в 1951 году, предложили несколько ключей к датировке огромной сети террасного земледелия и крепостей и домов, построенных по методу безрастворной кладки. Саммерс предполагает, что эти участки являются следами двух культур раннего родезийского железного века — того самого периода А1, который был свидетелем начального заселения Зимбабве людьми, использовавшими железо вскоре после или немного ранее 500 года. Он называет их Зива 1 и Зива 2, по имени одного из участков. Они внесли свой вклад в формирующуюся картину, начало которой лучше всего видно у водопада Каламбо.

Большинство руин относятся к гораздо более позднему времени. В Ниекерке «можно обнаружить совсем немного предметов, способствующих датировке, но, судя по нескольким бусинам из четырех разных мест, подходящим периодом представляется восемнадцатый век». Украшения, найденные в развалинах поблизости Иньянги, предполагали несколько более раннюю дату. Возможно, правильнее будет сказать, что большая часть сохранившихся зданий была построена и использовалась в течение двух-трех веков до 1750 года или около того. Как и следовало ожидать, существует свидетельство, по меньшей мере, торговых связей между руинами в Ниекерке, Иньянге, Зимбабве с западными культурами. Также подтверждены торговые сношения с берегом Индийского океана ранними португальскими документами и предметами, найденными в развалинах.

На вопрос о том, насколько прочно различные племена Восточной и Южной Африки, строившие из камня, были связаны между собой, так же как и о том, интенсивна ли была их торговля с побережьем Индийского океана, ответить весьма сложно. Стоит лишь подчеркнуть, что эти юго-восточные культуры явились плодом деятельности высокоорганизованных народов, обладавших на-

выками обработки камня и металла, бывших скотоводами и земледельцами, чье развитие измерялось веками стабильного роста.

Многие вопросы остаются без ответов. Что угрожало их безопасности? Они строили много крепостей, а у их складов зерна, вероятно, была вооруженная охрана. В любом случае, они были расположены так, чтобы их легко было защитить. Сколько их было? На первый взгляд может показаться, что только многочисленное население могло поднимать и складывать мириады камней, но Саммерс в 1951 году пришел к выводу, что на самом деле склоны холмов жители террасировали постепенно, следуя нуждам изменчивого земледелия, причем это делало относительно немногочисленное население.

Превратившиеся в уголь зерна свидетельствуют, что выращивались просо, сорго и бобовые, для которых кристаллизованный базальт (долерит) предоставлял как плодородную почву, так и хороший дренаж. Но узкие поля на склонах холмов невозможно было интенсивно возделывать каждый год. «То, что можно увидеть сегодня, — всего лишь сохранившиеся остатки после столетий непрерывной работы, и при этом лишь малая часть всей земли возделывалась одновременно. Рассеянность культурных отложений сама по себе является свидетельством постоянных перемещений на новые поля, а повсеместность террасирования в этом регионе показывает, как тщательно прежние жители использовали каждый доступный клочок земли». Этот вывод подтверждается тем, что известно о более ранних поселенцах: несмотря на то что их было намного больше, чем современных жителей, они оказались намного лучше организованы и обладали наряду с политической независимостью еще и экономической самостоятельностью, которая впоследствии была утрачена.

Подобно Зимбабве и Мапунгубве, Дхло-Дхло, Кхами и многим другим центрам, развалины на границе Республики Зимбабве и Мозамбика не являются загадкой, которую можно решить, привлекая более или менее мифический народ «извне». Они возникли не по мановению волшебной палочки. Но их реальность впечатляет еще

больше, чем загадочность. Это материальные свидетельства, оставленные народами, первыми создававшими цивилизацию — без сомнений, грубую и простую, но явно заслуживающую этого названия, — на земле, где прежде не существовало ни одной культуры. Создававшими с трудом, проявляя упорство и изобретательность, вытесняя дикость без какой-либо помощи извне.

Сохранились их памятники. «Сюда было вложено столько же труда, — сказал кто-то о Ниеркерке Макиверу, одобрително цитирующему это замечание, — сколько в строительство пирамид, если не больше». Может быть, так оно и было.

Будучи разнообразными и противоречивыми, истоки Зимбабве берут свое начало практически в то же время, что и начала древней Ганы. Первичное возведение стен «Акрополя» и «Эллиптического здания» было осуществлено ненамного позднее роста влияния Мали и превращения Тимбукту и Дженне в центры науки и образования. Километры террас, крепостей, насыпей и каменных жилищ Ниеркерка и Иньянги были созданы, когда Мохаммед Аския и его потомки правили Западным Суданом.

На этих равнинах и холмах творилась сама история. Народы-первопроходцы, пробивая собственный путь, приносили новые идеи и изобретали новые средства существования и пропитания — то продвигаясь вперед, то отступая, но все же постоянно продвигаясь по направлению к тем же целям и преодолевая те же препятствия и разочарования, которые встретит любая зарождающаяся цивилизация в любом другом месте Земли. Пути решений здесь, в Зимбабве, были типично африканскими, но движущие мотивы, а особенно движущие силы были общими со всем человечеством.

Зимбабве

Республика Зимбабве относится к числу «туристических» стран Африки и располагает как обилием качественных гостиниц, так неплохой дорожной сетью и прочей инфраструктурой. Однако участвовавшие в последние годы нападения на белых фермеров и вооб-

ще рост преступности делают Зимбабве не совсем привлекательной для посещения европейцами. В районах, где расположены главные туристические достопримечательности, в том числе и комплекс Большого Зимбабве, пребывание достаточно безопасно. Перелет до Хараре через Лондон или через Йоханнесбург. Руины Зимбабве располагаются сравнительно недалеко от Хараре, и туда из столицы республики отправляются многочисленные экскурсии. Посещение Большого Зимбабве стоит совместить с поездкой в многочисленные национальные парки и заповедники страны, чтобы познакомиться с богатой африканской фауной, а также с визитом на знаменитый водопад Виктория на Замбези (перелет до городка Виктория-Фолс рейсом местной авиакомпании из Хараре).

КОРРИДА НА ПЕМБЕ

Пемба

Остров Пемба, расположенный в Индийском океане неподалеку от побережья Танзании, лежит рядом с другим и более известным островом — Занзибаром. Занзибар в последние годы все активнее развивается как центр туризма, и на нем уже действует неплохая инфраструктура по приему гостей, включая и вполне комфортабельные отели. На Пембе также стали появляться туристические гостиницы.

Перелет через Европу (Франкфурт-на-Майне, Лондон, Париж или Цюрих) до Найроби (Кения) или до Дар-эс-Салама (Танзания). Оттуда — до Занзибара местным рейсом. С Занзибара устраиваются экскурсии на Пембу — на катере или на маленьком самолете.

Поездку на Пембу стоит совместить с посещением знаменитых кенийских и танзанийских национальных парков, а также Килиманджаро, самой высокой вершины Африканского континента.

В этот послеобеденный час в поселке царит необычное оживление. Среди кокосовых пальм мелькают белые «манзу» — парадные длинные одеяния мужчин и цветные «канга», яркие женские платья. Оживленными стайками проносятся ребятишки. Все направляются в сторону большой открытой песчаной площади, окруженной пальмами и манговыми деревьями.

На площади уже довольно много народа, и пестрая праздничная толпа, освещенная ярким солнцем, проникающим через зелень

листвы, представляет собой очень живописную картину. Особый колорит вносят продавцы бетеля, апельсинов, манго, кокосов и кофе с имбирем.

Продавцы этого напитка ходят по площади из конца в конец, неся в одной руке полированный конусообразный латунный кувшинчик на маленькой печке с древесным углем, а в другой — три-четыре пиалы, которые, благодаря жонглерскому мастерству продавца, постоянно звенят друг о друга, привлекая внимание окружающих.

Постепенно люди расступаются по краям площади. Они занимают места под навесами и на скамейках, расположенных вокруг нее и напоминающих трибуны. Почти все население поселка собралось здесь, чтобы присутствовать на корриде, одном из самых любимых здешних праздников.

Но не подумайте, что вы находитесь где-нибудь на Пиренейском полуострове или в Латинской Америке. Нет, мы в Африке, на небольшом острове Пемба, что лежит у побережья Танзании.

В центр площади, на арену, которая здесь называется «убунгу ва нгомбе», выбегают маперные дети, издавая особый клин — серию коротких, резких громких звуков, напоминающих лай. Начинают петь женщины, стоящие за специальной оградой, расположенной у края арены. Вместе с ними вступает музыкант, играя на рожке «зо-мари». Звук инструмента, напоминающие вольнку, сливаются с пением и хлопками женщин — вместе это составляет своеобразный оркестр, под аккомпанемент которого и начинается представление.

На арену выходит процессия матадоров, которых здесь именуют «мезаджи». Они выстраиваются в цепочку, чтобы поприветствовать присутствующих — нечто вроде «*morituri te salutamus*» («иду-щие на смерть приветствуют тебя...»). Затем проходят через всю арену к месту, где сидит «шеха», глава специального клуба, который организует корриду. Он подает знак, и представление можно начинать.

Коррида на Пембе — наследие португальского владычества в XVI—XVII веках. Это было одно из многих мест на восточноафри-

канском побережье, которые удерживали в то время португальцы, однако сохранилась коррида по наше время только здесь, и ее не увидишь даже на соседнем Занзибаре.

Коррида на Пембе базируется в общем-то на иберийской модели, но она мало похожа на классическую «коррида де торос» и в большей степени напоминает «капеа» — деревенский бой быков в Испании и португальскую бескровную корриду, в которой быка не убивают. В нашем случае бык не получает ран, и, хотя не исключен и фатальный для матадора исход, он бывает ранен крайне редко. Поэтому здешняя коррида называется «мчезо ва нгомбе» — «игра с быком».

Представление обычно устраивается в наиболее жаркое время года, в три-четыре часа после полудня. По старым поверьям, бычьи бои могут помочь вызвать дождь, и поэтому в наиболее засушливые годы их иногда устраивают подряд несколько раз в неделю, до тех пор, пока не начнется ливень.

Для проведения зрелища жители деревни создают специальный клуб, из членов которого выбирается «шеха», заведующий всеми необходимыми приготовлениями. Клуб обсуждает вопросы сооружения скамеек на «пласа де торос», стоимости мест на «трибунах», платы музыканту и владельцам быков. Деньги, взятые за место — обычно очень небольшие, идут лишь на то, чтобы окупить расходы, а те, кто хочет смотреть представление, но не имеет средств, могут наблюдать его стоя. Есть отдельные скамейки для женщин, для мужчин и для детей, но очень многие просто стоят вокруг площадки, где разворачивается действие.

Быки, участвующие в представлении, — горбатые зебу с короткими рогами. Может, поэтому опасные раны, нанесенные ими, на Пембе большая редкость. Коррида очень популярна у жителей острова, и дети часто угоняют самых норовистых по их мнению телят и учат их бодаться. Однако особо злых и бодливых быков на Пембе нет, хотя у некоторых «знаменитостей» есть красноречиво характеризующие их клички — например, Бритва или Пулемет. Если в представлении должен участвовать один из них, то по

поселку накануне ходят мужчины с барабанами и выкрикивают его кличку. Владельцы такого быка очень гордятся своим питомцем, и вполне понятно желание мальчишек взрастить подобную «знаменитость».

В одном представлении обьно участвуют пять-шесть быков. Они отобраны таким образом, что только два-три из них — «звезды», а остальным отводится второстепенная роль. Чтобы быки на арене вели себя энергичнее, за день до представления их отделивают от стада и не кормят. А женщины, чтобы оградить матадора от рогов особо опасного быка, в том месте, где он будет привязан, втыкают в землю специальные корешки или амулеты с написанными заклинаниями. Иногда и матадоры надевают амулет себе на шею или ночью, накануне представления, жители деревни устраивают специальные пляски — «умунде» — для защиты от бычьих рогов.

Представление начинается с того, что несколько человек, взяв длинную веревку, направляются к загону для быков, расположенному неподалеку от арены. Они возвращаются с животным: длинная веревка обвязана вокруг его шеи, а другая, короткая, держит одну из его задних ног. Зверь имеет самый смирный вид, и, чтобы в него вселился бес, с ним проделывают унижительную шутку: шейную веревку пропускают вокруг столба в изгороди, за которой стоят хлопающие в ладоши женщины и музыкант с «зомари», натягивают ее накоротко и таким образом опрокидывают быка на землю. При этом все присутствующие начинают кричать и улюлюкать.

После этого быка словно подменяют. Привязи отпускаются, и бык оказывается на свободе. Он вскакивает и яростно бросается во все стороны. Веревка вползает за ним по арене, и специальный человек постоянно следит за ней, чтобы в случае, если кто-нибудь из матадоров или зрителей будет загнан в угол или прижат к стене, быка можно было оттащить от его жертвы.

С этого момента и начинается основная часть представления. Женщины снова затягивают песню, а на арене появляется «мчезаджи», матадор. В качестве капе и мулеты он использует куски

белой, реже красной материи и тростниковую циновку. Герой вызывает быка на себя, отскакивая в сторону перед самым его носом, чтобы избежать удара. Зрители редко не бывают свидетелями нескольких удачных пасов и ловких пируэтов, которые, хотя, может, и не наделены скульптурной грацией матадоров Мадрида или Памплоны, зато ярко демонстрируют мужество и прекрасное знание бычьих рефлексов.

После наиболее удачного паса матадор выпрямляется, чтобы поприветствовать публику и принять аплодисменты, а друзья и поклонники набрасывают ему на шею венки из травы. Иногда он подходит к скамейкам, где сидят самые важные персоны, и получает от них заранее приготовленный дар. Обычно это единственные деньги, которые он получает за свое выступление. Представление с быком для «мчезаджи» — отнюдь не средство заработка, а своего рода искусство ради искусства.

Для пущего веселья некоторые зрители, желающие испытать свои собственные силы, включаются в представление, и в своем стремлении спровоцировать быка на атаку принимают самые комичные позы. Чаще всего это оканчивается тем, что такие любители, недооценив подвижность быка, вынуждены спасаться бегством и искать убежище на деревьях. Их преследуют раскаты добродушного хохота: оскорбительные крики, с которыми испанская толпа встречает подобное «представление», не знакомы корриде на Пембе. Для зрителей это просто веселая ситуация, а не недостойное поведение, и самое худшее, что может услышать беглец, — это длительное и продолжительное улюлюканье и шутки в свой адрес.

Иногда кто-нибудь из матадоров, бравлируя своей ловкостью, пытается проявить особую смелость: хватает быка за горб, крутит животному хвост и даже садится на него верхом, что чаще всего кончается для «мчезаджи» плачевно, ибо бык с легкостью сбрасывает того на песок. Порой, если бык оказывается особенно сильным, чтобы его свалить, на него наваливаются сразу несколько матадоров, и тогда арена превращается в поле для регби во время самой горячей потасовки.

Когда бык изливает всю свою злость, вызванную той шуткой, которую проделывают с ним вначале, он перестает атаковать матадора и пытается покинуть круг, разгоняя зрителей, оказавшихся на его пути, и заставляя их в панике разбегаться. Но его останавливают рывком веревки, привязанной к ноге, и вынуждают вернуться.

Представление с одним быком идет минут двадцать. Когда «шеха» дает знак, его рывком длинной веревки валят на землю, в нос вставляют кольцо и уводят.

В перерыве торговцы снова предлагают свои нехитрые угощения, зрители переговариваются, обсуждая только что увиденное и вспоминая наиболее веселые эпизоды. Но вот по сигналу «шеха» приводят новое животное...

Коррида завершается только вечером. И потом еще долго не смолкают разговоры и смех расходящихся зрителей, вспоминающих волнующие события минувшего дня.

КОГДА ПРИХОДИТ ЗАСУХА

Обычно пустынный вельд теперь совсем вымер. На небе — ни облачка. Земля потрескалась, и кажется, лишь акация да колючий кустарник «подожди немного» способны выдержать длительную борьбу с засухой. Желтое марево скрывает отдаленные холмы и горы, и только клубы густой тяжелой пыли виднеются сквозь него. Это пастух перегоняет скот в тщетной надежде найти воду. У коров ввалились бока, они протяжно мычат и еле бредут по дну высохшего русла...

На склоне горы раскинулась деревня. В эти знойные часы в ней тихо, но у крааля женщины-вождя, «королевы» Муджаджи, видно несколько фигур. Это самые знатные персоны — родственники и приближенные «королевы». Они прохаживаются вдоль резного частокола, окружающего ее жилище, и приговаривают: «Люди плачут и просят дождя. Плох тот вождь, который убивает свой народ засухой!»

Ловеду Северного Трансвааля в ЮАР верят в способность Муджаджи вызывать дождь. Они ждут, какое решение подскажут ей гадальные кости, и уверены: возьмется она за дело — вода обязательно будет. А если засуха продлится еще несколько дней, то погибнет весь урожай кукурузы...

«Королева» не спешит. Но потом, смиловавшись, посылает дождь. Он возвращает жизнь в вельд, а народ получает еще одно доказательство всемогущества их правительницы.

Обычай «вызывать дождь» широко распространен у народов Южной Африки. Еще в середине XIX века знаменитый английский

путешественник Давид Ливингстон отмечал, что вера в способность или власть вызывания воды с неба посредством колдовства есть одно из наиболее укоренившихся верований у южноафриканских народов.

Однако таким могуществом над облаками и ветрами обладают только избранные. Это либо сам вождь, либо специальный «дождевой доктор». Им доступно общение с предками, от воли которых, как считается, зависит либо наступление засухи, либо, наоборот, обильные дожди. Если они сильно разгневаны, то засухи не миновать. Часто причиной ее может быть и сам «дождевой доктор»: когда он рассержен или обижен, на землю не упадет ни капли. Тогда весь народ старается умиловить владыку и помочь ему забыть обиду.

Самыми умелыми вызывателями дождя в Южной Африке считаются колдуны народов суто и педи. В позапрошлом веке как повелитель облаков прославилась мать вождя народа свази. Его соседи зулусы не раз обращались к ней с просьбой развернуть небеса, но если и она была бессильна, то они знали, что вождь ловеду, «королева» Муджаджи их не подведет. Муджаджи действительно была самой удачливой «королевой дождя». Бывали времена, когда земля страдала от избытка влаги, и тогда к ней приходили вожди и просили послать сухую погоду.

Благодаря своей правительнице народ ловеду широко известен за пределами Трансвааля. Это женщина со сравнительно светлым цветом кожи, которая живет в затворничестве среди своего народа и имя которой на протяжении полутора веков вселяло уважение и трепет не только африканцам, но и некоторым европейцам.

Муджаджи V, нынешняя глава ловеду и «королева дождя»

У ловеду уже давно нет вождя сильного пола. А их правительница и ныне сохраняет титул «королевы дождя» — великой Муджаджи, которая царствовала еще в позапрошлом веке. Муджаджи I давно умерла, но она считается бессмертной. Ее называли «великой волшебницей», «королевой дождей, облаков, саранчи и засухи». В 1876 году писатель Райдер Хаггард побывал недалеко от владений Муджаджи. Автор знаменитых «Копей царя Соломона» был так поражен рассказами о ее могуществе и сказочной власти над небесами, что она стала прообразом женщины-вождя Айеши в другом его знаменитом романе «Она».

Причем королева-богиня Айеша у Хаггарда так походила на реальную Муджаджи, что некоторые даже решили, что он «написал ее с натуры». Писателю даже пришлось объяснять, что он лично никогда не был знаком с Муджаджи. Однако фигура правительницы ловеду, видимо, весьма интересовала его: Хаггард посвятил Муджаджи специальную статью, опубликованную им в 1896 году в издававшемся при его участии журнале «Эфрикан ревью».

Свое происхождение правящая династия ловеду ведет (прямо, опосредованно) от правителей легендарной Мономотапы — государства в междуречье Замбези и Лимпопо, расцвет которого приходится на XV—XVII века. Согласно устной традиции ловеду, правители народа розви, потомки властителей Мономотапы, пришли к ним с севера и, установив свою власть, насадили новые обычаи, в частности обрезание. В начале XIX века, когда умер последний в правящем роду мужчина, ловеду стала править женщина, получившая титул «королевы дождя». С тех пор звание правителя передается по женской линии. В социальном смысле, однако, как отмечают этнографы, королева выступала как лицо мужского пола и даже «женилась» на женщинах, которые потом жили с ее родственниками-мужчинами. Наследовала престол старшая дочь «главной жены» королевы. Подобная форма правления является исключением для всего региона.

Так распространенный культ королев-богинь-колдуний, имя и титул которых передавались от женщины к женщине на протяже-

нии поколений, и породил легенды об их бессмертии.

По обычаю, достигнув преклонного возраста, «королева» должна была совершить ритуальное самоубийство, приняв яд, и передать свои магические навыки молодой девушке, которая занимала ее место в племени и перенимала ее имя-титул. Не случайно, ловеду и их соседи считали Муджаджи бессмертной. Непосредственно ее видели очень немногие люди, а те, кто имел такую возможность, не мог рассказать ничего, ибо королеву обслуживал лишь узкий круг в основном немых женщин.

Передававшееся по наследству имя правительницы ловеду, а также миф о ее бессмертии ввели в заблуждение даже некоторых европейских исследователей. Иногда в работах середины XX века, посвященных «королеве дождя», можно прочесть, будто это все та же особа, что царствовала и век тому назад!

После смерти «королевы» все огни в ее стране должны были погаснуть, их тушили с помощью специального снадобья — «муфуго», которое раздавалось из королевского крааля. Для нового разжигания огня нужно было уплатить налог новой королеве. Специалисты считают, что это означает, будто правительница ловеду была и обладательницей огня. С ее смертью была связана и важнейшая ритуальная функция — вызывание дождя. В качестве снадобья для этой церемонии использовались части останков умер-

В королевском краале Муджаджи по-прежнему совершаются старинные обряды

шей королевы. Вот как описывалось приготовление такого средства в 1931 году: «После смерти королевы, сведения о чем хранились в секрете в течение года, ее тело каждый день обмывалось, и сохранившаяся грязь сбрасывалась в специально устроенную в земле емкость. Так делалось до тех пор, пока не сходила вся кожа, и лишь после этого тело сжигалось». Затем снадобье помещалось в специальные сосуды и использовалось в церемонии вызывания дождя.

Считается, что вызыватель дождя обращается к духам предков, которые и ниспосылают осадки. Особенностью ловеду было лишь то, что таким «вождем» у них оказалась женщина.

Возможно, поэтому ряд соседних народов обращался к «королеве», чтобы она наслала воду на их земли, считая, что она обладает большим могуществом, чем их собственные вызыватели дождя мужского пола. Любопытно и то, что самым универсальным средством платежа, будь то дань, оплата услуг или что-нибудь другое, у ловеду издавна было местное пиво.

Муджаджи могла собирать облака, висевшие над Драконовыми горами, или сделать так, чтобы дождь выпал над участком одного человека и обошел стороной другой. Кроме власти над облаками, ее сравнительно светлая кожа и бессмертие лишь добавляли ей славы и загадочности.

Муджаджи I в 1894 году сменила Муджаджи II. В то время земли ловеду уже вошли в состав бурской республики Трансвааль, а с созданием Южно-Африканского Союза, предшественника нынешней ЮАР, стали и его частью. Однако власть «королевы дождя» над ловеду признавалась и правительствами Южной Африки. Когда земли ловеду были включены в бантустан — «самоуправляющееся государство», одно из создававшихся в годы апартеида для черного населения ЮАР, бабушка нынешней правительницы, Муджаджи III, удачно воспользовалась моментом. Поскольку белым в бантустанах жить не рекомендовалось, «королева» откупила большое количество земли у белых фермеров. Деньги на эту акцию она собрала, обложив каждого из своих подданных-мужчин дополнитель-

ным единовременным налогом в 12 рандов (6 английских фунтов по тогдашнему курсу). В результате Муджаджи III стала еще богаче и могущественнее. Нынешняя «королева дождя» унаследовала богатства своей бабки.

Но вплоть до самого последнего времени в «столице» ловеду, раскинувшейся на склоне горы среди трансваальского вельда, мало что изменилось. Показывается Муджаджи только тогда, когда поданные в сухой период года приходят за ней. Они умоляют «королеву» использовать ее чрезвычайную силу и вызвать дождь. Но часто дело не ограничивается простой просьбой. Если осадков долго нет, то, чтобы разжалобить «королеву», устраиваются специальные «танцы дождя», называемые «легобатхеле». Делается это летом: дескать, приходится плясать, вместо того чтобы работать в поле. На заре, как только восходит солнце, собираются замужние женщины и начинают пляску. В это время старухи нянчат их детей, подначивают женщин на танцы и всячески подбадривают их. Движения танца медленные, а сам танец сопровождается боем двух барабанов. Только самые опытные барабанщики могут играть на этих специальных «дождевых барабанах». Причем обязательно, чтобы у них незадолго до этого умер кто-нибудь из родственников. Барабанам вторят тростниковые свирели, чистые, серебряные тона которых, по словам этнографов, присутствовавших на одной такой церемонии, создают впечатление колокольного перезвона. Танцы длятся весь день, пока не сядет солнце, и к вечеру тела танцовщиц становятся совершенно черными от пыли и пота. С восходом солнца «легобатхеле» продолжают. И так в течение нескольких дней, до тех пор пока не пойдет дождь. Обряд вызывания дождя тесно связан с культом предков. Поэтому отсутствие дождя часто объясняют неуважением по отношению к родичам или похоронами, совершенными не по ритуалу. Тогда, чтобы избежать засухи, считается необходимым воздать должное духам. И опять же идут за помощью к Муджаджи.

Приходят самые важные персоны и просят ее: «Люди плачут! Помоги!» Правительница недовольно отвечает: «Год должен был вы-

Дом современной «королевы дождя», Муджаджи V в Северном Трансваале

даться хорошим, но люди испортили его. Они мешают мне. Я сделала все, чтобы пошли обильные дожди, а люди получили богатый урожай. Но люди нарушили табу, и это их вина, что все вышло не так».

Ее продолжают просить, ведь все знают — какая же «королева» сразу согласится выполнить просьбу подданных... Наконец смиловавшись, она говорит: «Ладно, я вызову дождь. Но для этого найдите мне черную, без пятен овцу».

Несколько дней люди ищут нужную овцу, потом подбираются необходимые снадобья. Кажется, уже все готово, а «королева» ждет. Но вот она назначает день церемонии...

Калебас, содержащий снадобье «муфуго», ставят в корзину и торжественно вручают его главной жене брата «королевы». Рядом идут сама Муджаджи, помогающий ей «дождевой доктор» и ее ближайшие родственники.

Процессия выходит из деревни и направляется к священной роще «маулве», где покоятся останки самых знатных людей племени. Процессия останавливается там только у могил тех, на кого Муджаджи указали гадальные кости. На могилу из калебаса льется снадобье — вода или содержимое желудка овцы со специальными «священными» зернышками. Муджаджи, склонившись над землей, приговаривает: «Прекратите все бедствия и сухие ветры, пусть пойдет хороший дождь, и люди получают зерно! Перестаньте сжигать нас солнцем! Не держите мои руки, дайте мне делать свое дело, чтобы я могла вызвать дождь!»

В это время «дождевой доктор» отходит в сторону и начинает разделять черную овцу. Куски ее мяса кладут на могилы, у которых останавливалась процессия. Потом ближайшие родственники «королевы» делят между собой оставшуюся после этого часть туши. Часто в завершение церемонии на могилах разжигают костры. От них в небо поднимается черный дым, и считается, что от него образуются дождевые тучи. Действительно, не проходит и часа, как первые тяжелые капли долгожданного дождя падают на землю...

Черный скот для вызывания осадков используют многие южноафриканские народы. Иногда «дождевой доктор» обмазывает себя содержимым желудка или желчного пузыря черного быка или барана, что делает его тело черным, а это, в свою очередь, делает, как считается, черными и облака. Другие «доктора» моют в крови черного барана «дождевые рога», в которых у них хранится снадобье. Убитое жертвенное животное может быть использовано и по-другому. Но обязательным является одно условие: животное, или хотя бы его голова, должно быть черного цвета.

Вызыватель дождя никогда не примет решения до того, пока не «посоветуется» со специальными костями: резные кусочки слоновой кости и ракушки-каури он бросает на козью шкуру, а затем внимательно изучает их положение. Они «подскажут» ему, что является причиной засухи и что именно нужно предпринять.

Для каждой церемонии необходимы свои средства, а таковых в арсенале всякого заклинателя множество. У Муджаджи, например,

есть специальные «котелки дождя» — «мехаго», в которых хранятся снадобья, способные якобы разверзнуть небеса. Основным элементом в них — жир трубказуба, части антилопы куду, перья ярких птиц, черные и белые ракушки, различные корешки.

В августе по приказу Муджаджи подчиненные вожди собирают в свои собственные «котелки дождя» эти снадобья. Знания о них передаются по наследству. Собранные средства растираются с водой, но необходимо, чтобы вода в котелки была налита только девочками, не прошедшими еще обряд инициации. Только самые важные персоны допускаются в ту, специальную часть деревни, где хранятся эти «котелки дождя». В хижине же самой Муджаджи лежат «дождевые рога» — считается, что, если положить их на землю, пойдет дождь. Говорят, даже некоторые белые фермеры порой обращались к властителю, чтобы она вызвала дождь в особо засушливые годы...

И все же со времени правления первой Муджаджи в стране поведи произошли значительные перемены. Современная цивилизация вторглась и в этот оплот старинных традиций, который долгие годы белые южноафриканцы называли не иначе как «Владения королевы дождя».

Миссионеры убедили Муджаджи нарушить суровый закон, требующий от нее совершить ритуальное самоубийство. И в 1949 году Муджаджи отказалась умирать, приняв яд, и умерла своей смертью. Она похоронена там же, где и другие Муджаджи, ее дочь стала «королевой», но она порвала с традициями и вышла замуж.

А с 1979 года здесь создан Национальный заповедник Муджаджи — главным образом для охраны уникальных саговников — реликтовых деревьев, похожих на пальмы. Посетители заповедника могут любоваться круглыми хижинами поведи с островерхой соломенной крышей разных оттенков — от светло-кремового до темно-коричневого, раскинувшимися живописными группами на фоне буйной зелени. Но больше всего приезжих интересует, конечно, сама знаменитая «королева», считающаяся бессмертной. В особой постройке в заповеднике — в «доме информации» — рассказывают

и о поведи, и об их владычицах, показывают копию парадного одеяния нынешней покровительницы, но не ее портрет: лицезреть королеву ее собственным подданным строжайше запрещено.

В «столице» поведи, средоточии общественной жизни народа, осталась и Священная поляна, которая примыкает к королевскому краалю — «дворцовому комплексу». Это место, где проходят вечерние собрания племени, на которых может присутствовать королева, но незримо: за специальной плотной занавеской, откуда она и произносит в случае надобности свое веское слово, — такова традиция.

С другой стороны улицы возвышается строение современного вида — здание администрации королевы. Она управляет своими подданными с помощью правительства и даже имеет свою полицию. Ближайшими советниками королевы являются 12 старейшин, которые и живут с ее «женами», внося, таким образом, свой вклад в престолонаследие.

Королевский крааль — это группа построек самого разнообразного характера и архитектуры, обнесенных высокой изгородью. Среди них выделяется внушительный круглый дом с островерхой крышей — приемный зал «королевы». Нынешняя его хозяйка Муджаджи V вступила на престол в 1982 году.

Символом королевской власти по-прежнему служат барабаны, Священное дерево, спальная хижина королевы. На самом же высоком месте крааля, ближе к въездным воротам, стоит символ перемен — новый дом, абсолютно европейское строение, куда она теперь переселилась из своей хижины.

А в зале приемов у Муджаджи теперь можно увидеть телевизор, радиоприемник, видеоманитофон. Не считает «королева» предрассудком и поговорить по мобильному телефону.

Муджаджи обожает заниматься шопингом — регулярно выезжает в супермаркеты, где, естественно, никто не гарантирует от того, что ее не увидит кто-то из подданных. Но пока она едет в своей «тойоте» по собственным владениям, она скрывается за занавеской.

Нынешняя Муджаджи первой из «королев дождя» приняла христианство. И когда к ней обращаются за исполнением ее важнейшей традиционной функции — вызыванием воды с неба, может и отказать, сославшись на то, что дождь — дело Божье и он пойдет, если это будет угодно Богу. Таким образом, в сознании королевы произошла замена традиционного небесного божества Кхутсоане — создателя всего сущего, неизвестно куда девшегося впоследствии, — на Иисуса Христа.

А если раньше, по традиции, подношения делались «королеве дождя» теми, кто хотел получить от нее столь желанный и жизненно необходимый дождь, то ныне дары следует подносить за сам исключительный шанс видеть Муджаджи и говорить с ней.

Обращение к магии с целью вызвать дождь — практика, распространенная не только в Южной Африке. В той или иной форме обряд «вызывания дождя» встречается у многих африканских народов, живущих в районах, время от времени страдающих от нехватки влаги. Практически лишь зона влажных тропических лесов, где осадки выпадают с четкой периодичностью и в завидных количествах, не знакома с подобной практикой.

И повсюду обряд вызывания дождя сопровождается массовым праздником.

На восточноафриканском острове Pemba, что лежит у побережья Танзании, в целях вызывания дождя устраиваются бои быков. Примечательно, что там специальной фигуры «дождевого доктора» не существует, а древние поверья в сознании местных жителей, в большинстве мусульман, соединились с элементами европейской культуры (О корриде на Pemba мы подробно рассказывали отдельно).

Колдуны, ответственные за «вызывание дождя», являются весьма важными фигурами в жизни нилотских народов Судана. В горах Нуба, например, вся традиционная культура местных племен, несмотря на значительные изменения последних лет, концентрируется вокруг фигуры «куджура». «Куджур» — это «вызыватель дождя» племени, проповедник, знахарь и предсказатель в одном лице, а также общественный лидер.

Представители племени нгиманг считают, что если им не удастся принять участие в церемонии по вызыванию воды с неба, наступит засуха. Поэтому подобный обряд, проводимый «куджуром», считается едва ли не ежегодной практикой. Свои силы над небесами «куджур» объясняет тем, что в него вселился добрый дух, посланный богом, чтобы вызвать дождь, одержать победу над врагом или болезнью. Иногда, по свидетельствам наблюдателей, у него все «получается» сразу — после обряда идет дождь. Причем у нгиманг вызыватель не получает денег за свои услуги — берет только овощи или козу, но только для совершения церемонии.

Один английский журналист описал подобный обряд, проводимый «куджуром» по имени Коренг. Он взбирается каждую весну на самый высокий пик в округе и втыкает на вершине свое копье в землю. Соплеменники считают, что это каменная скала, и поэтому уже этот его жест выглядит для них чудом. После этого Коренг начинает взывать к богу о дожде. Люди же из его племени собираются внизу, у подножия, чтобы с «мариссой» — местным сорговым пивом — отметить это событие, и танцуют под барабан до самой зари.

Несмотря на свою власть над небесами, даже такие уважаемые люди как Коренг становятся полноправными «куджурами» не раньше, чем им исполнится 50 лет. Для этого надо пройти еще специальный обряд: провести четырнадцать дней в своей хижине в полном одиночестве, а затем возглавить процессию через деревню, при этом принести в жертву 99 коз. В условиях постоянного голода в этих краях и чрезвычайной бедности населения такая жертва выглядит поистине редчайшим и величайшим событием.

Причину бедствий последних лет Коренг видит в отходе от традиционных ценностей. «Теперь, в последние годы, урожай бедный, земля нещедрая и дожди недостаточные. А все потому, что люди стали мусульманами. И эти школы и модернизация. Люди не следуют традициям предков, не ходят на реку, чтобы принести в жертву козу. Во сне великий «куджур» часто говорит мне о засухе, голо-

де и болезнях. Я вижу такие сны уже шесть лет. Люди будут наказаны», — говорит он.

Однако институт специальных знахарей, или вождей, ответственных за «погоду», в наиболее ярко выраженной форме существовал и продолжает существовать именно у южноафриканских народов.

У соседей поведу — свази — в качестве «вызывательницы дождя» выступает мать короля. Обычай, требующий назначения матери-королевы, сохраняется и поныне. Ее положение чем-то напоминает статус таковой в Англии. Только если в Британии родительница правящего монарха просто окружена почетом и уважением, то в Свазиленде за ней закреплены еще и важнейшие магические функции. В этой африканской стране мать-королева назначается, причем порой из числа женщин, которые могут состоять и в весьма дальнем родстве с вождем-королем. Ее официальный титул «Индхловукази» — «Слониха». Уже более ста лет за ней прочно закрепились репутация замечательной вызывательницы дождя, уступающей только Муджаджи.

Самым важным событием в жизни свази является Инквала, или «Праздник первых плодов». Как отмечают австралийские журналисты Корали и Лесли Риз, это последнее крупное суеверие, сохранившееся у южноафриканских народов, и оно тоже тесно связано с процедурой вызывания дождя.

На этот праздник к резиденции верховного вождя — короля свази — со всех концов страны собираются воины в своих нарядных ритуальных одеяниях и исполняют священный танец. В жертву приносят черного быка. Одновременно происходит инициация молодых верховных вождей. Когдуны же, под руководством «индхловукази» совершают обряд вызывания дождя. Обязательным атрибутом его является бурдюк, наполненный морской водой, которую надо принести из Индийского океана. Завершается ритуал тем, что верховный вождь исполняет танец перед народом и пробует маис нового урожая. А затем собравшиеся пьют пиво и пляшут всю ночь.

Как мы видим, танцы и потребление пива являются частью обряда вызывания дождя у совершенно разных африканских народов.

Интересна и еще одна закономерность. Обратимся, например, к снадобьям для вызывания дождя, которые хранят в козлиных рогах знахари народа тонга, живущего в Юго-Восточной Африке. Все они так или иначе связаны с морем — ракушки, китовые или рыбы кости, обточенные волнами деревяшки, водоросли, морские ежи. Вначале эти снадобья жарятся, а потом остужаются морской водой. Когда готовая смесь кладется в рог, в ход опять идет жир черной овцы — им заливается все сверху.

Мы видим, что различные предметы из моря и сама морская вода входят в состав «дождевых снадобий» многих южноафриканских народов, живущих порой даже на весьма значительном расстоянии от побережья. Море как огромный резервуар воды справедливо рассматривается ими и как источник дождей.

Знаменитый «дождевой доктор» тонга Мантхелу, перенявший мастерство у заклинателей суто и педи, применял для вызывания воды и другие, подсказанные ему костями способы. Так, он собирал листья растения тжеке, мазал их смесью из «дождевого рога» и клал под лучи жаркого солнца. Когда листья полностью высохли, начинался дождь. Иногда, по его совету, тонга, чтобы умилостивить небеса, устраивали в засушливые годы рыбную ловлю «тжеба». Весь клан выходил на высохшие озера и старицы и добывал там в оставшихся лужицах карпа или усача.

Мантхелу был удачливым «дождевым доктором». Он сам рассказывал, что иногда из соседних племен за ним присылали даже лошадей и фургоны с волами.

Чем же можно объяснить такой успех? Знаменитый охотник Джон Хантер в своем объемистом сочинении об Африке заявляет, что дождь, выпавший в 1922 году в пораженной засухой долине Замбези, был следствием магии. «Как можно объяснить подобное явление? Стечением обстоятельств?» — задает Хантер вопрос.

Ответ попытался дать большой знаток южноафриканской природы Т.К. Робертсон, заинтересовавшийся способностью людей

«вызывать» дождь. Он даже как-то разговаривал с Муджаджи и пытался выведать у нее секреты.

Заклинатель может и не верить в своего идола, но несомненно, что он — тонкий знаток природы. Робертсон обратил внимание, что крааль Муджаджи построен на гребне горы, один склон которой обращен на юго-запад, другой — на северо-восток. Северо-восточный склон покрыт лесом из саговника, древнего и необычного растения. Чаще всего оно растет на склонах, открытых влажным ветрам с Индийского океана, и очень чувствителен к переменам погоды.

«Муджаджи и ее предшественницы, очевидно, очень внимательно изучили поведение саговника, — заключил Робертсон, — и им часто приходилось говорить людям, что еще не пришло время вызывать дождь. Но вот в один прекрасный день они замечали перемены в листве растения и другие признаки приближения непогоды и разрешали приступить к церемониям».

У народа свази время посева кукурузы называется месяцем антилоп импала. Рев этих животных служит сигналом к началу сева. Робертсон считает, что они чувствуют перемену погоды за несколько недель или даже месяцев. Цапля голиаф, обитающая на реке Вааль, в те годы, когда бывает наводнение, вьет гнездо выше, чем обычно. Все это объясняется инстинктами животных, которые выработывались в течение тысячелетий. Что же касается заклинателей, то здесь нет никакого колдовства. Сами они не могут предугадывать перемену погоды, зато умеют отлично наблюдать за животными и растениями.

В наши дни «дождевые доктора» и «королева» Муджаджи редко пользуются своими секретами. Возможно оттого, что небо стало более милостивым, а может, вступив в контакт с белыми, они усвоили другие обычаи. Муджаджи давно уже не проводила «танцы дождя», и, чтобы воздать дань предкам, ей иногда приходится наведываться на христианское кладбище...

Но из уважения к традиции и в предвидении «года тощих коров» «королева» ревниво хранит свои секреты. И снова в засуху

склоняется она в своей хижине над костями, брошенными на козью шкуру, а подданные ждут снаружи ее приказаний небесам разверзнуться и вернуть жизнь в застывший под зноем вельд.

К вызывателям дождя

Чтобы познакомиться с африканскими вызывателями дождя, надо отправиться в Южную Африку. Самолеты в Йоханнесбург летают из всех крупнейших европейских столиц, но самый дешевый и удобный маршрут из Москвы — с пересадкой в Каире. Из Йоханнесбурга местным авиарейсом можно долететь до столицы Свазиленда Мбабане (туда же можно доехать по хорошему шоссе и на автомобиле), чтобы увидеть вотчину королевы-матери, ответственной за погоду, и даже побывать на празднике первых плодов.

Но конечно же самым интересным будет визит к Муджаджи, женщине-вождю народа ловеду.

К ловеду северного Трансвааля проще всего добраться из Йоханнесбурга на автомобиле или же долететь местным рейсом до города Питерсбург, а уже там пересесть на машину. Дорога, петляющая среди живописных отрогов Драконовых гор, ведет к национальному парку Муджаджи — это название то и дело встречается на дорожных указателях. К самой «королеве дождя» попасть, конечно, без знакомства не удастся, но осмотреть ее крааль, информационный центр ловеду, может каждый.

СЕЙШЕЛЬСКИЕ ЧАРОДЕИ

Сейшельские острова — всемирно признанный туристический центр. Главный остров архипелага — Маэ — связан прямыми авиарейсами со многими европейскими столицами. Можно также сделать пересадку в Дубае, а бывают и прямые чартеры из Москвы. Сейшелы — страна крошечная, на Маэ буквально за полчаса можно добраться на такси до любого уголка острова. На другие острова архипелага — на катере или маленьком самолете. Гостиницы там хорошие, туристический сервис поставлен отлично. Конечно, найти местных колдунов и увидеть какие-то их обряды самостоятельно вряд ли удастся. Но если войти в доверие к кому-то из местных жителей (тому же таксисту или бармену), то он сможет помочь вам организовать контакт.

Вышесказанное в полной мере относится и к другим островам — Маврикию и Реюньону. Оба они обладают прекрасной инфраструктурой, на машине можно добраться до любой деревушки, гостиницы имеются на разный вкус. О маврикийских лонганистах или реюньонских сорсье лучше всего осторожно спросить у кого-то из местных жителей. До Реюньона, который является заморским департаментом Франции, лучше всего лететь с пересадкой в Париже. Маврикий же связан авиарейсами с Лондоном, Парижем, Франкфуртом-на-Майне, Цюрихом и другими крупнейшими городами Европы.

Сегодня все знают Сейшельские острова как модный международный курорт в Индийском океане — туристический рай с белыми песчаными пляжами, жарким солнцем и экзотической тропической природой. Дружелюбные аборигены приветливы и встречают гостей ослепительными, как здешнее солнце, улыбками. И самое мрач-

ное и таинственное, что могут услышать большинство отдыхающих на этом архипелаге, так это истории про некогда хозяйничавших на островах пиратах и зарытых ими кладах.

Мало кто из непосвященных знает, что Сейшелы — вотчина тайных культов и магии, мало в чем уступающих знаменитому вуду.

По официальной статистике 90 процентов населения Сейшельских островов — католики, еще 8 — протестанты. И трудно усомниться в приверженности местных жителей к христианству, когда видишь толпы празднично одетых островитян, идущих на воскресную мессу. Поэтому любого наверняка удивит, что на поверку многие сейшельцы больше верят в магическую силу колдуна, чем в волю Всевышнего, к которому обращают свои молитвы, а при неладах в личной жизни, на работе или при болезни предпочитают обращаться к знахарским чарам, нежели идти в храм Господний.

Но не стоит удивляться. Достаточно вспомнить, кто такие сейшельцы.

В жилах девяти из десяти островитян течет африканская кровь. Начиная с 1830-х годов английские военные корабли, патрулировавшие восточноафриканское побережье с целью положить конец нелегальной работоторговле, которую вели в основном арабы, освобождали невольников с задержанных шхун — доу. Но их не отправляли обратно в Африку, а везли либо в Аден (тех, кого освободили к северу от экватора), либо на Сейшелы (тех, кого вытащили из неволи южнее экватора). Так, только за период с 1861 по 1872 год на архипелаг прибыли две с половиной тысячи африканцев.

Освобожденные таким образом рабы составили впоследствии большинство населения архипелага. До этого оно исчислялось несколькими десятками французских семейств с их чернокожими слугами, переселившимися сюда с острова Маврикий в конце XVIII века. Правда, привезенные рабы свободными оказались лишь формально: на Сейшелах им пришлось гнуть спины на плантациях белых колонистов...

Так как африканцы были родом из разных районов Восточной Африки, они довольно быстро утратили собственные диалекты —

их заменил креольский, сложившийся в среде бывших рабов на базе французского языка. Французская колония на Сейшелах существовала лишь четыре десятка лет, но культура этой страны оставила мощный отпечаток на образе жизни и менталитете обитателей архипелага. И это несмотря на то, что после Франции более полутора веков островами владела Англия. Африканское смешалось с французским и создало удивительную культуру, свой креольский язык, свою систему верований. Африканское происхождение большинства сейшельцев сказывается на их жизни и поныне, и вера многих из них в сверхъестественное является тому примером.

Колдовство в большинстве своих форм было завезено на острова из Африки рабами первых французских колонистов и освобожденными на Сейшелах невольниками с арабских доу. Среди рабов могло и не быть профессиональных колдунов, однако в новой обстановке африканцы попытались воссоздать тот институт знахарей, который существовал на их далекой родине.

Процесс колдовства, снадобья чародеев и вообще все, относящееся к черной магии, на Сейшелах называют собирательно «гри-гри», как и повсюду во франкоязычных странах.

Происхождение слова «гри-гри» точно неизвестно. Возможно, оно возникло от «Grimoïge» — названия книги о заклинании духов, авторство которой приписывают папе римскому Гонорию IV. Однако трудно найти связь между книгой такого рода и обычаями, которые имеют корни в Черной Африке. Обрядовая же сторона сейшельской магии напоминает аналогичную практику на островах Карибского бассейна, в частности вуду. Но каково бы ни было происхождение этого слова, к действию гри-гри на Сейшелах прибегают в случае тяжелой болезни, при защите от дурного глаза, обращаясь к колдовству как к средству ворожбы и даже тогда, когда нужно выиграть дело в суде или пройти конкурс при устройстве на работу.

По мнению американского социолога Бертон Бенедикта, черная магия практикуется в тех сферах жизни, где сейшельцы испы-

тывают наибольшую неуверенность. В условиях рабства, принудительного труда и бесправия заклинатель на протяжении многих лет был единственной фигурой, к которой мог обратиться простой человек и которой мог доверить свои личные дела. Церковь же, в которой большинство высших постов занимают белые, сейшельцы и поныне воспринимают как нечто инородное.

Еще с 1685 года во французских колониях действовал введенный министром Кольбером так называемый «черный кодекс», согласно которому каждый раб должен был быть приобщен к христианству. Дело в том, что, хотя формально все рабы на Сейшелах (так же как и на соседних Маврикии и Реюньоне) считались католиками, до 1832 года на архипелаге не было ни одного священника, и острова оставались вне сферы влияния церкви. С середины же XIX века появились миссионеры, и началось активное соперничество между католической и англиканской церквями. Несмотря на поддержку, которую британские колониальные власти оказывали последней, католицизм имел преобладающее влияние: в 1901 году англиканцы среди верующих на Сейшелах составляли 14 процентов, сегодня их доля сократилась почти вдвое...

Гри-гри на Сейшелах представляют некий субстрат традиционных африканских верований, которые в отрыве от естественной среды, в инородном окружении и под сильным воздействием господствующей французской культуры подверглись значительным изменениям.

«То, что здешние знахари заимствовали из католического ритуала, смешалось с языческими обычаями и культами, которые передавались из поколения в поколение, дав в результате такую гремучую смесь колдовства и вудуизма, что с научной точки зрения она едва ли поддается анализу», — писал один миссионер, работавший семьдесят лет назад на Сейшелах.

Для европейцев гри-гри представлялись всего лишь разновидностью черной магии. Система же верований, связанных с ней и имеющих гораздо более широкое распространение, обычно упускалась из виду.

В целом, само колдовство на Сейшелах и его цели схожи с черной магией, практикуемой в Африке, например с обрядом «токолоше», распространенным у народов ЮАР. Известный английский исследователь Бэзил Дэвидсон так описывает африканских чародеев: «Как правило, магией занимаются почтенные и опытные «врачи», прошедшие длительную подготовку в качестве подмастерьев и зарабатывающие средства к существованию своим ремеслом, включающим гадание и врачевание лечебными травами. Европейцы обычно называют их «докторами-колдунами». Иногда в качестве побочного занятия они могут практиковать и магию. В этих случаях они, естественно, хранят свое ремесло в тайне, так же как современный врач скрывает незаконно прописанное лекарство или произведенную операцию».

При возникновении каких-то сложностей и неприятностей в повседневной жизни сейшельцы идут в церковь и обращаются к «христианскому богу», а в случае болезни — к врачу. Если же это не помогает, то они почти всегда «передают дело» знахарю-чародею.

Чародеев на Сейшелах называют «боном (если это женщина — «бон фам») де буа» («лесной добряк» или «лесной простак»), а иногда и просто «сорсье» («колдун»). Несмотря на то что в 1958 году на Сейшелах был введен специальный закон, запрещающий любые действия, связанные с черной магией, а вместе с тем делающий нелегальными все сопряженные с ней обряды, вера в гри-гри в наши дни весьма широко распространена среди сейшельцев как в виде колдовства, так и в виде поверий и ритуалов. Тем не менее говорить вслух о гри-гри, особенно с незнакомыми людьми, сейшельцы не любят.

Островитяне предпочитают не особенно распространяться на тему колдовства и деятельности чародеев. Поэтому достоверную информацию на эту тему найти весьма нелегко. В архивах Сейшельских островов нет специального досье, посвященного гри-гри. Этой проблемой в свое время пытался заниматься главный сейшельский архивист Арчи Уэбб. Но он привык иметь дело с фактами, а не с досужими разговорами. А протоколов, конкретных фак-

тов набралось у него немного. Если вообще что-то нашлось. На вопрос о сверхъестественном лишь единицы готовы были дать какой-то письменный ответ. Кто-то слышал одно, кто-то — другое... И все. Не покидало такое ощущение, что опрашиваемые просто чего-то боятся, хотя большинство из них были явно неглупыми и образованными людьми...

Характерно, что сегодня ни на одном из официальных сайтов Сейшельских островов в Интернете не найдешь информации или даже упоминания о гри-гри.

Зато если войти в доверие к таксисту или бармену, они обязательно назовут вам адреса нескольких «лесных добряков».

«Бомом де буа», имеющие хорошую репутацию, обладают довольно широкой клиентурой и принимают в день по несколько человек — за визит берется небольшая сумма в качестве вознаграждения. «Кабинет» знахаря — это отдельная комната в доме либо специальный сарай: там он принимает посетителей, там же готовит необходимые гри-гри, там же хранятся зелья и приспособления для гадания.

Обращаясь к «лесному добряку», клиент рассказывает ему суть дела, чтобы тот мог правильно определить средство, которое надо применить в конкретном случае. Он может приготовить специальные снадобья для увеличения привлекательности, для защиты от дурного глаза, от колдовства, для осуществления мести. Все средства, находящиеся на вооружении «бомом де буа», можно разделить как бы на две группы: «наступательные» и «защитные». Но всегда, прежде чем выбрать необходимое средство или определить причину беды клиента, «лесной добряк» обращается к гаданию.

Сейшельские чародеи обычно гадают на картах, на кофейной или чайной гуще, используют для этого зеркальце или обращаются за советом к гадальным костям, в роли которых выступают кусочки дерева, камешки или семена — совсем как у африканских знахарей.

«Бомом де буа» никогда точно не назовет источник бед своего клиента, а лишь наведет его на размышления, указав только об-

щие приметы виновника, якобы подсказанные гаданием. Клиент уже сам может заподозрить кого-то из своих соседей или знакомых, кто подходит под приметы, описанные «лесным добряком», и начинает ему мстить, прибегая опять-таки к помощи чародея. Правда, если «боном де буа» имеет постоянную клиентуру, которую он хорошо знает, то он уже работает как настоящий психолог, иногда довольно верно определяя причину беды клиента.

При повторном визите или сразу после гадания — если случай кажется «лесному добряку» простым — он сразу же приготавливает гри-гри.

Обычно это небольшой пакетик, содержащий снадобье, или реже — пузырек с зельем. В состав снадобья чаще всего входят небольшие камешки, кусочки металла, ракушки, натертая на терке кокосовая скорлупа. А если готовится «наступательное» гри-гри для ворожбы или мести, то оно обязательно будет включать что-то имеющее непосредственное отношение к будущей «жертве» — волосы, кровь, мочу, сперму этого человека или землю, по которой он ходит. Чтобы придать гри-гри благородный вид и запах, в него могут добавить обычную пудру или сок диких растений и мед. Несколько ингредиентов «боном де буа» смешивает и растирает в мелкий порошок, а если это жидкость, то сливает в пузырек.

Особенно сильное средство ворожбы имеет следующий «рецепт». Колдун идет ночью на кладбище и берет с собой черного петуха. Он полностью раздевается и ложится на могилу девушки. Так, лежа, он приносит петуха в жертву, перерезая ему горло. Часть крови выпивается, а оставшаяся смешивается со спермой. Эту смесь он берет домой и на следующий день высушивает ее на солнце, а затем размельчает до состояния пудры. Если эта пудра коснется девушки, а лучше будет подмешана в ее пищу, она не сможет устоять перед мужчиной, который «заказал» снадобье.

Готовое гри-гри обязательно должно прийти в соприкосновение с «жертвой», и поэтому по совету чародея порошок тайно наносится на постельное белье либо на умывальные принадлежности «жертвы» или им посыпается место, по которому она обычна ходит.

Если рано или поздно с «врагом» или кем-то из его близких что-то случится, у него будет какая-то неудача — пусть самая малая, или возлюбленная вдруг ответит на ухаживание, значит, гри-гри «сработало». В случае, если снадобье не помогло, «лесной добряк» обещает повторный «прием», уже бесплатно.

Кость цыпленка считается сильнодействующим гри-гри для ворожбы. Ее незаметно кладут под подушку возлюбленной. Поэтому наиболее привлекательные сейшелки частенько находят их в своем постельном белье.

Иногда «жертвами» гри-гри становятся судьи и адвокаты, ведущие в столичном суде дела, которые касаются клиентов «лесных добряков». Гри-гри размазывают по ступенькам лестницы, где должен пройти адвокат, либо прячут в зале неподалеку от его места, чтобы повлиять на ход дела и повернуть его в выгодную для себя сторону. Иногда в зале суда находят бутылки с клочками бумаги, на которых написано имя судьи. Бутылки заткнуты пробкой, что означает: судья под контролем.

Однажды юриста, пришедшего в здание суда в сейшельской столице Виктории, у ступенек лестницы остановил привратник, который убеждал его не приближаться к тому месту, где была размазана какая-то кашеобразная субстанция. «Это гри-гри, господин, — сказал привратник. — Если вы наступите на нее, вы не выиграете свое дело». Будучи уверенным, что он поступает правильно, адвокат специально наступил на эту кашу как можно более твердо и уверенно. Слава Богу, он был в полном здравии, когда рассказывал эту историю.

В другой раз, когда слушалось еще одно дело, юрист, едва встав с постели, понял, что против него действуют какие-то странные силы. В ванной комнате он обнаружил, что его бритвенная кисточка влажная, а тубик с кремом заметно «похудел». Лишь войдя в зал суда, адвокат понял, в чем дело. У колонны он увидел старую женщину, черное лицо которой было обильно покрыто белой пеной: его крем для бритья использовали, чтобы «поддержать» противоположную сторону...

На Сейшелах рассказывают, что бывали случаи, когда гри-гри применялись и для одурманивания. Служанка или повар подмешивали в пищу своему хозяину специальные снадобья (видимо, из растений, чей сок обладает наркотическими свойствами), которые должны были вызвать у него слабость или помешательство, дабы легче было обманывать его и подворовывать.

Очень часто к «лесному добряку» обращаются и как к обычному доктору. Если сейшелец заболевает, то в первую очередь идет к профессиональному медику. Но если болезнь долго не проходит или случай особенно тяжелый и необычный, то он отправляется за советом к «боном де буа», который выступает в роли собирателя и знатока трав и растений.

В арсенале сейшельских чародеев есть листья деревьев и кустарников, коренья, побеги, которыми, приготовив их в различных видах, они лечат корь, грижу, болезни печени, диабет, паралич, астму, помогают избавиться от прыщей и глистов.

Так, листья так называемого «мальгашского дерева» используются в качестве сильного противоядия, шиповник Жана-Робера считается средством от диабета и глистов, а отвар его в роме применяется при лечении астмы. Припарками из корней папайи лечат паралич, а против абсцесса используется отвар корней растения, именуемого на Сейшелах «ночная красавица». Лимонная мята, или мелисса, считается популярным средством от лихорадки.

«Лесные добряки», знакомые с целебными свойствами дико-растущих трав и деревьев, располагают своими средствами от дифтерита, сыпи и многих других болезней и недугов. Случаи, когда рецепты, прописанные «боном де буа», оказываются весьма действенными, совсем нередки, и целебные свойства многих растений, применяемых ими, были подтверждены современной медициной.

Для защиты от некоторых заболеваний или как профилактическое средство сейшельцы используют и специальные амулеты. Так, матери на шею своим детям вешают клык собаки, что, по их мнению, должно ускорить появление у их чад зубов. Многие пожи-

лые сейшельцы носят в мочке уха маленькие золотые кольца, которые, как они верят, препятствуют ухудшению зрения. Неправильная диета большинства сейшельцев ведет к авитаминозу, симптомом которого является ухудшение зрения. Поэтому вера в такие кольца на архипелаге весьма сильна. Один старый сейшелец рассказывал, например, Бертону Бенедикту, что, когда он как-то попытался снять кольцо, зрение его сразу помутнело...

Сейшельцы вообще очень суеверны, опасаются дурных примет и особенно боятся действия гри-гри. Множество примет у сейшельцев связано с беременными женщинами, и они всегда стараются исполнить любое их желание, лишь бы не навести на себя дурной глаз. Один европеец, недавно обосновавшийся на архипелаге, никак не мог приучить молодую служанку открывать по ночам в доме окна: та ужасно боялась, что в дом попадут «нехорошие» гри-гри. А как-то в Виктории вообще произошел курьезный случай. Он описан в книге англичанина Ф.Д. Омманни «Отмели Козерога».

Бутылки, содержащие голубую жидкость или мертвого паука и подложенные кому-то в дом или подброшенные через забор в сад, представляют собой грозное «наступательное» гри-гри. И вот рабочие, ремонтировавшие один дом, нашли такие предметы, спрятанные по углам одной из комнат. Они прекратили работу и ушли со стройки. Ремонт пришлось приостановить...

Интересно отметить, что, хотя гри-гри на Сейшелах имеет африканское происхождение, большинство терминов, связанных с этой системой верований, заимствовано из французского языка. Так, наибольшее распространение на островах имеет вера в «мальфезанс» — зло, злодеяние, силу, воплощенную в абстрактную магическую фигуру «мальфетера» — злоумышленника, злодея, который часто выступает в различных видах и с чьими действиями сейшельцы связывают свои беды, скоропостижную смерть до отпущения грехов и тому подобное. Когда человек считает, что имеет дело с «мальфезансом», он непременно обращается к «боном де буа».

Если болезнь затягивается и носит необычный характер, если человек страдает дизентерией, головными болями, в случае, если

у него открываются кровотечения или он болен раком, — все это знак того, что он подвергся действию «мальфезанса». Смерть, в которой повинны гри-гри, также, по мнению островитян, является делом рук «мальфетера».

Считается, что людей, умерших подобным образом, в ночь после похорон забирают из могилы четыре «мальфетера» и превращают в привидения-зомби, которые на Сейшелах называют «додотия», или «дондосия».

«Додотия», не видимая ни для кого кроме «мальфетеров», уходит в лес, где ей дают мотыгу и заставляют работать. Вера в привидения — одно из самых распространенных заблуждений сейшельцев. Многие из них рассказывают истории про привидения-додотии, которые закованы в цепи в горных пещерах. Эти истории, вероятно, являются отголосками прошлого, когда во времена рабства хозяева заковывали своих чернокожих рабов в цепи...

Чтобы умерший не был обращен в привидение, его надо «застраховать» от козней «мальфетеров». Согласно преданиям, человек, в смерти которого повинны гри-гри, умирает для бога только на восьмой день. Поэтому, чтобы «застраховать» умершего, его родственники по совету «сорсье» втыкают в тело усопшего семь групп по семь булавок в форме крестов. Еще более надежным средством против «мальфезанса» представляется специальная смесь, в состав которой входят семь черных бананов, семь капель воды из цветочной вазы с могилы, кладбищенская земля и ... немного мозгов уже похороненного человека, но умершего «чистой» смертью, то есть без гри-гри. Всю эту адскую смесь нужно вылить на могилу перед похоронами, и когда за телом явятся «мальфетеры», они уйдут ни с чем.

«Мальфетеров» можно держать в страхе и при жизни человека. Так, столбы из «мальгашского дерева», вкопанные вокруг дома, — надежная защита от них. Злого духа можно и хорошенько «наказать» — но только с помощью палки из особого дерева, которое растет высоко в горах: причем «мальфетера» ею лупить нужно снизу, так как он стоит вверх ногами, когда его не видно.

Многие островитяне, особенно рыбаки, верят также в духов моря и другие потусторонние силы...

В ритуальных целях на Сейшелах исполняется креольский танец мутия. Эти пляски обычно устраиваются лунными ночами. Аккомпанементом служат три барабана: два больших — «пэр» («отец») и «мэр» («мать»), а третий маленький — «баба» («дитя»). Такой «оркестр» полностью соответствует трем барабанам, используемым в обрядах вуду на Гаити.

Описаны случаи, когда на Сейшелах для исполнения тайных обрядов у собак выкалывали глаза. Об этом, незадолго до своей смерти в 1933 году рассказывала мисс Халкетт, которая несколько лет содержала приют для бездомных собак в Сан-Суси на острове Маэ. Соседи ей сообщили, что существует предание, будто для некоторых обрядов необходимы глаза живой собаки.

Если все вышеописанные виды колдовства и знахарства, а также верования, связанные с ними, имеют в целом африканское происхождение и базируются на тех же приемах, что и у народов Тропической Африки, за исключением лишь некоторых элементов, привнесенных белыми колонистами (таких, как гадание на картах, кофейной гуще или зеркале), то еще один вид черной магии, практикуемой на Сейшелах, был занесен на острова несомненно из Европы. Этот вид колдовства называется «Пти Альбер» — «Альберт Малый».

Он ведет свое происхождение от «универсального доктора» Альберта Магнуса (1193—1280), который имел репутацию великого волшебника в средневековой Европе. В начале XIX века во Франции были изданы две книги по черной магии, называвшиеся «Тайны Альберта Великого» и «Тайны Альберта Малого», которые были очень популярны как в метрополии, так и во французских колониях. Они, естественно, были написаны не самим Альбертом Магнусом, но унаследовали его имя. Вероятно, ранние колонисты завезли на Сейшелы «Тайны Альберта Малого», и в условиях, благоприятных для восприятия черной магии, средневековое колдовство сохранилось до наших дней. У некоторых «боном де буа» до сих пор можно найти

эти старинные, зачитанные полуистлевшие книги. Так даже в области знахарства проявляются корни сейшельской культуры, которыми она обязана как Африке, так и Франции.

Белые сейшельцы как английского, так и французского происхождения с иронией относятся к практике чародеев. Однако интересно, что некоторые из них все же, хоть, может, и не полностью, верят в воздействие определенных гри-гри. Один англичанин, проработавший на Сейшелах несколько лет, уезжая, заметил: «Я люблю Сейшелы, но, честно говоря, не очень жалею, что уезжаю. Тут всюду полно этих гри-гри...» Еще одна женщина объясняла помешательство своего знакомого действием «одурманивающих» гри-гри. А уже упоминавшемуся Омманни местные старожилы рассказывали, что некоторые белые сейшелки навешиваются к «лесным добрякам» за средствами для ворожбы...

Действительно, трудно поверить, но даже образованные дамы на Сейшелах в еще сравнительно недавние времена клали куриные кости под подушку своих мужей, чтобы те были им верны. Особенно это практиковали уже стареющие женщины. Бывали случаи, когда хозяйка дома нанимала слугу, не особенно усердного, но имевшего репутацию хорошего колдуна. Он становился ее доверенным лицом, и она полностью доверяла его колдовской силе. Колдун же, со своей стороны, обещал ей, что муж или любовник всегда будут «под контролем». Они-то и советовали класть кости под подушку или матрас и подмешивали привораживающее зелье в кофе или суп мужа.

Католическая церковь на Сейшельских островах резко выступает против деятельности чародеев и гри-гри. Но в сознании большинства сейшельцев обе эти системы верований прекрасно уживаются между собой. Да и сами «боном де буа» вполне совмещают веру в Христа со своей практикой. Более того, иногда бывали случаи, когда из церкви пропадали различные предметы, используемые при обрядах, а потом их находили в арсенале магических средств кого-то из чародеев-«сорсье». А часть ритуалов, связанных с гри-гри, совершается на Сейшелах на христианских кладби-

щах. Островитяне даже иногда вызывают к христианским святым как ангелам возмездия.

Известен случай, когда однажды воскресным утром, после причастия, к англиканскому архидьякону подошла расстроенная женщина, которая попросила его помолиться о том, чтобы к ней вернулся ее муж. Она сказала, что другая женщина подмешала зелье мужу в чашку с кофе и таким образом увела его. Священник оказался в прямом конфликте с дьяволом! Но потом он признал женщину: она завоевала своего мужа тем же самым способом, который теперь был применен против нее.

«Возможно, — заметил австралийский журналист Атол Томас, — сейшельцы даже рассматривают священников как белых колдунов».

В целом все виды черной магии, практикуемой на архипелаге, ныне носят довольно безобидный характер. Сами «лесные добряки» говорят: «Мы делаем людям только добро, зла не приносим», и их деятельность оказывает преимущественно психологическую поддержку. Однако в прошлом чародеи знали рецепты «сильнодействующих» средств, и черная магия представляла собой более устрашающую силу.

Среди «боном де буа» были и свои знаменитости. Одним из них, без сомнения, являлся Шарль Дьягор, известный как «Дьягор Великий». Он умер в 1962 году в возрасте девяносто лет. У него была такая репутация, что на Сейшелах до сих пор ходят легенды, будто даже врачи, которые не могли точно поставить диагноз, советовали своим пациентам обратиться к нему — «попробовать Дьягора»...

Одна молодая сейшелка рассказывала Томасу о некоторых «рецептах» своего деда — другого знаменитого «лесного добряка». Она помнила, например, как готовятся гри-гри, с помощью которых можно потопить в море человека. Для этого нужно взять воду из семи ваз с кладбища, семь стаканов морской воды, семь листьев ладанового дерева (чисто семь, как видите, имеет магическое значение и на Сейшелах), вылить все это в новую кастрюлю, которую необходимо поставить на огонь из трех палок — прием палки эти можно только

сдвигать, но не поворачивать. Когда вода начнет закипать, море станет бурным, а когда она совсем вскипит, то кастрюлю надо вылить на огонь и произнести название лодки, на которой плывет намеченная жертва, и имя этого человека. То, что произошло с кастрюлей, произойдет и с лодкой — она перевернется и человек утонет.

Помнига девушка и «рецепт» зловещего григри, с помощью которого, считалось, можно убить человека. Для этого брался кусочек дерева от креста, который используется во время богослужения, другой вырезался из жасминового дерева в лесу, собиралось немного песка, по которому ходила «жертва», и все это помещали в такое место, где «жертва» обязательно коснется этой смеси. После этого человек должен был заболеть и умереть.

Другой «рецепт» деда той сейшелки предназначался для того, чтобы стать невидимым. Человеку, пожелавшему превратиться в невидимку, он прописывал поймать черного котенка и держать его у себя семь дней. На восьмой день его нужно было пожить в воду и варить до тех пор, пока мясо не отстанет от костей. Затем вымыть кости в ручье и сосать кончик каждой кости, глядя при этом в зеркало. Когда наступит черед определенной кости, человек станет невидимым. Эту кость нужно носить с собой и сосать — никто тебя больше не увидит, кроме «девинера». «Девинер» — это доктор, судья, колдун в одном лице. Когда-то он был просто «мальфетером», но, приобретя много новых навыков, стал «девинером», то есть почти волшебником...

Женщина также рассказывала, что ее дед знал, как приготовить григри, с помощью которого можно было выманить из моря в любое время сотни черепашек. Но для приготовления такого григри, как и прочие «сильнодействующие» средств, которые, например, молли избавить клиента «лесного добряка» от смерти, нужны были части человеческого тела.

Звучит жутко, но на Сейшелах до сих пор можно услышать истории, как в прошлом в горах находили убитых явно в ритуальных целях женщин и детей, и, хотя за сведения об убийцах предлагалось крупное вознаграждение, никто никогда найден не был. Са-

мым знаменитым из подобных загадочных случаев была смерть в 1925 году швейцарского миссионера отца Теофила.

Однажды утром его с проломленным черепом обнаружили в восточной части острова Маэ в ущелье под тропинкой между Каскад и Ла-Мизер. Полиция провела расследование, и экспертиза пришла к выводу, что тридцатилетний священник просто оступился, когда шел в темноте по горной тропе, и сорвался в пропасть. Но жители островов думали иначе: они были уверены, что здесь дело не обошлось без колдовства, и их довод был таков: «Отец Теофил боролся со знахарями, и это они убили его».

В Виктории несколько дней было неспокойно. Жители города и окрестностей требовали ареста нескольких наиболее известных «боном де буа» и прямо указывали на «лесного добряка» Большого Луи, который жил как раз у того места, где погиб отец Теофил. В Виктории даже была распространена петиция, подписанная многими знатными горожанами, в числе которых был и епископ католической церкви, требовавшая ареста трех чародеев, включая Большого Луи, а также нескольких полицейских, проводивших расследование, — те, будучи протестантами, якобы сочувствовали «лесным добрякам»!

Чтобы успокоить народ, пришлось арестовать Большого Луи и посадить на один месяц. Постепенно снова воцарилось спокойствие, но лишь через два года местные колониальные власти позволили церкви похоронить отца Теофила по всем правилам и перенести его останки на кладбище. До сих пор некоторые пожилые сейшельцы вспоминают эту историю и уверены, что его смерть была делом рук заклинателей, хотя во всех официальных документах она фигурирует только как несчастный случай...

Эта история наглядно демонстрирует, насколько глубоко укоренилась у сейшельцев вера во всемогущество «лесных добряков» и оккультные силы. Поэтому официальный запрет колдовства в 1958 году не был случайностью и не относился к разряду курьезов.

Указ 1958 года за номером 4 ставил колдовство и все действия, связанные с черной магией, вне закона. И хотя с тех пор заводи-

лось несколько дел о нарушении указа, деятельность чародеев не стала менее активной, а вера сейшельцев в силу гри-гри — менее глубокой. Просто, оказавшись вне закона, практика «боном де буа» ушла в еще более глубокое подполье.

Вообще все обряды, связанные с гри-гри, всегда совершались в большой тайне. Однако, если судить по воспоминаниям англиканского священника Дж. Озанна, проведшего несколько лет на Сейшелах в 1930-е годы, в то время ритуальная сторона гри-гри была заметна больше и, видимо, практиковалась активнее. Да и сами обряды носили более зловещий, чем ныне, характер.

Считают, в частности, — хотя точного подтверждения этому нет, — что раньше на островах бывали и случаи ритуального убийства людей.

Озанн, например, слышал жуткие истории, как бесследно пропадают дети. На небольших изолированных от окружающего мира островах, где нет ни хищных животных, ни преступности, это действительно очень трудно объяснить.

Так, например, в 1933 году на главном острове архипелага Маэ семнадцатилетняя девушка пошла из района Экзиль в Викторию и исчезла, не оставив никаких следов. В том же году аналогичный случай имел место на острове Прален. Через полгода расчлененные останки нашли на дне отхожей ямы. Единственное объяснение, которое этому случаю давали сейшельцы, такое: дети стали жертвами тайного культа.

Однажды произошла и такая жуткая история. Креольская женщина, работавшая в большом магазине в Виктории, вдруг заболела и скоропостижно умерла. Расследования в таких случаях на Сейшелах были редкостью, и ее так и похоронили без выяснения точной причины ее смерти. В ночь после похорон гроб был откопан, тело несчастной разрезано, а сердце вынуто. Эксгумированное и распотрошенное тело было затем снова положено в гроб и предано земле. Что это было — колдовской ритуал или месть — так и не было выяснено. Причем, по бытовавшему тогда убеждению, никакой стражник или полицейский не будет мешать этим колдунам. Страх по отноше-

нию к чародеям настолько глубоко проник и в полицию, что у тех оказываются полностью свободными руки, считал Озанн.

В 1954 году на холмах около Анс-Этуаль на севере Маэ была обнаружена голова трехлетнего мальчика, которого похитили у родителей. Часть мозгов была вынута, а трава вокруг места ужасной находки примята, как если бы люди там принимали участие в какой-то церемонии. Причем эти жуткие останки были найдены на утро после полнолуния. Была объявлена награда в 500 рупий — по тем временам немалая сумма для сейшельцев — в качестве награды за любую информацию об убийцах. Но следствие так ни на шаг и не продвинулось вперед.

«От местных жителей в этом смысле не стоит ждать помощи. Все они в ужасе от гри-гри, — слова Озанна, сказанные за тридцать лет до этого. — Причем этот страх распространяется и на весьма современную и образованную прослойку здешнего общества. Люди, которые называют себя «европейцами», столь же опасаются гри-гри, как и их слуги».

В 1959 году, менее чем через год после выхода закона, запрещающего колдовство, на том же самом месте были найдены останки пожилой женщины, пропавшей за несколько дней до этого. Из верхней части ее тела было вынуто несколько костей, голова была размозжена... Как и в предыдущем случае, виновники ее гибели найдены не были.

Только за десять лет после введения закона было заведено шесть дел, связанных с гри-гри, но это мало поколебало веру в колдовство.

А до 1958 года всего однажды колдун на Сейшелах был арестован, да и то из-за его собственного промаха.

Один человек, который скопил крупную по меркам сейшельца сумму, решил ее увеличить, не прилагая со своей стороны никаких усилий. Он обратился к известному колдуну, который посоветовал тому пойти после наступления темноты в определенное место в лесу, захватив с собой все накопленные наличные. Придя на нужное место, нужно произнести заклинание, которому научил колдун.

Когда он произнесет эти слова, появится большой зверь («гросс бебет»), который и покажет, где найти сумму, вдвое большую, чем принес с собой человек.

Доверчивый сейшелец выполнил все инструкции, данные ему колдуном. Пошел в темноте в лес с холщовой сумкой, набитой деньгами, и на указанном месте дрожащим голосом стал произносить заклинание. В этот момент жуткое существо с пылающими глазами появилось из-за деревьев и с воем бросилось к человеку. От страха тот бросил свою сумку и кинулся наутек.

Как только он сбежал, «гросс бебет» поднял сумку и спокойно удалился. Однако бедняга, расставшийся с деньгами, когда пришел в себя, отправился в полицию и там все рассказал. Полиция произвела обыск в доме колдуна и нашла у него деньги. В итоге «лесной добряк» был арестован за обычный разбой, был обвинен и получил два года исправительных работ.

Так что, бывает, чародеи оказываются простыми жуликами и разбойниками...

Бедность, неуверенность в завтрашнем дне, а до получения независимости в 1970-е годы еще и бесправие большинства сейшельцев перед колониальными властями — вот что позволяло сохраняться этой практике на островах. Сейчас архипелаг связали с внешним миром авиалинии, ежегодно туда приезжают десятки тысяч туристов со всего света. Жизнь островитян заметно изменилась. Однако институт «лесных добряков» продолжает функционировать. Современные чародеи и колдуны могут уже и не знать многих «сильных» рецептов своих дедов и прадедов. Но если у молодой сейшелки нелады в личной жизни, а у отца семейства неприятности на работе, они по-прежнему уверены: стоит сходить к «боном де буа», и все будет в порядке!

Верования, схожие с практикой гри-гри на Сейшелах, существуют и на соседних островах Индийского океана — Маврикии и Реюньоне, которые имеют во многом подобную историю. Распространены они на этих двух островах, однако, меньше, и там в них преобладает именно черная магия.

Хотя большинство маврикийских креолов ведут европейский образ жизни и являются ревностными католиками, многие из них — особенно среди бедных слоев населения — сохраняют ряд обычаев и культов своих предков-рабов, у которых были широко распространены вера в злых духов и поклонение душам умерших.

На Маврикии колдуны называются «лонганисты». Интересно, что многие бедные неграмотные индийцы (выходцы из Индии составляют на острове больше двух третей населения) также переняли некоторые креольские поверья, и в наши дни здесь можно встретить лонганистов-индуистов и лонганистов-мусульман.

Сферы жизни, которые затрагивает деятельность колдунов, примерно совпадают с практикой «боном де буа» на Сейшелах. Схожи большинство обрядов, а также магических предметов, которые в них используются. Однако любопытна деталь: на Маврикии, где существует крупная китайская община, лонганисты-креолы весьма часто в своих ритуалах употребляют китайские благовонные свечи.

В заклинаниях, которые должны помочь в борьбе с привидениями и злыми духами, лонганисты называют имена католических святых и используют цветы, взятые в церквях. Когда же надо заговорить духов «индийского» происхождения, креолы приглашают индийских «специалистов».

Реюньонский вариант чародея-лонганиста — «боном», или просто «сорсье» («колдун»). Хотя «сорсье» на Реюньоне встречаются африканского и мальгашского происхождения, большинство из них — индийцы, которых здесь зовут малабарами. И «сорсье» больше всего именно в тех районах, где сосредоточено индийское население Реюньона, на Наветренном берегу: между Сен-Дени и Сент-Роз их насчитывается от 200 до 300 человек. Неудивительно, что иногда вместо «сорсье» реюньонских чародеев называют «пусари», как именуют священнослужителей в индийских храмах острова. К тому же не стоит забывать, что некоторые религиозные обряды индийцев напрямую связаны с магией.

Практика реюньонских «сорсье» и окружающие ее верования во многом напоминают то, что можно наблюдать на Сейшелах и

Маврикии, и представляют именно элемент креольской культуры. «Лечение» болезней, отвод дурного глаза, предсказание будущего — с такими целями обращаются к «сорсье» креолы и малабары.

Как и на Сейшелах, на Реюньоне распространена вера в «Пти Альбера». Так же как и на Маврикии, здесь одним из обрядов, связанных с деятельностью «сорсье», является убийство черного пуха на кладбище. Тот факт, что во всех этих землях в ритуальных целях используются черные животные, позволяет провести параллель с Южной и Юго-Восточной Африкой, где во многих традиционных обрядах, например при вызывании дождя, приносится в жертву животное только черного цвета (или хотя бы с черными пятнами).

В своих магических заклинаниях реюньонский «сорсье» может называть имена как индийских богов, так и христианских святых, а наиболее популярным местом совершения ритуалов является христианское кладбище.

Одним словом, ведовство на Сейшельских и Маскаренских островах (Маврикии и Реюньоне) — это элемент специфической креольской культуры, сложившийся в результате смешения разных верований и религий еще в колониальные времена, а благодаря определенной изоляции сохранившийся и до наших дней. Современная цивилизация, активно пришедшая на смену патриархальному плантационному обществу этих земель, еще дальше, на периферию отодвинула подобные верования и колдовскую практику, но так и не смогла полностью вытеснить ее из жизни Сейшел, Маврикия и Реюньона...

ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОД ФАРИНИ

Затерянный в песках Калахари город — самая романтическая и загадочная легенда Южной Африки. Она живет уже сто двадцать лет и будоражит умы искателей сокровищ и ученых. О городе Фарини написаны десятки статей в популярных и научных журналах, на его поиски отправлялось множество экспедиций. И любителями, и серьезными исследователями собраны сотни свидетельств, которые поддерживают веру в его существование, а в Энциклопедии Южной Африки ему посвящена даже отдельная статья. Но до сих пор этот город так и не найден...

Рождение легенды

8 марта 1886 года члены Королевского Географического общества в Лондоне внимательно слушали рассказ вернувшегося из путешествия по Калахари американца Джиларми Фарини. Среди прочего он поведал им и о находке в пустыне полуразрушенного, засыпанного песком города. Тот же доклад был прочитан 7 ноября 1885 года и перед членами Берлинского Географического общества. Позднее он стал основой для вышедшей вскоре после этого книги. Так родилась эта легенда.

Но предоставим слово самому Фарини.

«Мы расположились лагерем у подножия горы, — писал он, — у каменистой гряды, по своему виду напоминавшей китайскую стену после землетрясения. Это оказались развалины огромного строения, местами занесенного песком. Мы тщательно осмотрели эти

Фарини и его спутники заявили о находке руин затерянного города в Калахари. Тем не менее ни одна из многих последующих экспедиций не смогла обнаружить его следов. Это ставит вопрос: а существовал ли затерянный город вообще?

иной мере были занесены песком, мы приказали своим людям раскопать лопатами самое большое из них (эта работа явно пришлась им не по вкусу) и обнаружили, что песок предохранил места стыка от разрушения. Раскопки отняли почти целый день, что вызвало немалое возмущение у нашего проводника Яна. Он не мог понять, зачем понадобилось откапывать старые камни. Для него это занятие представлялось пустой тратой времени. Я объяснил ему, что это остатки города, или места поклонения, или же кладбища великого народа, жившего здесь, может быть, много тысяч лет тому назад.

руины протяженностью почти в милю. Они представляли собой груды огромных тесаных камней, кое-где между которыми были ясно видны следы цемента. Камни верхнего ряда сильно выветрились, некоторые из них были похожи на стол на одной короткой ножке.

В общем, стена имела форму полукруга, внутри которого на расстоянии приблизительно сорока футов друг от друга располагались груды каменной кладки в форме овала или тупого эллипса высотой полтора фута. Основание у них было плоское, но по бокам примерно на фут от края шла выемка. Некоторые из этих сооружений были выбиты из цельного камня, другие состояли из нескольких глыб, тщательно подогнанных друг к другу. Поскольку все они в той или

Мы стали раскапывать песок в средней части полукруга и обнаружили мостовую футов двадцать шириной, выложенную крупными камнями. Крайние из них были продолговатыми и лежали под прямым углом к внутренним. Эту мостовую пересекала другая такая же мостовая, образуя мальтийский крест. Видимо, в центре его был некогда какой-нибудь алтарь, колонна или памятник, о чем свидетельствовало сохранившееся основание — полуразрушенная каменная кладка. Мой сын попытался отыскать какие-нибудь иероглифы или надписи, но ничего не нашел. Тогда он сделал несколько фотоснимков и набросков. Пусть более сведущие люди, чем я, судят по ним о том, когда и кем был построен этот город».

Это было первое и последнее описание «затерянного города». Оно появилось в книге Фарини «Через пустыню Калахари», изданной в Лондоне в 1886 году, а немного ранее — с несколькими другими деталями — прозвучало в докладе в Географическом обществе.

Фарини и его экспедиция

Настоящее имя Фарини — Уильям Леонард Хант. Он родился в 1839 году в Нью-Йорке и в молодости занимался шоу-бизнесом. В 1864 году в возрасте 25 лет он, по примеру Блондена, прошел по канату над Ниагарским водопадом. Чуть позже повторил свой подвиг, покорив еще более опасный водопад Шодриер в Канаде, после

Карта маршрута путешествия Фарини по Калахари

Джиларми Фарини – путешественник, шоумен, искатель приключений и писатель

чего и взял себе псевдоним Великий Фарини. Но это был не просто шоумен: он был новатором и изобретателем. Среди его открытий, например, откидные театральные кресла и современный парашют. Он говорил на нескольких языках, написал за свою жизнь несколько книг, неплохо разбирался в ботанике и был хорошим художником — его картины выставляются в канадских музеях наравне с признанными мастерами — его современниками. Умер талантливый американец в Торонто в 1929 году.

Когда в начале 1880-х Фарини уже перестал выступать, но тем не менее продолжал заниматься шоу-бизнесом, он стал совладельцем старого Вестминстерского аквариума в Лондоне.

Ловкий и удачливый импресарио, он смог организовать там несколько весьма красочных шоу и выставок. А в 1883 году послал своего секретаря в Южную Африку, чтобы тот привез в Англию для выставки группу бушменов. Представление, демонстрирующее жизнь южноафриканских охотников-кочевников, открылось в Лондоне в следующем году.

Так Фарини познакомился с Гертом Лоу, метисом из Калахари, который сопровождал бушменов. Рассказы Герта о Южной Африке разожгли воображение Фарини — особенно его взволновали сведения об алмазах, которые якобы можно без труда найти в Калахари. Вполне возможно, что метис, скучавший по родине и мечтавший туда скорее вернуться, специально выдумал эти истории, что-

бы заинтересовать шоумена. Как бы то ни было, американец решил отправиться в экспедицию в Южную Африку.

Попутно заметим, что Фарини был весьма заметной фигурой, а его шоу с бушменами пользовалось немалой популярностью и известностью. Герт Лоу даже был представлен королеве Виктории. Он, видимо, был первым цветным охотником из Калахари, который пожал руку коронованной особе. Метис дожил до ста лет, но никогда не забывал о своих заморских впечатлениях. Вспоминая об этих днях, он обычно говорил: «В одном доме в Лондоне можно разместить весь мой народ. Люди там словно саранча — так их много».

Итак, в январе 1885 года Фарини, его сын Лулу (опытный фотограф) и Герт Лоу отправились на корабле «Рослин Касл» из Англии в Кейптаун.

Из Кейптауна Фарини доехал поездом до Хоуптауна, в район алмазных разработок Кимберли. Там он приобрел фургон на ресорах и мулов. На реке Оранжевой, в Апингтоне, он обменял мулов на волов и двинулся в Калахари. Едва ли путешественник тогда мог представить, что эта его поездка будет привлекать к себе столько внимания и сто лет спустя.

В 1880-е годы северная часть Капской колонии представляла собой весьма дикую страну. Там были разбросаны лишь одинокие фермы буров, которые выращивали скот, и их контакты с внешним миром ограничивались редкими визитами бродячих торговцев. Местное население состояло из племен тсвана, групп кочевников-бушменов и «цветных» — потомков от смешанных браков европейцев и готтентотов.

Согласно описаниям, оставленным в его книге, Фарини повернул на север в местечке Вилхерхоут-Дрифт в пятидесяти милях восточнее Апингтона. На реке Молопо Фарини встретил немецкого торговца Фрица Ландвера, который почти погибал от дизентерии и голода. Вскоре Ландвер поправился и присоединился к экспедиции американца.

Герт Лоу посоветовал нанять слугу Яна, такого же «цветного», как и он сам. В экспедиции было еще два африканца, имен которых не сохранилось. К этому можно добавить, что Лоу умер при-

Сын Фарини Лулу – художник и фотограф

плодородных районов Англии. Все дюны были покрыты дикими дынями, и каждый день можно было подстрелить антилопу канну или гну. Так что проблем с продовольствием у экспедиции не было.

Фарини не пошел по известным маршрутам. В своем дневнике он сделал запись: «Мы не испытывали недостатка в пище — ее хватало нам самим и нашим животным, и, кроме того, я верил в удачу, которая меня никогда не оставляла».

В районе южнее Нгами обещанных алмазов не нашли. Добралась до местечка Керсиз, где познакомились с одним англичанином, женатым на африканке. «Это был образованный человек из хорошей семьи, и, слушая его, я удивлялся, почему он поселился в этом заброшенном уголке, — писал Фарини. — По его личной просьбе я не упоминаю здесь его имени».

мерно в 1915 году, а Ян был жив еще в начале 1930-х годов.

В Кимберли Фарини познакомился с горным инженером Д.Д. Притчардом, который работал на Сесилия Родса и по его заданию ездил через Калахари на озеро Нгами. От него была получена схематическая карта Калахари, которой и пользовались в пути.

С помощью указаний Герта Лоу и этой карты экспедиция проследовала через местечки Лехуту и Ганзи на север, до озера Нгами. Год выдался на редкость влажным, и Калахари напоминала цветущий сад. Эта холмистая земля, покрытая золотистыми зреющими травами, выглядела, по словам Фарини, как один из

На обратном пути, пролежавшем восточнее маршрута, которым они двигались на север, Фарини побывал в селении Мир (ныне Ритфонтейн).

В 1885 году Ритфонтейн был и, вероятно, до сих пор является одним из самых отдаленных и изолированных уголков Южной Африки. В нескольких милях восточнее лежит огромный солончак Хакскенпан, который уже в XX веке использовал гонщик Малколм Кэмпбелл, чтобы поставить рекорд скорости.

Когда в Ритфонтейн прибыла экспедиция Фарини, там жила группа цветных-метисов, именовавшихся бастерами, — потомков от браков белых и готтентотов. Они переселились сюда с юга Капской колонии, чтобы создать свое собственное независимое от европейцев государство. Предводителем их был Дирк Филандер.

Рассказы его об обилии дичи к северу по течению Нособа разожгли у Фарини желание поохотиться. Тем более как раз в это время группа охотников-бастеров отправлялась в этот район. И Фарини решил присоединиться к ним.

По высохшему руслу реки Нособ они добрались до места слияния ее с таким же высохшим притоком Аоуб и повернули на север. Спустя три дня охотники достигли холмов Кай-Кай (скорее всего, высоких дюн) на восточной границе нынешнего национального парка Калахари-Гемсбок.

В районе Кай-Кай Фарини со своими спутниками свернул в сторону от Нособа и пошел на северо-восток через настоящую пустыню. Через три дня он оказался у лесного массива Кгунг. Там занялся охотой, а также ловлей бабочек и других насекомых. Жизнь в пустыне, несомненно, пришлась по душе Фарини и его сыну. Судя по карте в книге Фарини, они зашли на север чуть ли не до самого Лехуту.

Только когда у них кончились запасы риса, они двинулись на юг в Апингтон. На другой день впереди показалась высокая горная вершина. Проводник Ян сказал, что это Кай-Кай. Но когда они к ней подошли ближе, оказалось, что никто этой горы прежде не видел и ничего о ней не слышал.

И вот тут-то Фарини и обнаружил руины города, описания которых мы приводили выше.

Покинув развалины, путники через три дня снова оказались в районе уже знакомых им холмов Кай-Кай.

Сенсация или вымысел?

Были ли основания у Фарини выдумывать его затерянный город, а его сына делать наброски воображаемых руин? Книга и без того интересна, она была переведена на немецкий и французский языки сразу после выхода английского издания. Автор явно не стремился сделать из своего открытия сенсацию — он не ставит затерянный город в центр повествования, как это сделал бы беллетрист. Наоборот, пишет о нем вскользь, не выделяя среди других эпизодов путешествия. Чтение его книги не оставляет сомнений, что он писал о том, что видел.

Если в книге Фарини не оставил четких координат обнаруженных развалин, то в своем сообщении в Королевском Географическом обществе он заявил, что затерянный город расположен на 23,5° южной широты и 21,5° восточной долготы. Правда, как теперь выяснилось, карта, которой он пользовался, страдала погрешностями. И неудивительно, что при сравнении ее с последними схемами этого малоизвестного района было найдено много расхождений и пропусков. Поэтому даже если считать, что Фарини указал положение города по карте, он может находиться на 70 миль севернее или южнее и на 40 миль западнее или восточнее обозначенного места.

Автор также отметил, что развалины обнаружил в тридцати или тридцати пяти милях от устья довольно-таки длинного притока реки Нособ, и добавил к тому же, что приток этот тянется почти точно с севера на юг...

Поведанная история вызвала немалый интерес. Однако спустя год после выступления первооткрывателя в Лондоне немецкий ученый-миссионер, доктор Ханс Шинц, который много путешество-

вал по Калахари, сделал весьма критический разбор книги Фарини в географическом журнале «Петерманнс миттайлунген». Он заметил целый ряд противоречий в описании Фарини своего маршрута. Он также опросил некоторых людей, которые жили в Калахари в то время. Так, от нескольких белых фермеров, населяющих Ганзи, он узнал, что никто из них никогда не слышал о Фарини. Другой миссионер поведал, что о нем не было известно и в районе озера Нгами. Секретарь магистрата в Апингтоне уверял, что Фарини из Кимберли направился в этот город прямой и безопасной дорогой, которой пользовались все путешественники. А еще один свидетель, живший в Кетмансхопе, сообщил Шинцу, что Фарини из Апингтона напрямую двинулся в Ритфонтейн по известной торговой дороге, и хотя уходил в пустыню, странствовал по местам, куда едва ли не ежедневно наведывались охотники-бастеры.

Каменные города Южной Африки

Самое время задаться вопросами: мог ли вообще существовать большой каменный город в Калахари, где бушмены живут в лучшем случае под навесами из шкур, а их соседи-тсвана сооружают лишь хижины, покрытые соломой? Почему публика приняла на веру рассказ, который вроде бы должен был выглядеть весьма фантастично? И, наконец, если затерянный город — плод фантазии Фарини, то почему такое родилось в его голове?

Надо сразу сказать, что наш герой был вовсе не первым и не последним, кто писал о каменных строениях в Южной Африке.

Так, английский путешественник А. Андерсон, исколесивший вдоль и поперек территорию нынешней ЮАР и пустыню Калахари, в своей книге «Двадцать пять лет в фургоне», которая вышла почти одновременно с записками Фарини, тоже сообщил о каменных городах Южной Африки. Например, он описал поселение из каменных домиков, встреченное им в междуречье Оранжевой и Вааля. Правда, здесь англичанин достаточно четко дал координаты этого поселения, его потом не приходилось «заново открывать», и оно

фигурирует даже в объемистом труде Оберхольстера «Исторические памятники Южной Африки», изданном в Кейптауне в 1972 году. Город Андерсона представлял собой хижины, сложенные из камней, и своим существованием лишь доказывал, что некоторым южноафриканским племенам не были чужды основы каменного строительства.

Но легенды и слухи о каменных городах в Южной Африке будоражили умы европейцев и раньше. Не случайно и в «африканских» романах Райдера Хаггарда («Жена Аллана», «Она») описываются подобные загадочные каменные сооружения...

Европейские путешественники, охотники и торговцы, встречая в середине XIX века среди южноафриканского вельда каменные строения, немало им поражались и, конечно, не оставляли их без внимания: ведь жившие по соседству африканцы, как считали они, способны были сооружать лишь хижины — из веток, тростника, дерева. В лучшем случае, глинобитные.

Кем же были загадочные строители этих необычных и непривычных для Южной Африки сооружений? Рассказы и легенды о каменных городах ходили по стране среди белых и породжали множество предположений. По-видимому, занимали они и Хаггарда.

Каменные поселения той или иной величины европейцы обнаружили на территории от Оранжевой Республики (междуречье Оранжевой и Вааля) на юге до центральных районов Южной Родезии (ныне Зимбабве) на севере, и от восточной части Бечуаналенда (ныне Ботсвана) до западных районов Мозамбика. Самые известные среди них сегодня это Мапунгубве над Лимпопо, Дхло-Дхло на восточной окраине Калахари, Пенья-Лонга в Мозамбике и, конечно, Большой Зимбабве, в честь которого Южная Родезия и получила свое нынешнее название (о них наш отдельный рассказ).

Не веря в возможность существования культуры каменного строительства у африканцев, тогдашние путешественники и исследователи связывали появление этих внушительных сооружений с финикийцами, древними египтянами, арабами, а также индийцами, китайцами, индонезийцами. Ассоциировали их с древней загадочной

страной Офир, копиями царицы Савской и царя Соломона. Но только никак не с местными африканскими племенами. Считалось, что люди этих дальних стран и создавали каменные города в африканских джунглях, откуда и шло знаменитое золото Офира. Особенно густой ореол преданий и легенд окружал Зимбабве, около которого действительно существовали старинные золотые разработки.

Первыми европейцами, которые прослышали про эти богатые золотом земли, где стояли каменные города в глубинных районах Южной Африки, стали в XVI веке португальцы, начавшие создавать свои опорные пункты вдоль побережья Юго-Восточной Африки. Тогда же в междуречье Замбези и Лимпопо появились португальские рыцари, но они не смогли покорить эти земли. Португальские хронисты предположили, что открытая ими страна и была Офиром, откуда поступало золото в Иерусалим.

Затем на долгое время о стране «Зимбаоэ», как тогда называли этот район, забыли. Остались лишь описания в старых португальских книгах и манускриптах, в которые мало кто заглядывал.

Но, похоже, у буров, начавших в середине позапрошлого века осваивать территории к северу от Вааля и Оранжевой, бытовали какие-то легенды о богатых районах в глубине Южной Африки, которые они — как ревностные христиане — ассоциировали со сказочными странами из библейских преданий. Постепенно эти легенды стали все больше наполняться реальным содержанием благодаря проникавшим в междуречье Замбези и Лимпопо первым европейским путешественникам, а также рассказам африканцев. Находки загадочных каменных городов еще больше разжигали воображение белых людей и укрепляли их веру в богатства таинственной страны. То, что у самих африканцев могла когда-то существовать древняя, достаточно развитая цивилизация, никто тогда и предположить не мог.

В середине XIX века наиболее, пожалуй, информированным и ревностным собирателем сведений о «древнем Офире царя Соломона» был немецкий миссионер из Трансвааля А. Меренски, который накопил множество описаний руин древнего города, но так и

не достиг его. Любопытно заметить, что его идеи и другие слухи и легенды вдохновили некоего Х.М. Уолмсли, в 1869 году опубликовавшего вымышленное описание путешествия к руинам под заголовком «Разрушенные города Зулуленда». Книга эта в свое время осталась почти незамеченной, но важно то, что сама подобная идея носилась в воздухе. Можно считать, что она, по существу, явилась как бы предтечей «Копей царя Соломона» Хаггарда, а может, и описаний руин в Калахари у Фарини...

Рассказы Меренски вдохновили и активного человека — немецкого геолога Карла Мауха, уже обнаружившего залежи золота к северу от Лимпопо, которого особенно волновали рассказы о руинах и их возможных строителях. В сентябре 1871 года Маух с помощью торговца и охотника Адама Рендерса, жившего на землях народа каранга, обнаружил наконец столь долго разыскиваемые европейцами руины Большого Зимбабве. Немецкий геолог был смелым и решительным человеком, но не являлся ни историком, ни археологом. Изложенные им впечатления и выводы, которые он сделал из увиденного, еще больше укрепили авантюристов во мнении, что Зимбабве и есть Офир, копи царя Соломона.

Настоящие научные исследования территории Южной Родезии и Большого Зимбабве, в частности, начались только в самом конце позапрошлого столетия, когда у руин побывали первые профессиональные археологи. И уже в самом начале XX века было почти точно доказано, что Зимбабве и другие каменные руины Южной Африки — следы местной, африканской цивилизации.

Но тогда, в 1880-е годы, когда Райдер Хаггард писал «Копи царя Соломона», а Фарини странствовал по Калахари, все, что касалось необычных каменных сооружений и золотых шахт, было скорее легендами и отдельными туманными сведениями, которые каждый интерпретировал по-своему.

Неслучайно именно в это время и практически одновременно появляются и роман Хаггарда «Копи царя Соломона», и книга Фарини с описанием затерянного города.

Pro и Contra

Слышал ли Фарини о находках реальных каменных городов и шахт в Южной Африке? Скорее всего, да. И даже его указания на «великий народ, живший много тысяч лет тому назад» и на то, что он искал именно «иероглифы», вряд ли случайны: о том, что найденные в соседней Родезии руины сооружены древними египтянами, финикийцами или, на худой конец, арабами, тогда только и говорили.

Примечательна еще одна деталь: в своем докладе в Лондоне путешественник, описывая обнаруженный им город, сообщал и о колонне с рифленой поверхностью — такие сооружали только в странах древнего Средиземноморья!

Кстати, исследователи, начавшие всерьез заниматься поиском затерянного города в Калахари, тоже сразу же решили, что находка Фарини — очередной и пока неизвестный город, принадлежавший к той же культуре, что и Зимбабве. А поскольку каменные города последнего были связаны с добычей золота (вблизи многих из них существовали старинные шахты), то и руины Фарини сразу же связали с возможностью обнаружить там сокровища. Это, кстати, подстегнуло интерес к поискам у разного рода авантюристов.

Начавшие в 1930-е годы активно искать затерянный город ученые сразу сделали предположение, что руины Фарини — остатки одного из цепочки городов, которая протянулась от междуречья Замбези и Лимпопо или даже от Индийского океана до Атлантического. На свет всплыла португальская карта 1740 года, на которой была обозначена дорога, пересекавшая южные районы Калахари от того места, где сейчас расположен портовый город Людериц на Атлантическом океане, до бухты Лоренсу-Маркиш (сегодняшний город Мапуту) — на Индийском.

Если руины Дхло-Дхло лежат на востоке Калахари, то почему аналогичное поселение не могло существовать на юго-западе этой пустыни? И, главное, в XX веке размещение каменного города в

дебрях Южной Африки уже ни для кого не выглядело чем-то маловероятным.

Правда, внимательные исследователи сразу обратили внимание на такой факт: Фарини пишет о том, что каменные блоки у его построек были скреплены цементом, а в Зимбабве и других известных древних поселениях Южной Африки применялась безрастворная кладка.

Другим контрдоводом ученых-скептиков было то, что для существования такого крупного, судя по описаниям, города был необходим значительный и постоянный источник воды, а рядом должны были находиться каменоломни, откуда древние зодчие могли бы брать камень на строительство. Ни о каких разработках камня и даже просто скалистых массивах поблизости от обнаруженных руин Фарини не упоминает. Что же касается воды, то затерянный город находился вообще среди пустыни.

Дхло-Дхло тоже лежит в пустынной местности, но все же по соседству протекают небольшие реки и в регионе регулярно выпадают дожди. Город же Фарини лежал в местности, где остались лишь высохшие русла, наполняющиеся влагой раз в полсотни лет.

По заключениям ученых климат в Калахари радикально не менялся многие тысячелетия. Немецкий археолог Э. Шерц, занимавшийся исследованием наскальной живописи соседней Намибии, также придерживается этого мнения. Однако он делает одновременно и любопытное наблюдение: от Атлантического океана на западе подъем к внутренним районам, к Калахари, идет очень пологий и ровный, а значит, контакты с побережьем были здесь достаточно удобными.

Но вернемся к климату Калахари. Его засушливость вовсе не означает, что эта страна всегда была безводной. Крупнейший исследователь Южной Африки Давид Ливингстон писал о том, что под Калахари находится много воды, которая ушла под землю. Наличие здесь значительных подземных водных запасов (возможно, целых озер и рек) подтверждают и современные данные геологической разведки. Ученые также считают, что некогда озеро Нгами

на севере Калахари было гораздо крупнее. Это был очень крупный водоем — благодаря существованию его на значительной части нынешней Калахари мог быть совсем другой микроклимат.

Так что и значительный город там тоже мог вполне вырасти. Тем более что археологические находки, а также обилие петроглифов на скалах свидетельствуют о том, что некогда пустынная ныне Калахари была населена значительно гуще.

Одна подробность из описания Фарини также привлекает внимание, хотя, насколько нам известно, до сих пор никто из ученых ее не заметил. Американец пишет про то, что «мостовые» пересекались, образуя мальтийский крест. Неожиданная деталь в повествовании, относящемся к Южной Африке! Тем более любопытная, что в богатой медью области Катанга в верховьях Конго изделия из этого металла, предназначенные для меновой торговли, — некий прототип денег — традиционно имели форму мальтийского креста! Катанга это, конечно, не Калахари, но область в общем-то соседняя. Так что подобная форма была неплохо знакома африканцам региона. Но Фарини едва ли знал об этом, чтобы умышленно ввести в свой рассказ...

Какова же была дальнейшая судьба удивительного открытия? Были ли с тех пор еще какие-нибудь новые сведения об этих развалинах или открытие американца было забыто?

Первые поиски

О находке Фарини долгое время никто не вспоминал. В конце XIX века все были увлечены золотоискательством в районе Йоханнесбурга и добычей алмазов в Кимберли. Просто было не до затерянного города в Калахари: реальные сокровища затмили интерес к полумифическим руинам.

Так продолжалось сорок лет, пока в 1923 году о сообщении Фарини не вспомнил профессор Э.Х.Л. Шварц из университета Родса в Грехамстауне. После этого к затерянному городу вновь проснулся интерес. Появились активисты и организации, которые

старались собрать новые факты о загадочных руинах, в Калахари стали отправляться экспедиции. Постепенно в эту деятельность включилась масса совершенно разных людей в Южной Африке — археологи, сенатор (Пит Гроблер), журналисты, писатель с мировым именем (Алан Патон), просто искатели приключений... В общем, кроме скептиков-одиночек, мало кто сомневался в словах Фарини, но в то же время никто до поры до времени не отважился их проверить.

В 1932 году в районе предполагаемого местоположения города Фарини побывала первая экспедиция. Под руководством Р. Крейла она поднялась по Нособу до городка Гобапис в Юго-Западной Африке. Непосредственно не ставилась цель найти руины, а проводились общие исследования местности.

Первыми, кто взялся за последовательные поиски города, были два южноафриканца — Борчердс и Пейвер. Причем они старались подойти к этому с научной точки зрения.

Ф.Р. Пейвер, издатель йоханнесбургской газеты «Стар» и заслуживающий доверия археолог-любитель, и доктор У. Минт Борчердс, врач из Апингтона, начали серьезное исследование легенды в 1930 году.

Первое, что они сделали, — попробовали по книге и выступлениям Фарини более или менее четко определить точное местоположение его города и собрать все другие сведения и слухи о руинах в Калахари. Так, в «коллекции», собранной Пейвером, была информация, полученная от охотников, о развалинах стены длиной в тысячу футов и высотой 30—40 футов. Эти развалины якобы лишь иногда появляются над песчаными заносами — все зависит от направления ветра.

Но, вероятно, самые ценные сведения сообщил молодой фермер Николас Кутзе из Гордони. В 1933 году он рассказал доктору Борчердсу, что за несколько лет до этого, охотясь в районе к востоку от Нособа, он увидел не то каменное строение, не то нагромождения камней, очень похожие на описания Фарини. Тогда Кутзе очень торопился. Он не был археологом и не стал задерживаться,

чтобы получше осмотреть развалины. Место он запомнил лишь приблизительно. И все же нет сомнений, что Кутзе (у которого не было причин для выдумок) действительно видел что-то интересное.

Пейвер и Борчердс также попытались найти живых свидетелей экспедиции американского шоумена.

Тщательно изучив книгу и сообщение Фарини Королевскому Географическому обществу, всесторонне проверив приведенные им факты и взвесив все прочие доказательства, Пейвер выработал план предварительного исследования. Прежде всего оно должно было выяснить достоверность географических данных Фарини.

Итак, в 1933 году экспедиция, отправившись из Апингтона, стала прочесывать район в нижнем течении Нособа. При этом, чтобы не вызывать ажиотажа, она именовалась топографической, и поиски города Фарини особенно не афишировались.

Доктор Борчердс, этот неутомимый путешественник по пустыне, хорошо знал Скотти («Шотландца») Смита и других знаменитостей Калахари. Полиция также оказала большое содействие и доставила их к Яну Абрахамсу, тому самому охотнику-бастеру, который был проводником у Фарини. Старый метис хорошо помнил дорогу, но его рассказы о руинах звучали неубедительно: он о них ничего не помнил. Но, правда, и за пятьдесят лет до этого сам Фарини говорил, что Яна не интересуют развалины. И теперь он был к ним так же равнодушен.

Но это не остановило двух энтузиастов.

В распоряжении экспедиции были легковой автомобиль и грузовик. По дороге на север Пейвер и Борчердс прихватили с собой Николаса Кутзе, а затем и местного торговца Йосте. В составе экспедиции был также проводник-готтентот, который не первый раз сопровождал путешественников в район к востоку от реки Нособ. С хорошим снаряжением и тщательно проверенной информацией Пейвер смело направился в «страну Фарини».

Однако американец не был географом, и у него нет ни единого намека на географические координаты. Более или менее конкретным указанием было то, что затерянный город находится в трех

дней пути от холмов Кай-Кай. Это место в излучине Нособа хорошо известно туземным охотникам.

Пейвер и Борчердс стали следовать указаниям Фарини — на север по Нособу и его притоку. Расстояние, указанное им — в «трех днях пути», они определили как максимум 50—60 километров, беря в расчет скорость движения фургона, запряженного волами. Значит, возможный район поисков был определен.

Решили обследовать средний из трех притоков реки Нособ. На старой немецкой карте это высохшее русло называлось Молентсване. Но ни в лондонском атласе «Таймс», ни даже на официальной карте Бечуаналенда 1933 года масштаба восемь миль в дюйме Пейверу этого притока обнаружить не удалось. И все же они отыскивали его и стали пробираться по давно высохшему дну. Машины утопали в глубоком песке, расходуя по галлону бензина на каждые семь миль пути.

За весь первый день они проехали всего лишь тридцать миль. В тот же день Пейвер и его спутники потеряли следы притока. А на следующий день проводник-готтентот признался, что он никогда еще не заходил дальше этих мест. Они миновали единственный отмеченный на карте ориентир на этой площади в две тысячи квадратных миль. Это была впадина Димпо, оказавшаяся на деле группой впадин. Наконец подошли к стране дюн и окинули взором расстилавшуюся перед ними равнину.

К реке Нособ экспедиция возвращалась другим путем, изучая встречавшиеся выходы известняков. Все были уверены, что такой тонкий наблюдатель, как Фарини, не мог принять естественные скалы за развалины города.

В общем, хотя Пейвер с Борчердсом прочесали на двух автомобилях весь район по высохшему притоку Нособа — Молентсване, они так ничего и не нашли. Причем оба были убеждены, что побывали в таких диких местах, где до них не ступала даже нога бушмена!

Пейвер тем не менее поддерживал общественный интерес к затерянному городу своими статьями в газете «Стар», которые выходили из-под его пера в течение ряда лет.

Пейвер с Борчердсом положили начало научным экспедициям: только крупных и серьезных, отправившихся в течение последующих тридцати лет в пустыню, насчитывалось более двадцати пяти.

Спустя три года вверх по Нособу, до самой Юго-Западной Африки, с экспедицией Кейптаунского университета отправился известный южноафриканский журналист и автор многих книг Лоуренс Грин.

Прежде чем самому выехать на поиски, он написал Пейверу. И вот что тот ответил: «Из отчета Фарини я понял, что указанное место находится примерно в шестидесяти милях от реки Нособ, вероятно, на двадцать пятом градусе южной широты... Все это очень туманно. Когда вы увидите эту пустыню, то поймете, что можно месяцами бродить среди песчаных дюн и даже близко не подойти к тем местам, где расположен затерянный город».

Журналист в течение шести дней исследовал район, лежащий севернее от места поисков Пейвера и Борчердса. Грин оставил подробные записки о своих путешествиях.

Отправившись 8 июля 1936 года на автомобиле от источника Гейнаб по высохшему руслу Нособа, они взяли с собой горючего на двести сорок миль пути, заполнили водой канистры, а также бутылки — на случай, если придется возвращаться пешком, и запаслись пищей на неделю. Часть людей осталась в лагере. Они подписали обязательство в блокноте Грина, что в случае, если группа не возвратится через шесть дней, отправятся на поиски. Журналист пишет, что они проходили по местам, где не ступала нога человека. После блужданий по пустыне участники экспедиции решили, что поиски затерянного города надо вести с самолета.

В уединенном селении Ганзи, на территории Бечуаналенда, нынешней Ботсваны, Лоуренс Грин встречал фермеров, которые слышали от африканцев о существовании развалин — грудях камней, где в давние времена жили люди. «Шотландец» Смит, известный грабитель из Калахари, снабжавший информацией Пейвера и Борчердса, тоже говорил Грину, что видел эти руины.

Но, несмотря на тщательные исследования и сбор всевозможных фактов, и эта экспедиция вернулась ни с чем.

Новый интерес

В годы Второй мировой войны легенда о затерянном городе получила новое подтверждение: один из летчиков южноафриканских ВВС сообщил, что, пролетая над Калахари в районе нижнего течения реки Нособ, видел какие-то руины. А в 1943 году Борчердс получил от готтентотов указание о каком-то «каменном карьере» на Нособе.

В июне 1947 года Лоуренс Грин встречался в Апингтоне с Борчердсом и долго беседовал с ним о затерянном городе. Этого уже немолодого человека по-прежнему притягивали загадочные развалины.

«Недавно мне встретились двое, — сказал Борчердс, — которые заявили, что они побывали в затерянном городе. Я не могу назвать их имена. Это фермеры, которые нелегально охотились в Бечуаналенде. Именно поэтому они и не заявили о своей находке. Но я подробно расспросил их и могу сказать, что их описание полностью соответствует данным Фарини».

Кроме того, доктор Борчердс собрал и другие сведения, которые совершенно по-новому освещали тайну затерянного города. Однажды сержант полиции рассказал ему, что много лет назад во время объезда наткнулся на древнюю каменоломню. Там он увидел несколько обтесанных камней. Каменоломня эта была как раз в районе затерянного города. Сержант также откопал в песке остов лодки длиной четырнадцать футов.

Борчердс по этому поводу заметил: «Теперь я слишком стар для путешествий по пустыне. Но я уверен, что много веков назад в Калахари действительно существовало поселение, которое описал Фарини. Нам известно, что из озера Нгами вытекали реки, которые направлялись через пустыню на юг и впадали в реку Оранжевую. Значит, у жителей этого поселения была вода, а теперь мы узнали, что у них были и средства передвижения. Эта лодка кажется мне убедительным доказательством. Думаю, я и сам очень близко подходил к этому месту. Несомненно, в скором времени дюны раскроют свою тайну».

Борчердс, обладая этими свежими данными, собирался, несмотря на свой возраст, отправиться в новую экспедицию, но неожиданно умер перед самым отъездом в июне 1948 года.

Все эти сведения еще больше стали подогревать интерес к городу Фарини.

В 1944 году Альберт Албат отправился в Калахари на муле и провел там два месяца, но ничего не нашел. Начиная с 1949 года доктор Ф.Д. Дютюйт ван Зейл провел четыре экспедиции. В первый год он исследовал территорию площадью в 15 тысяч квадратных миль. В его распоряжении были джип, самолет, военная авиация. Ободренное новой информацией, правительство Южной Африки оказало доктору Дютюйту ван Зейлу поддержку на государственном уровне. Оно хотело обнаружить город до того, как это сделают частные экспедиции. ВВС обследовали с воздуха территорию площадью в 4 миллиона гектаров. Но, несмотря на систематическую воздушную разведку и аэрофотосъемку, никаких следов города найдено не было, и археологическая экспедиция для раскопок развалин так и не состоялась.

Тайна Фарини оставалась неразгаданной. «Многочисленные попытки добраться до затерянного города на джипах, на самолетах, пешком кончались неудачей. Ни одной экспедиции не удалось отыскать развалин Фарини. Видно, какая-нибудь сильная буря занесла песком древние стены. И только еще более яростная буря может вновь развеять этот песок», — писал Лоуренс Грин, продолжавший следить за поисками затерянного города.

Из-за туманности и противоречивости указаний Фарини география поисков расширялась.

В 1949 году юго-западную часть Калахари исколесил на машине и исходил пешком французский путешественник, ученый и писатель Франсуа Бальзан — один из тех, кто был очарован легендой о затерянном городе: он прошагал между высохшими руслами Нособа до Молопо 280 километров, но тоже не обнаружил никаких признаков затерянного города.

А спустя два года, в 1951 году, ван Зейл прочесывал район Лехуту, лежащий еще севернее, — он проверял информацию, по-

лученную от некоей госпожи Форсит, которой, в свою очередь, якобы поделился с ней еще знаменитый охотник Фредерик Селоус. В том же 1951-м Бальзан, совместно с профессором Витватерсрандского университета П.В. Тобиасом, возглавил одну из самых хорошо экипированных и дорогостоящих экспедиций в Калахари, которая длилась два месяца.

Целью путешествия было пройти на двух автомобилях от Атлантического до Индийского океана по тропику Козерога. Поиски затерянного города Фарини были лишь частью планов поездки. Но пресса растрогала именно об этом, и в результате готовившаяся экспедиция южноафриканцев Ялмара Рейца и полковника Дорина Тейнтон решила отправиться на поиски в район Тве-Риферен на Нособе раньше намеченного срока, дабы француз не опередил их.

Когда Бальзан встретился со своими соперниками, он сказал симпатичному и энергичному полковнику, что затерянный город — лишь небольшая часть их планов, что у них нет и капли чувства соперничества, и если кому-то удастся преуспеть, они будут только аплодировать! Но его коллега Рейц лишь ускорил после этого сборы.

Тейнтон и Рейц безрезультатно бороздили местность в окрестностях Кай-Кай, но так ничего и не обнаружили.

Бальзан для своих поисков, как и Дютойт ван Зейл, решил использовать авиацию. Он подсчитал, что фургоны с волами могут проходить через пески Калахари максимум 9—12 миль в день. Поэтому затерянный город мог находиться на расстоянии 37 миль (три дня пути) от Кай-Кай, в вероятном радиусе 45 градусов. Он облетел всю эту зону на самолетах «Сессна» и «Пайпер-Каб», прочесав со скоростью 50 миль в час на высоте 300—500 метров весь «сектор Фарини». Причем два рекогносцировочных полета были проведены в часы низкого стояния солнца, когда любые возвышения отбрасывают четкие тени, и руины обнаружить было бы легче. И снова тщетно! Лишь несколько раз Бальзан принимал за развалины нагромождения песка.

«В отличие от других районов Калахари, имеющих воду, пейзаж в этой части почти сахарский, — отмечал Бальзан. — Ветер поднимает тучи песка, образуя дюны».

Французский путешественник выяснил, что некогда здесь существовали две старые дороги, ныне погребенные под песком и соединявшие Нособ с центральной частью Калахари: одна вела от русла Молентсване (той самой реки, которую исследовал Пейвер), другая — из пункта, расположенного в 20 километрах севернее Кай-Кай.

Нособ, по мнению Бальзана, к тому же — удобный путь после высоких плато, которые надо преодолевать, если следовать от побережья Атлантики. Таким образом, можно предположить, считал он, что в давние времена торговые караваны выбирали именно эту дорогу по Нособу и там создали нечто вроде «базы» для дальнейшего проникновения в Калахари.

«Описание архитектурных особенностей, оставленные Фарини (арка, бассейн в форме эллипса, колонны с рифленой поверхностью, раствор в кладке), заставляют вспомнить о пришельцах из Средиземноморья, — писал Бальзан. — Город Фарини похож на Зимбабве, однако те покинутые города были связаны с добычей золота, которого в Калахари нет...»

Далее по тем же местам экспедиция Бальзана двинулась на грузовиках. Ничего. Только на восточном берегу Нособа, в 20 километрах к северу от Кай-Кай, у начала исчезнувших троп, что вели на восток, он нашел ту самую «каменоломню», о которой говорил перед смертью Борчердс. Она была круглой, но маленькой и нисколько не напоминала развалины.

Бальзан решил изучить этот «объект», представлявший собой сложенные по кругу камни. Однако он был твердо убежден, что это никак не могло быть основанием покинутого дома. Бушмены никогда не использовали твердые, прочные материалы. После некоторых раздумий французский путешественник пришел к выводу, что камни, скорее всего, служили своеобразными скамейками для бушменов, видимо, собиравшихся здесь на переговоры. Похожие он видел в иных местах Калахари.

Помимо книги Фарини у Бальзана были и другие источники информации. Когда он был в Юго-Западной Африке, хранитель минералогического и археологического музея в Виндхукке герр Целле

показывал французскому путешественнику хранившееся в его архиве письмо от некоего Конрада Рафта от 12 июля 1950 года. В нем сообщалось, что африканец-гереро по имени Канаджа видел в Калахари какие-то руины и собирал старинную глиняную посуду у бушменов племени магон. А в Лехутуту местный торговец-индеец Расул говорил, что у него служит один готтентот, который видел руины в 150 милях к западу.

Самое же любопытное и интригующее состояло в том, что еще перед отправлением в экспедицию, в Париже, Бальзан получил анонимное письмо, в котором говорилось: «У меня есть некоторые интересные сведения. «Фарите» (видимо, имелся в виду город Фарини) нужно искать между 19°50' и 20°40' долготы и на широте 23°56', немного к югу от тропика Козерога. Если ничего не найдете в этом месте, спуститесь на 30—40 километров к югу (не далее 24°15')». По странному совпадению, именно на этот район указывали Расул и гереро: 150 километров севернее Кай-Кай, совершенно за пределами бассейна реки Нособ и значительно севернее тех мест, где бывали Пейвер и Грин.

Но Бальзан снова не обнаружил ничего, что можно было бы признать городом. Зато повсюду в Калахари экспедиция находила следы доисторических людей. Весь район вдоль Нособа во времена палеолита был густо населен — исследователям тут и там встречались наскальные изображения воды, охоты, рыбаков. Это подтверждало, что в Калахари в отдаленные времена могла процветать жизнь. А значит, мог существовать и большой город!

В своей книге «Дорога Козерога», написанной после исследований в пустыне, Бальзан посвятил поискам затерянного города немало страниц. А возвратясь к цивилизации, он заявил в интервью йоханнесбургской газете «Ранд дейли мейл»: «Нам говорили о других затерянных городах в 100 милях к северу и 60 — к юго-востоку от «страны Фарини». Но людей, которые могли бы нас туда отвести, уже нет в живых».

География поиска расширяется

Начиная с 1953 года в южную часть пустыни Калахари, на поиски затерянного города выезжал с хорошо оснащенными отрядами, в распоряжении которых были «джипы» и самолеты, профессор Дж.Н. Хальдеман из университета в Претории. Первая экспедиция, помимо прочего, была снабжена специальными металлоискателями. Однако и она вернулась с пустыми руками. А вот приключений ее участники испытали немало. Например, как-то в пустыне на «джип» профессора напал лев. Правда, пострадавших не оказалось.

Хальдеман прочесывал район реки Нособ и с воздуха. Но после этого заявил, что даже с небольшой высоты он не заметил и свой собственный лагерь, так как заросли кустарника и колючек, покрывающие землю, делают воздушную разведку весьма неэффективной.

Профессор стремился сузить круг поиска. Однако он в очередной раз обращал внимание на то, что карта Фарини далеко не точна. Так, Хальдеман в своей статье, опубликованной в южноафриканском археологическом журнале, сообщал, что место, где соединяются высохшие русла рек Нособ и Ауоб, показано у американца на 85 миль к северо-востоку от реальной точки. Лехутуту Фарини также поместил на 30 миль севернее.

В этой статье профессор обозначил свой регион, где стоит вести розыски города. А в подтверждение собственных доводов привел рассказы готтентотов этой части Калахари. От них он слышал истории про алмазы и золотые украшения, которые те приносили из пустыни. По их рассказам все это они находили в месте, называемом Блудлек-монд («Кровотокащее устье») — там будто бы были камни, похожие на описания Фарини.

Правда, по этому поводу в полемику с Хальдеманом вступил уже известный нам издатель-археолог Ф.Р. Пейвер. Он обратил внимание на то, что легенды об алмазах и золоте, которые приносили

из пустыни готтентоты и бушмены, — распространенный местный фольклор, да и название места — Блудлек-монд — страшное и загадочное — тоже звучит скорее всего как вымышленное.

Тем не менее сведения о затерянном городе все множилось.

Йоханнесбургская газета «Санди таймс» 15 июля 1950 года опубликовала интервью с неким Д. Херхольдтом из Вандербейл-парка, который заявил, что он обнаружил затерянный город еще в 1925 году. Этот город, по словам Херхольдта, был похож на увеличенные руины Зимбабве. Якобы он также обнаружил две гробницы, высеченные в скале, покрытой странными иероглифами, а еще забальзамированные мумии, четыре сторожевые башни и террасы амфитеатра. Почему Херхольдт молчал двадцать пять лет? Он объяснял это тем, что просто забыл и не придавал значения своей находке, а «вспомнил» лишь тогда, когда на поиски города Фарини стали отправляться одна экспедиция за другой. Продолжения этой истории не последовало.

Шведский путешественник Йенс Бьерре писал, что в 1950-е годы встречался в Апингтоне со старым искателем приключений Фредди Макдональдом, известным как «Мак из Калахари». Его глаза загорались, когда тот начинал рассказывать о своем будущем путешествии в пустыню, где он собирался отыскать затерянный город, который видел, по его словам, за двадцать лет до этого. Он гнался за раненым животным и случайно наткнулся на полуразвалившуюся стену из тесаного камня, огораживавшую участок примерно в четыре квадратных километра, весь в развалинах. Мак из Калахари, умерший год спустя после встречи с Бьерре, был абсолютно уверен, что сможет найти этот город снова.

Чары затерянной находки были сильны, как никогда прежде. Например, один бизнесмен из Кейптауна ежегодно в свой отпуск вылетал на собственном самолете на поиски развалин.

В то же время почти все считали город делом рук средиземноморских народов, как и знаменитую наскальную картину из Намибии — «Белую даму», и сооружения Зимбабве. Некоторые с уверенностью писали (будто город Фарини уже обнаружен и исследо-

ван!), что город финикийский (не африканский и не арабский). Его даже датировали 200 годом до н.э. Он был якобы связан с шахтой, а рядом должна была находиться каменоломня. Это вызывало скептицизм серьезных исследователей, в результате чего рождалось неверие в существование самого древнего поселения.

И все же к началу 1960-х годов у исследователей накопилось множество различных свидетельств о возможном существовании города в Калахари — помимо описаний самого Фарини!

Бушмены много раз рассказывали о том, что в пустыне есть «каменные люди» либо «большие камни». Причем эти сведения приходили из совершенно разных мест Калахари — с севера Бечуаналенда и из района Апингтона, на реке Оранжевой.

Вспомнили, что путешественник А. Андерсон писал, будто видел руины в 1873—1874 годах и на северо-западе Бечуаналенда: но был предупрежден не подходить близко, а то живущие по соседству овамбо могут убить. Эти сведения подтверждали рассказы тех же бушменов.

Один бушмен говорил и о том, что якобы видел две колонны где-то около Гобаписа в Юго-Западной Африке. По его словам, движение дюн под воздействием ветра обнажило под песком «комнаты».

Были и другие многочисленные рассказы африканцев о каких-то развалинах в пустыне. Некоторые из них ученые идентифицировали как заброшенные разрушавшиеся немецкие форты на границах Юго-Западной Африки, а также дома трек-буров, проходивших через пустыню по этим местам по пути в Анголу. Некоторые же должны были представлять собой неизвестные науке руины или... плод фантазии рассказчиков.

В 1950 году Джек Хаузер, живший тогда в Кимберли, поведал, что когда служил полицейским в Калахари, обнаружил однажды обнажившиеся после пыльной бури развалины. Следующей бурей их занесло снова. Но точного места руин он указать не мог.

В 1954 году житель Йоханнесбурга Майк Макдоналдс рассказал, что в болотах Окаванго на севере Бечуаналенда он встретил

какие-то загадочные каменные жилища. Хотя он и давал довольно четкие указания, никто их так больше и не видел.

Встречались и явные фальсификаторы. В газетах публиковались сообщения о сенсационных открытиях, некоторые их авторы даже обещали предъявить на суд публики фотографии. Но они так и не появлялись.

Иоханнесбургская газета «Стар» писала 10 октября 1951 года по поводу поисков развалин в пустыне: «Самое большое, что мы можем сделать для затерянного города, — это объявить его «национальным памятником», местонахождение которого в настоящее время неизвестно».

И действительно. Сведения стекались с огромной по площади территории! И почти ни у кого, как и у самого Фарини, не было точных географических координат. В любом случае исследователи, принимая во внимание новые факты, пришли к выводу, что район, где мог располагаться город Фарини, — огромная территория. Более того, возможно, пустыня скрывает даже не один город, а сам американец мог спутать две точки с похожими и даже одинаковыми названиями.

Круг поисков расширился до многих тысяч квадратных километров. Как заметил один исследователь, «искать город в пустыне — то же, что иголку в стоге сена». Необходимо было брать в расчет и периодические песчаные бури, и движущиеся дюны, которые легко могли скрывать город, даже если он существовал. В то же время в Калахари нередко встречаются подвергшиеся эрозии группы скал, которые можно было легко спутать с рукотворными развалинами. Последнее обстоятельство все чаще стало обращать на себя внимание ученых.

И все-таки где искать руины Фарини?

Госпожа Дютуйт, которая в начале 1960-х годов совершила четыре экспедиции в поисках затерянного города, сделала свои выводы насчет того, в каком именно месте город Фарини скорее всего может быть найден — или не найден.

Маловероятно, считала она, что большой город мог существовать в безводной Калахари. Тем более, он должен был находиться где-то неподалеку от залежей строительного камня. Он мог существовать (если вообще существовал) только на старой торговой дороге, около реки или пана (пересыхающего озера) — и при этом еще необходимо иметь в виду, что ныне пересохшие реки и озера были раньше полны воды. И так как в этом районе всего один источник камня — русло реки Нособ, то и город должен располагаться где-то рядом.

В итоге получалось, что затерянное поселение стоит искать либо на юго-западе Калахари, в нижнем течении реки Нособ, либо — на крайнем северо-западе, к западу от Нгами и болот Окаванго. А экспедиции все отправлялись в пустыню...

В 1966 году Б. Янг, автор книги о Бечуаналенде, писал: «В архиве правительства Бечуаналенда хранится толстая папка с заявками на поиски затерянного города и с отчетами этих экспедиций, которые не дали ничего, кроме увлекательного времяпрепровождения для исследователей. Что же — это только легенда? Нет. Например, некий Джордж Сильбербауэр по-прежнему верит в его существование, хотя и не со слов Фарини».

И действительно, анализируя все сообщения и гипотезы, один весьма серьезный ученый делал вывод: «Это был не мираж и не плод воображения — его видели очень многие. И если некоторые белые заявляли об этом явно с целью создания сенсации, то некоторым другим в этом не было никакого смысла: они вообще никогда не покидали родных мест, и дешевая известность была им не нужна».

Другое место, другой город?

Франсуа Бальзан после всех поисков пришел к выводу, что Фарини просто запутался в своих воспоминаниях. Дело в том, что значительно севернее течения Нособа есть еще одно местечко Кай-Кай. И город, если он существует, должен находиться именно там. Шоумен просто спутал две географические точки!

Живший в Ганзи старейший фермер этих мест, Дроцки, в 1958 году говорил Бальзану: «Для меня тайны здесь нет! Я прибыл в эту страну в 1898 году со своим отцом. У меня было время поскитаться. В сотне миль севернее, у подножия холмов Аха, в холмах Кай-Кай, находится исток древней реки. Ее называют Кай-Кай-Дум. Я отправился туда в 1933 году и видел пещеру, заваленную огромным камнем, — непонятно, как бушмены смогли сдвинуть такую глыбу? — и древнюю плотину подковообразной формы, воздвигнутую, вероятно, их предками. А Фарини охотился в этих местах. Судите сами...»

Бальзан пишет, что решил направиться туда, но его опередили.

В начале 1960-х годов этот район посетил родезийский чиновник Джек Лич. Бывший служащий правительства Бечуаналенда, Лич возглавил группу родезийских скаутов и направился на северо-запад Калахари на поиски затерянного города Фарини.

Джек Лич, честный и надежный человек, имел большой опыт путешествий по Калахари и уже не раз искал город Фарини. У него была своя теория насчет затерянного города. Он считал, что американец был прекрасным рассказчиком, смелым человеком, но абсолютно неграмотным в области географии, поэтому неверно определил местонахождение своего города, который на самом деле лежал в 300 милях севернее.

Учитывая это, Лич сконцентрировал свои поиски значительно севернее, чем все его предшественники. То есть как раз в районе холмов Аха, к северо-западу от озера Нгами, около границы с Юго-Западной Африкой.

Во время разведки местности с воздуха он решил, что обнаружил то место, которое искал, и на следующий год организовал туда экспедицию бойскаутов.

На полноприводных автомобилях — единственном виде транспорта, на котором можно передвигаться в этих краях, они пересекли болота и двинулись на запад от Ноканенга. В качестве проводника с ними отправился Дуглас Райт, молодой охотник из Бечуаналенда.

Благодаря прекрасным знаниям буша и языка местных жителей, которыми обладал Райт, они смогли добраться до места, обнаруженного с воздуха.

Лич нашел «стену длиной в полмили, подковообразной формы, состоящую из конгломератов. Стена казалась обработанной человеческой рукой. Местами попадались отшлифованные камни на подточенных эрозией ветра подставках («каменные грибы» Фарини?). Теперешний вид руин — результат многочисленных обвалов. Многие участки провалились под неоднократным воздействием ног крупных животных. Они вполне могли произвести впечатление вымощенных площадок». И Лич отверг гипотезу о том, что это обработанные человеком камни.

Одним словом, это был вовсе не затерянный город, и этот факт послужил основанием еще одной теории: Фарини приукрасил свои описания. То, что обнаружил Лич, было не более чем геологической диковинкой — нагромождением вулканических пород, которые подверглись мощной эрозии под воздействием климата Калахари. В результате в некоторых местах известняк приобрел вид человеческих творений. Здесь, в окрестностях Аха, было некое подобие Великой Китайской стены, но на самом деле она представляла собой полукруглое образование из вулканической породы.

Лич пришел к выводу: «Если я был бы столь же склонен к шоу-бизнесу и не мог бы отличить нагромождения скал от камней, скрепленных раствором, я тоже смог бы описать удивительное естественное образование теми же словами, что и Фарини в своей книге».

Райт отвел группу скаутов обратно, а вскоре направился в путь снова — с двумя южноафриканскими журналистами из газеты «Стар». Их статья и фотографии должны были покончить с мифом о знаменитом затерянном городе, но, как оказалось, они лишь подлили масла в огонь прежних споров.

Заявление Джека Лича о том, что они идентифицировали затерянный город как геологическое образование в районе холмов Аха, получило достаточно широкое освещение в местной и мировой прессе. Тем более что в 1964 году экспедиция газеты «Стар» без

труда обнаружила место, найденное Личем, и подтвердила природное происхождение «руин». Однако это не положило конец легенде — находка в холмах Аха лежала на весьма значительном расстоянии от тех мест, где пролегал маршрут Фарини...

Дотошный скептик

Среди тех, кто не согласился с выводами Джека Лича, был и Джон Клемент. Доктор, член-основатель Комитета по исследованию Калахари Витватерсрандского университета, член Института человека Южноафриканского археологического общества был уверен, что холмы Аха лежат слишком далеко на севере, и Фарини просто не мог бывать в этих местах. Доводы его опирались на весьма серьезную базу.

Клемент провел самое тщательное и подробное исследование, касавшееся как личности Фарини, так и его путешествия в Южную Африку. Если его предшественники, включая неутомимых Пейвера и Борчердса, Грина и Бальзана, анализировали лишь записки и выступления Фарини, касавшиеся местоположения открытого им города, то Джон самым критическим образом изучил вообще все, что имело отношение к его странствиям. Потому что по книге американского путешественника практически невозможно составить реальную картину его перемещений с расстояниями и временем в пути.

И ученый в этой «бумажной» работе сделал множество открытий, которые заставили совершенно по-иному взглянуть на книгу Фарини.

В заметках американца Клемент нашел немало противоречий, относящихся не только к затерянному городу. Они и заставили пересмотреть вообще все отношение к рассказам шоумена и поставили вопросы, на которые было необходимо ответить.

В описании биографии мнимого первооткрывателя в изложении разных авторов бросались в глаза противоречия в истории о знакомстве с Гертом Лоу. Фарини встретился с ним на своем шоу в

Вестминстерском аквариуме, в то время как кое-кто пишет, что эта встреча произошла в парке Кони-Айленд в Бруклине, куда Лоу привез некий «балаганщик». Может, это несущественная деталь, но она заставляет задуматься о правдивости вообще всей информации, изложенной Фарини.

Клемент внимательно изучил и все даты путешествия Фарини, призвав на помощь списки пассажиров кораблей, интервью в газетах и расписания поездов. Ибо первый из вопросов, который возникает при изучении книги Фарини, это график его продвижения.

Как удалось установить, «Рослин Касл» вышел из Лондона 7 января 1885 года и прибыл в Кейптаун 29-го числа того же месяца. Фарини плыл под вымышленным именем — в списке пассажиров он фигурировал под своей «уже забытой» фамилией Хант — так можно было не привлекать внимания пассажиров. Фигурирует в списке и некто «К. Лов» — видимо, так записали метиса Герта Лоу.

Если верить книге, из Кейптауна в глубь Африки они отправились 2 июня 1885 года. В Англию вернулись не позднее 20—24 августа того же года. Обрато плыли на корабле «Драммонд Касл» — в списках его пассажиров есть имя Фарини. Плавание между Южной Африкой и Англией занимало тогда три недели. И время возвращения в Лондон несложно восстановить по датам на письмах, которые отправлены сразу после прибытия в Англию (в частности в зоосад Кью).

Значит, путешествие из Кейптауна к району озера Нгами и обратно длилось максимум 60 дней. Срок этот явно нереальный для темпов передвижения того времени. Скорее всего, Фарини указал неверную дату отъезда из Кейптауна в сторону Калахари. Тем более, если верить его лекции, прочитанной в Берлине, он отбыл с Оранжевой реки на север 10 февраля. Да и что было американцу, стремящемуся к алмазам Калахари, делать целых четыре месяца в Кейптауне? Вероятно, дата «2 июня 1885 года» возникла не умышленно, а была результатом обычной опечатки.

И, безусловно, это ошибка — на самом деле он выехал поездом на север 2 февраля, а не июня. Так, список пассажиров реально уточ-

нил дату приезда (некоторые исследователи полагали, что Фарини мог прибыть в Южную Африку еще в ноябре—декабре 1884 года!).

В Кейптаун из своего путешествия шоумен вернулся не позже 22 июля того же года.

То есть теперь Клемент располагал точными датами, а значит, в Южной Африке Фарини пробыл 175 дней. За это время американец, по его утверждениям, покрыл примерно 3000 миль по одной из самых труднодоступных территорий Южной Африки.

Чтобы подсчитать примерную длину его ежедневных переходов, нужно было вычислить и время, которое Фарини провел непосредственно в пути. То есть из 175 дней вычесть время, проведенное в Кейптауне, две поездки на поезде, дни, потраченные на подготовку экспедиции, на охотничьи походы и так далее.

Более или менее точно определить чистое время в пути помогли сохранившиеся расписания поездов. Тогда состав из Кейптауна на север отправлялся лишь раз в неделю. Таким образом, вся дорога до Кимберли (поезд плюс переезд на мулах от Хоуптауна) заняла три дня.

В результате всех подобных вычислений Клемент пришел к выводу, что на само путешествие в Калахари у Фарини ушло примерно 125 дней. Получается, что Фарини проходил в день не менее 40 километров. А такого явно быть не может: опытные охотники и путешественники-буры в своих фургонах, запряженных волами, с большим трудом могли проходить в среднем всего 160 километров за неделю! Значит, реальный маршрут Фарини никак не сопоставим с описанием его поездки.

Но это еще не все. Когда путешественник вернулся в Кейптаун, он дал интервью корреспонденту газеты «Кейп Аргус», которое было весьма показательным: американец ни словом не упомянул об открытии затерянного города!

Вызывают вопросы и иллюстрации, приведенные в книге Фарини.

Хотя его сын Лулу был опытным фотографом и оставил множество отличных фотографий тех мест, где они побывали с отцом, в

том числе и знаменитого водопада Ауграбис на реке Оранжевой во время обратного путешествия, у него нет ни одного снимка затерянного города. Вместо них — очень сомнительные картинки, которые представляют собой или акварельные рисунки, или же настоящие отретушированные фотографии, что их реальная основа уже неизвестна.

Не удалось Клементу и выяснить, кем был этот немецкий торговец Фриц Ландвер, которого Фарини встретил в Калахари. Если верить его книге, он спас его, умирающего от истощения и дизентерии, где-то в районе Кхуйс и Лехутуту. Но в книге автор называет его только как «Фриц. Л.» Почему? Так не удалось никому определить, что это был за англичанин, женатый на африканке, в местечке Керсиз. Да и вообще, существовал ли он на самом деле?

Клемент также обратил внимание и на расхождения в истории об обнаружении руин города, изложенной в книге и в докладе в Королевском Географическом обществе. По другой, отличной от приведенной в начале нашего рассказа версии Фарини нашел развалины по пути в Мир (Ритфонтейн), сразу после того как вышли из Лехутуту, у подножия холмов Кай-Кай, а не после охоты в пустыне.

Существуют также значительные расхождения в описаниях руин в книге и в докладе Королевскому Географическому обществу. В книге Фарини есть масса и других ошибок и неточностей...

Все это вызывает множество вопросов относительно правдивости изложенного.

А может, он вообще не бывал в Калахари? Нет, описания увиденного и наблюдения Фарини весьма правдивы и даже порой по-научному проникательны. Например, он сообщал о возможности и целесообразности разведения в Калахари антилоп канн — эти его идеи разделяют некоторые современные ученые.

Анализ коллекций, которые Фарини передал саду в Кью, другим британским и американским музеям, также подтверждает, что он действительно был в Калахари.

Поэтому Джон Клемент решил, что Фарини действительно путешествовал по Южной Африке, но заходил лишь в самую южную

часть великой пустыни и никогда не забирался так далеко на север, как писал в своей книге.

Скептики, начиная с немецкого миссионера доктора Ханса Шинца, тоже считали, что Фарини никогда не удалялся далеко на север от реки Молопо, за исключением нескольких охотничьих походов в район, который ежедневно посещают местные охотники, и держался хорошо известных торговых дорог. А в 1923 году старый охотник и торговец из Калахари Таскер вообще заявил, что Фарини был обманщиком: он считал, что американец никогда не заходил севернее Кхуйса. Доктор Борчердс, будучи, как мы помним, ярким энтузиастом легенды о затерянном городе, сумел разыскать одного фермера из окрестностей Апингтона, который еще помнил Фарини, но он сомневался, что тот смог совершить такое путешествие, ибо отсутствовал всего шесть недель. Все эти данные совпадали с мнением Клемента...

В результате Клемент пришел к выводу, что самой северной частью путешествия Фарини была та охотничья экспедиция с бастерами, и, соответственно, искать следы его города надо в окрестностях Ритфонтейна. А посещение этого поселка никак не вызывало сомнений — в книге Фарини были не только его конкретные описания, но фотографии его обитателей.

И лишь после всей этой аналитической работы Джон Клемент выехал на поиски в Калахари. «Неудовлетворенный этим заявлением (Джека Лича об открытии «затерянного города» в холмах Аха. — *Авт.*) и негативными результатами предыдущих экспедиций, я в апреле 1964 года с небольшой группой людей из трех человек отправился в экспедицию, чтобы пролить новый свет на эту загадку», — писал ученый.

Разгадка в Эйердопкоппис

На протяжении 335 миль от Йоханнесбурга до Курумана дорога была хорошая. От Курумана колея вела к национальному парку Калахари-Гемсбок, придерживаясь русла реки Куруман на протя-

жении 235 миль. В нескольких милях к югу от парка — редко посещаемой туристами местности, кишасшей дичью, — группа Клемента выбралась на прямую дорогу, которая проходит через Ритфонтейн, соединяя Апингтон на Оранжевой реке с Юго-Западной Африкой. Затем они проехали через Коппискрааль, большой пан диаметром в десять километров, который пересекают две параллельные черные расщелины, сложенные из долерита. Вскоре после этого экспедиция обогнула южный край Хакскенпана. На севере над горизонтом возвышалась гряда скалистых холмов. Это были Эйердопкоппис, что означало: экспедиция достигла окрестностей Ритфонтейна.

«Местность в нас вселяла надежды: она была расположена как раз там, где мы предполагали, и очень напоминала описания Фарини», — писал Клемент.

Дело в том, что причудливые скалы Эйердопкоппис удивительно напоминали руины огромного рукотворного строения. И Клемент уже заранее знал, что ему надо искать. Он считал, что «это и есть возможное решение загадки затерянного города, которая мучила Южную Африку и остальной мир многие годы. Фарини действительно мог отправиться в экспедицию вверх по Нособу вместе с бастерами, но зашел не так далеко, как указал в своей книге. Скорее всего, его затерянный город лежит в нескольких милях от Мира (Ритфонтейна), и он прошел мимо него, когда был в окрестностях поселка. Это было странное и необъяснимое, с его точки зрения, геологическое образование, к описанию которого он затем добавил свое живое воображение».

То, что в Эйердопкоппис увидел Клемент, полностью подтвердило его предположения.

«Форму большого овального амфитеатра, примерно в треть мили в ширину и в милю в длину, едва ли можно было с чем-то спутать. В некоторых местах было поразительное сходство с двойной стеной, построенной из больших, блестящих черных камней. Не нужно обладать особенно большим воображением, чтобы признать отдельные камни за прямоугольные строительные блоки. Там

было также несколько вертикальных скал с плоскими верхушками, напоминающими столы, а одна из них полностью соответствовала иллюстрации в книге Фарини. На одной-двух скалах были желобки, напоминающие рифленую поверхность колонн, а на некоторых можно было увидеть какое-то подобие раствора, а пара были похожи на бассейн», — писал Клемент.

В Ритфонтейне, выжженном солнцем поселке, где тень дают лишь несколько групп пальм и живут всего две европейские семьи — торговца и представителя южноафриканской полиции, — Клемент встретился со старым Виллемом Филандером, чей клан по-прежнему главенствует в этих местах. Дед Виллема позировал сыну Фарини — его фотографии можно найти в книге американца. А Давид Раутенбах, старейший житель Ритфонтейна, чей отец прибыл сюда одновременно с Дирком Филандером, основателем поселения, увидев в книге иллюстрацию, изображающую затерянный город, сказал: «Да, я знаю это место». На карте он указал точку в пятнадцати милях к востоку от Ритфонтейна и к югу от Хаксенпана. Это были Эйердопкоппис, которые Клемент только что посетил.

На следующий день Джон и его группа вновь направились к Эйердопкоппис, уже в сопровождении Барендса Филандера, правнучатого племянника старого Дирка, который служил в полиции и, видимо, решил проверить: это честные археологи или нелегальные искатели алмазов.

Фарини, которому явно был известен мегалитический комплекс в Стоунхендже, скалы в Эйердопкоппис могли напомнить творения человеческих рук. Особенности застывания вулканических пород создали горизонтальные трещины, придававшие скалам вид кладок. Другие щели образовались в результате естественной эрозии. Похожие — и хорошо известные — образования есть и в Намибии, которые уже давно известны там тоже как «Великая Китайская стена».

В своих размышлениях Клемент исходил и из климатических особенностей региона. Он придерживался мнения тех географов, которые считали, что за последние несколько тысяч лет климат в

Калахари заметно не менялся. Для большого города нужны источники воды — реки или озера. А на юго-западе Калахари — Нособ и Ауоб типичные тому примеры — водоемы наполняются водой несколько раз за сто лет.

В свете всех этих многочисленных фактов, свидетельствующих не в пользу Фарини, невозможно не прийти к выводу о том, что описанное им — полет фантазии и что основанием для его рассказа о затерянном городе послужили необычные геологические образования, имеющие сходство с руинами. И скорее всего, это место находится в районе Ритфонтейна, где Фарини несомненно побывал.

«У этого клубка загадок, связанных с затерянным городом, — пишет Клемент, — теперь появился один кончик, за который нам предстояло его разматывать: геологическое объяснение руинам».

Профессор Т.В. Геверс из Витватерсрандского университета дал свое заключение по поводу возникновения феномена затерянного города. Если говорить кратко, то стены руин Фарини — это результат эрозии вулканического долерита.

В 1964 году, сразу вслед за Клементом, к Эйердопкоппис отправился уже известный нам Хальдеман. В следующем году он побывал там вновь и, похоже, согласился с выводами Джона. «Как все легенды, легенда о затерянном городе умрет еще нескоро, и, несомненно, найдутся те, кто не будет давать этой теме уйти в небытие, несмотря на все имеющиеся свидетельства. Но, может, это и хорошо, ибо всегда немного грустно, когда рушится легенда...» — писал Клемент.

Но легенда жива

Казалось бы, наступило время считать, что тайна наконец раскрыта?

Этот вопрос недавно задал Грегори ван дер Рейс, возглавлявший одну из экспедиций в Калахари, Майклу Мейну, автору книги «Калахари», и Алеку Кемпбеллу, которые также посвятили немало

времени поискам города Фарини. Они согласились с Клементом, что американский путешественник, вероятно, описал Эйердопкоппис, — естественное скальное образование с почти прямоугольными камнями. И, скорее всего, гипотеза Джона — единственно верное решение. Однако ответа на все вопросы мы опять же не находим. Скалы Эйердопкоппис действительно очень похожи на описание Фарини, но там нет и намека на «мостовую» и тем более «мальтийский крест». Что это — плод фантазии?

И еще одна деталь: Фарини сообщал, что шел вверх по Нособу, а затем повернул на восток, а чтобы добраться до Эйердопкоппис, ему нужно было идти на юг, а затем свернуть на запад.

Ван дер Рейс пишет: «Я верю, что затерянный город существует, а те воодушевление и энтузиазм, с которыми нашу экспедицию встречали, поражают меня»,

Парадокс всей этой истории состоит в том, что даже если затерянный город — плод фантазии Фарини, это вовсе не означает, что такой город не мог существовать! Фарини, как неглупый и прозорливый человек, выдумал то, что действительно могло быть. Экспедиции, направлявшиеся на поиски руин, города не нашли, но сделали множество археологических находок: неизвестные наскальные изображения, стоянки древних людей, пещеры, в которых жили предки бушменов. И сколько еще таких находок ждет ученых в Калахари, которая раскрыла далеко не все свои тайны.

А затерянный город Фарини жив, его посещают тысячи туристов. Находится он, правда, несколько не там, где его поместил американский искатель приключений, а в 500 милях западнее, в районе массива Пиланасберг в Трансваале. В 1980-е годы там был сооружен огромный и шикарный туристско-развлекательный центр, названный «Сан-Сити», «Солнечный город». И одна его часть представляет как раз живое воплощение фантазий о древнем загадочном городе в Африке — она так и называется «Затерянный город».

Так Южная Африка увековечила в камне свою самую большую загадку и романтическую легенду.

Затерянный город Фарини

Район Калахари, где расположен загадочный город Фарини, — один из самых отдаленных уголков Южной Африки. Он находится на стыке трех стран — ЮАР, Намибии и Ботсваны.

Отправиться в путешествие по Калахари можно из столицы Ботсваны Габероне (самолетом из Европы до Йоханнесбурга, а потом рейсом местной авиакомпании), далее частично по шоссе, частично по грунтовке, а большей частью — по бездорожью. Но все же лучше начать его из Южной Африки, из того же Йоханнесбурга. Оттуда на машине через Лихтенбург и Курумман в сторону национального парка Калахари-Гемсбок. Для экономии времени из Йоханнесбурга можно долететь самолетом до городка Апингтон, а уже оттуда по шоссе в сторону Ритфонтейна. По территории национального парка и вообще по Калахари можно передвигаться только на полноприводном автомобиле, так что «джип» будет лучшим средством передвижения. Несмотря на то что цивилизация добралась сегодня и до этих уголков, а до самых границ Калахари можно добраться по хорошей дороге, отправляясь в пустыню, стоит взять с собой запас воды, продовольствия и иметь при себе средство связи.

Помимо поисков затерянного города, в Калахари можно отправиться на сафари, чтобы увидеть богатую здешнюю фауну, древние наскальные изображения, а также познакомиться с бытом охотников и собирателей бушменов. Даже в национальном парке Калахари-Гемсбок туристов не очень много и там можно наблюдать великую южноафриканскую пустыню в ее первозданной красе.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ. ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ, ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТЕЙ	3
--	---

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ

Сахара до начала времен	18
Открытие	19
Трудности датировки	20
Контакты с Египтом? Но насколько интенсивные?	25
Великие хронологические разделы	26
Эзотерика и культ плодородия	27
Период бубала	29
Период пастухов рогатого скота	30
Колесницы в «летащем галопе»	38
«Народы моря»	42
Период лошади	45
Период верблюда	47
Зооморфные и антропоморфные скульптуры	48

«БЛЕДНЫЙ ЛИС» ДОГОНОВ

Догоны	51
Странная «бледная лиса»	52

Два этнографа	53
«Вначале был Амма...»	58
Таинственная сиги-толо	59
А что говорят об этом догоны?	61
Сокровенная тайна Амма	63
Космические странствия	64

ВЛАСТИТЕЛИ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ

Египет, Ливия, Куш	78
Мероз	80
Триумф Куша	84
Афины в Африке?	90
Древности страны Куш	94

РЫЦАРИ ПРЕСВИТЕРА ИОАННА

Эфиопия	126
---------------	-----

КАМЕННЫЕ РАЗВАЛИНЫ ЗИМБАБВЕ

Зимбабве	131
Копи царя Соломона?	135
Вердикт очевидных доказательств	139
Средневековая Родезия	144
Золотые погребения Мапунгубве	148
В древнем Трансваале	153
Ниеркерк и Иньянга: крепости и террасы	157
Зимбабве	162

КОРРИДА НА ПЕМБЕ

Пемба	164
-------------	-----

КОГДА ПРИХОДИТ ЗАСУХА	170
К вызывателям дождя	185

СЕЙШЕЛЬСКИЕ ЧАРОДЕИ	186
----------------------------------	-----

ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОД ФАРИНИ

Рождение легенды	207
Фарини и его экспедиция	209
Сенсация или вымысел?	214
Каменные города Южной Африки	215
Pro и Contra	219
Первые поиски	221
Новый интерес	226
География поиска расширяется	231
И все-таки где искать руины Фарини?	234
Другое место, другой город?	235
Дотошный скептик	238
Разгадка в Эйердопкоппис	242
Но легенда жива	245
Затерянный город Фарини	247

Непомнящий Н.Н., Кривцов Н.В.

Н 40 Неведомая Африка. — М.: Вече, 2004. — 256 с. (Таинственные места Земли)

ISBN 5-9533-0456-0

Далекий и загадочный континент — Африка с давних пор манил мореплавателей, купцов, ученых, авантюристов и завоевателей из многих стран Европы и Азии. До нашего времени дошло немало свидетельств о легендарных путешествиях в Африку финикийцев и карфагенян, о походах греков и римлян, о завоеваниях арабов и крестоносцев. Но как тридцать веков назад, так и сегодня Африканский континент таит еще немало загадок, которые по-прежнему волнуют воображение путешественников и ученых. Авторы Н.Н. Непомнящий и Н.В. Кривцов расскажут читателям о полной опасности Сахаре, о рыцарях таинственного пресвитера Иоанна, о каменных развалинах Зимбабве, о корриде на Пембе, затерянном городе Фарини и многом другом.

**НЕПОМНЯЩИЙ Николай Николаевич
КРИВЦОВ Никита Владимирович**

НЕВЕДОМАЯ АФРИКА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *М.В. Давыдова*
Корректор *С.И. Смирнова*
Верстка *М.А. Виноградов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д.В. Грушин, Г.Н. Фадеев*

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ЗАО «Издательский дом «Вече»

e-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
<http://www.100top.ru>

Подписано в печать 25.08.2004. Формат 70×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Arial». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ .